

Выпуск 9

АЛЕЙНИКОВА
Светлана Михайловна

**РЕЛИГИОЗНО-МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЙ
ВЫБОР:
ЛИЧНОСТЬ
ОБЩЕСТВО
ГОСУДАРСТВО**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Лапина С.В. (председатель), Бабосов Е.М.,
Лапина И.А., Грибов Г.М., Морозов А.В.,
Попов В.Л. (Россия), Сивинский В. (Польша)

Минск
2011

УДК 351:316.47:2-423.35(043.3)
ББК
А

Серия основана в 2003 г.
Выпуск 9

Научный редактор:
доктор социологических наук,
профессор *С.В. Лапина*

Рецензенты:
доктор социологических наук,
профессор кафедры социологии
Белорусского государственного университета *Д.А. Безнюк*

доцент кафедры государственного управления социальной сферой
и белорусоведения Академии управления при Президенте Республики
Беларусь, кандидат социологических наук *Г.Ф. Бедулина*

Алейникова С.М.

А Религиозно-мировоззренческий выбор: личность, общество,
государство / С.М.Алейникова – Минск: , 2011. 156 с.

ISBN

В монографии рассматриваются различные теоретические и прикладные аспекты государственного регулирования социальных отношений в сфере реализации свободы совести. Свобода совести анализируется в ее традиционном понимании как свобода мировоззренческого выбора относительно религиозного/нерелигиозного восприятия действительности.

Особое внимание уделяется выявлению направлений, условий и факторов государственного регулирования в сфере реализации свободы совести, анализу соответствия его правовой основы историко-культурным ценностям белорусского народа и нормам международного права, обоснованию оптимальной функциональной системы государственного регулирования в данной сфере.

Адресована специалистам в области социологии управления, религиоведения, социологии религии, а также аспирантам, магистрантам, студентам.

УДК 636.1.083
ББК 46.11

ISBN

©Алейникова С.М., 2011
© Оформление 2011

ОГЛАВЛЕНИЕ:

Представляем автора	4
ВВЕДЕНИЕ	5
1. СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В СФЕРЕ РЕАЛИЗАЦИИ СВОБОДЫ СОВЕСТИ КАК ОБЪЕКТ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ	10
Сущность и характерные черты социальных отношений в сфере реализации свободы совести	17
историческая динамика социальных отношений в сфере реализации свободы совести	35
2. ОСОБЕННОСТИ РЕГУЛЯТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВА В СФЕРЕ РЕАЛИЗАЦИИ СВОБОДЫ СОВЕСТИ	55
Специфика социально-правового обеспечения свободы совести в современном обществе	55
Государственное регулирование социальных отношений в сфере реализации свободы совести в трансформирующемся белорусском обществе	67
3. СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ РЕАЛИЗАЦИИ СВОБОДЫ СОВЕСТИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ	88
Теоретико-методологические основы социологического обеспечения государственного регулирования социальных отношений в сфере реализации свободы совести	88
Практическая реализация управленческих решений в сфере реализации свободы совести в Республике Беларусь	107
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	127
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	132
ПРИЛОЖЕНИЯ	144

ПРЕДСТАВЛЯЕМ АВТОРА

АЛЕЙНИКОВА Светлана Михайловна, ведущий научный сотрудник НИИ теории и практики государственного управления, преподаватель кафедры государственного управления социальной сферой и белорусоведения Академии управления при Президенте Республики Беларусь, кандидат социологических наук.

- Опубликовала 42 научных работы, из них 17 статей, 3 учебных издания, 14 тезисов конференций. Приняла участие в 41 конференции (семинаре). В том числе международных и республиканских – 32; зарубежных – 9.
- Лауреат конкурса научных работ молодых ученых «Государственное управление в XXI веке» (Академия управления при Президенте Республики Беларусь-2006).
- Победитель Международного конкурса научно-исследовательских работ «Государственное управление в XXI веке: актуальные проблемы» (Российская Академия государственной службы при Президенте Российской Федерации-2007, Санкт-Петербург).

В 2009 г. успешно окончила аспирантуру по специальности «Социология управления». Диссертационное исследование осуществлялось под научным руководством доктора социологических наук, профессора С.В. Лапиной.

В декабре 2009 года защитила кандидатскую диссертацию в Белорусском государственном университете на тему «Государственное регулирование социальных отношений в сфере реализации свободы совести». Результаты диссертационного исследования легли в основу представляемой в альманахе монографии.

ВВЕДЕНИЕ

Свобода совести, являясь неотъемлемым личным правом человека, включается в группу важнейших прав и свобод, составляющих основу статуса гражданина, и находит признание в конституциях демократических стран. В таком правовом контексте она предстает как свобода мировоззренческого выбора относительно религиозного/нерелигиозного восприятия действительности. Различия в мировоззренческих позициях, проявляющиеся в ходе реализации свободы совести, влияют на общий социальный статус индивида или социальной группы, определяют один из срезов социальной дифференциации общества.

Регулирование социальных отношений в сфере реализации свободы совести является одним из направлений социальной политики современных государств. Поскольку реализация данной свободы осуществляется посредством правовых норм и институтов, свобода совести приобретает нормативно-правовое измерение и формулируется в нормативно-правовых документах как право на свободу совести.

Разделение общества на неверующих и верующих, а среди верующих – на адептов различных религиозных направлений имеет социально-исторический характер. Дифференциация общества, многообразие социальных ролей и статусов, возможное рассогласование интересов взаимодействующих социальных субъектов зачастую приобретает реальные формы социальной нестабильности, устранение которой обуславливает необходимость регулятивного воздействия со стороны государства [52, с. 69–70; 160, с. 31–38].

История свидетельствует, что первичной формой (превратившейся в наше время в основу) государственного регулирования явилось законодательное оформление свободы совести и придание возможностям её реализации социально-правовой формы. Именно на этой нормативно-регулируемой базе строится взаимодействие социальных субъектов в сфере реализации свободы совести, представляющее объект целенаправленного воздействия государства в интересах обеспечения социальной стабильности.

Принимая во внимание, что практика государственного регулирования в сфере реализации свободы совести насчитывает не одно столетие, тем не менее, нельзя считать все проблемы решенными. Декларативное признание права на свободу совести мировым демократическим сообществом в международных нормативно-правовых актах о правах человека не является гарантом его практической реализации в полном объёме (равенство всех религий, отсутствие дискриминации по религиозному/нерелигиозному признаку и т.д.). Ознакомление с регулятивной деятельностью различных стран в данной сфере показывает, что даже в условиях развитой демократии возможны отступления от демократических стандартов, выработанных мировым сообществом. В результате далеко не каждый гражданин Земли пользуется и, если пользуется, то не в равной степени индивидуальным правом на свободу совести.

Регулирование социальных отношений в сфере реализации свободы совести, как и любой иной вектор государственной регулятивной деятельности, носит двойственный, субъективно-объективный характер. С одной стороны, оно является направлением социальной политики, вырабатываемой государством, и в этом его субъективность. С другой стороны, содержание данного направления определяется природой конкретного объекта регулирования, и в этом его объективность. Без

выявления данной природы невозможно создать адекватный механизм государственного регулирования в любой сфере социальных отношений, включая сферу реализации свободы совести.

В настоящее время в международных нормативно-правовых документах свобода совести рассматривается только в аспекте государственно регулируемого права. Указанные документы по своему усреднено-рекомендательному характеру не могут учитывать специфику мировоззренческой природы свободы совести, отражающую многовековой процесс её формирования под влиянием духовно-нравственных критериев, присущих каждому народу. Это обуславливает необходимость использования в государственном регулировании широкого спектра социально-управленческих механизмов, позволяющих нивелировать негативные последствия возможной социальной нестабильности при одновременной реализации права человека на свободу совести. К ним относятся социальные институты, которые служат необходимым дополнением к традиционно используемым нормативно-правовым регуляторам и формируют ценностные ориентиры индивидов. Поэтому социальные отношения в сфере реализации свободы совести могут быть отнесены не только к право-, но и к социально регулируемым явлениям, что предполагает, наравне с правом, использование всего многообразия социальных регулятивов.

Таким образом, под сферой реализации свободы совести в государственно регулируемом социуме понимается сфера реализации демократического права на свободу совести. Управление в условиях трансформирующегося общества предполагает разработку новых подходов и эффективных социально-управленческих механизмов. В этой связи целесообразным является изучение взаимодействия всех заинтересованных социальных субъектов – как индивидуальных, так и коллективных, – с целью адекватного воспроизведения функционирующих и развивающихся систем, обоснования методологической и социальной значимости принципов государственного регулирования социальных отношений в сфере реализации свободы совести, способствующих социальной стабильности и устойчивому развитию социума.

Выбор темы представленного исследования обусловлен процессами, происходящими в белорусском обществе в целом и в системе государственного регулирования социальных отношений в сфере ре-

лизации свободы совести в частности. В этой связи в предлагаемой работе исследуется ряд основополагающих теоретико-методологических вопросов (дисциплинарно-концептуальный статус свободы совести, содержание регулятивной деятельности государства в данной сфере), которые наряду с эмпирическими социологическими данными послужили исходной базой для обоснования системы государственного регулирования социальных отношений в сфере реализации свободы совести в Республике Беларусь.

В своем исследовании автор исходит из следующих принципов:

1. Государственное регулирование социальных отношений в сфере реализации свободы совести, являясь одним из направлений социальной политики государства, должно соответствовать её стратегическим целям.

2. Следовательно, при многовекторности социальной политики выбор конкретных инструментов и методов управления определяется не только природой регулируемого социального явления, но и соответствующей системой социальных отношений. В этой связи автором предпринимается попытка выявления адекватности поставленным целям существующей в настоящее время в Республике Беларусь системы государственного регулирования социальных отношений в сфере реализации свободы совести.

Регулятивная деятельность государства настоятельно требует использования социологической методологии в изучении общества, структурированного по религиозному признаку, в выявлении генезиса такой структуризации, её объективных и субъективных предпосылок, позитивных и возможных негативных социальных эффектов.

Социологическое обеспечение государственного регулирования социальных отношений в сфере реализации свободы совести всегда ориентировано на достижение определенного социального результата, что особенно актуально для Республики Беларусь: в белорусском обществе достаточно широко представлены нерелигиозная и религиозная сферы с поликонфессиональной структурой последней.

Изложенная кратко общая направленность настоящего исследования свидетельствует о необходимости системного подхода к проблеме, который позволит объединить в единую систему все инструменты государственного регулирования социальных отношений в сфере реализации свободы совести и соответственно повысить социальную резуль-

тативность государственного регулирования в данной сфере. Вместе с тем системный подход дает возможность очертить круг вопросов, нуждающихся в дальнейшей теоретико-практической разработке, которые могут возникнуть в процессе развития белорусского общества и которые определяют перспективные направления социологических исследований в общей проблеме государственного регулирования социальных отношений. Это, в частности, касается выявления возможных изменений существующих социально-управленческих механизмов как формирования, так и реализации свободы совести, включающих в себя использование социальных институтов, функционирующих в современном белорусском обществе.

Соответственно *объектом исследования* выступили социальные отношения в сфере реализации свободы совести в Республике Беларусь, *предметом исследования* – государственное регулирование социальных отношений в сфере реализации свободы совести в Республике Беларусь.

1. СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В СФЕРЕ РЕАЛИЗАЦИИ СВОБОДЫ СОВЕСТИ КАК ОБЪЕКТ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Из истории вопроса. Проблемам государственного регулирования социальных отношений в сфере реализации свободы совести в современном обществе, особенностям их функционирования посвящено множество научных работ. Полидисциплинарный статус категории свободы совести обусловил многовекторность исследований. Анализ научных работ зарубежных и отечественных исследователей последнего десятилетия позволяет говорить о некоторых тенденциях, связанных с изменениями приоритетов исследований, и дает возможность выявить их основные направления.

Изменения приоритетов исследований связаны в первую очередь с глобальными социальными трансформациями, происходившими в постсоциалистических странах в начале 1990-х. Сам факт обращения ученых к проблемам свободы совести как социальному феномену являлся некоторым научным новаторством, свидетельствуя об изменении мировоззрения и ценностных установок людей.

Если говорить о начале и середине 1990-х, то на отечественную мысль этого времени значительное влияние

оказывали работы зарубежных учёных – США и Западной Европы, в большей массе которых явно прослеживался «правовой акцент» – понимание государственного регулирования сводилось к разработке соответствующей нормативно-правовой базы. В качестве предмета анализа рассматривалось главным образом функционирование правовых институтов, совершенство правовых норм, а также их соответствие международным нормативно-правовым актам по правам человека. Обусловлено это тем, что американская концепция свободы совести, её правовая составляющая базируются на веками сложившихся принципах либерализма, которые и составляют её теоретико-методологическую основу, «фундамент». Устойчивость этого «фундамента» обеспечивает относительную стабильность отношений в религиозной сфере, а существующие проблемы носят в основном правовой характер. Поэтому в трудах американских исследователей основное внимание уделяется преимущественно юридическим вопросам: проблемам соответствия национального законодательства, судебной практики в данной сфере Конституции США и международным нормативно-правовым актам. В последние годы актуальными становятся вопросы религиозных прав мусульман и религиозных меньшинств.

Анализ библиографических источников позволяет определить основные направления и динамику приоритетов научных исследований, выявить предпочтения в научной терминологии западных и отечественных учёных. Следует обратить внимание на то, что западноевропейскими и американскими исследователями чаще употребляются термины «религиозная свобода», «религиозные права», «свобода вероисповеданий», что свидетельствует о приоритетах в теоретической разработке вопросов государственного регулирования социальных отношений в сфере реализации свободы совести.

«Правоцентризм» исследований характерен и для ученых Западной Европы, которые, соответственно, ориентируются на нормы Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, судебную практику Европейского Суда по правам человека.

Проблемы разработки и совершенствования нормативно-правовой базы в сфере свободы совести долгое время являлись основным вектором научных исследований в Беларуси и России 1990-х гг. Причём в работах юристов отчетливо намечалась дискуссия по поводу правовой концепции свободы совести (права на свободу совести). Авторы, рас-

сма­три­ва­ю­щие ре­гу­ля­тив­ную де­я­тель­ность го­су­дар­ства с ли­бер­аль­ных по­зи­ций, ана­ли­зи­ро­ва­ли бо­ль­шей ча­стью со­от­вет­ствие нор­м бе­ло­рус­ско­го на­ци­о­наль­но­го за­ко­но­да­тель­ства ме­ж­ду­на­род­ным нор­ма­тив­но-пра­во­вым ак­там.

В по­след­ние го­ды в на­уч­ной ли­те­ра­ту­ре все ча­ще стал под­ни­мать­ся во­прос о не­об­хо­ди­мо­сти ком­п­лек­сно­го под­хо­да к го­су­дар­ствен­но­му ре­гу­ли­ро­ва­нию, при ко­то­ром дол­жны изу­чать­ся об­ъек­тив­ные ус­ло­вия фор­ми­ро­ва­ния со­ци­аль­ных от­но­ше­ний, со­ци­о­куль­тур­ные, по­ли­ти­че­ские, пра­во­вые тра­ди­ции об­щес­тва и го­су­дар­ства, осо­бен­но­сти мен­тал­и­те­та, цен­но­ст­но-ми­ро­воз­зрен­че­ских ус­та­но­вок на­ро­да. В ре­зуль­та­те та­ко­го изу­че­ния мо­гут быть вы­ра­бо­та­ны еди­ные це­ли со­ци­аль­ной по­ли­ти­ки го­су­дар­ства, ко­то­рые оп­ре­де­ли­ли бы и ос­нов­ные на­прав­ле­ния раз­ви­тия на­ци­о­наль­но­го за­ко­но­да­тель­ства в дан­ной сфе­ре. В этой свя­зи осо­бое вни­ма­ние ста­ло уде­лять­ся ос­но­во­по­ла­га­ю­щей це­ле­вой ком­по­нен­те со­ци­аль­ной по­ли­ти­ки. Имен­но вы­яв­ле­ние це­ле­вых функ­ций, фор­му­ли­ро­ва­ние за­дач по­зво­ля­ет оп­ре­де­лить ос­нов­ные стра­те­гиче­ские на­прав­ле­ния го­су­дар­ствен­но­го ре­гу­ли­ро­ва­ния и вы­сту­пает важ­ней­шим ус­ло­ви­ем её эф­фек­тив­ной ре­а­ли­за­ции.

Ото­ж­дес­т­в­ле­ние на ин­ди­ви­ду­аль­ном у­ров­не субъ­ек­та­ми со­ци­аль­ных от­но­ше­ний сво­ей глу­бин­ной ме­ж­по­ко­лен­ной иден­тич­но­сти с той или ино­й тра­ди­ци­он­ной ре­ли­ги­ей (кон­фес­си­ей) в рав­ной сте­пени ха­рак­тер­но как для ве­ру­ю­щих, так и для не­ве­ру­ю­щих. По­это­му вы­яв­ле­ние об­щих ин­те­ре­сов, цен­но­стей и нор­м, вза­им­ной иден­ти­фи­ка­ции со­ци­аль­ных груп­п, про­ти­во­по­лож­ных по ми­ро­воз­зрен­че­ско-ре­ли­ги­оз­ным убе­ж­де­ни­ям, ста­но­вится од­ним из ос­нов­ных па­ра­мет­ров со­ци­о­ло­гиче­ско­го ана­ли­за со­ци­аль­ных от­но­ше­ний в сфе­ре ре­а­ли­за­ции сво­бо­ды со­ве­сти. Сов­па­де­ние со­ци­аль­но-по­ли­ти­че­ских ори­ен­та­ций не­ве­ру­ю­щих и ве­ру­ю­щих (а сре­ди ве­ру­ю­щих – пред­ста­ви­те­лей раз­лич­ных эт­но-кон­фес­си­о­наль­ных груп­п) служ­ит ос­но­ва­ни­ем для вы­во­да о том, что еди­нство по важ­ней­шим со­ци­аль­ным и по­ли­ти­че­ским про­бле­мам силь­нее, чем ми­ро­воз­зрен­че­ско-ре­ли­ги­оз­ные раз­но­гла­сия. Это еди­нство мо­жет рас­сма­три­вать­ся в ка­че­стве су­щес­твен­но­го фак­то­ра го­су­дар­ствен­но­го ре­гу­ли­ро­ва­ния со­ци­аль­ных от­но­ше­ний в изу­ча­е­мой сфе­ре [13; 110 и др.].

Со­ци­о­ло­гиче­ское обес­пе­че­ние го­су­дар­ствен­но­го ре­гу­ли­ро­ва­ния со­ци­аль­ных от­но­ше­ний в пост­со­вет­ском бе­ло­рус­ском об­щес­тве ре­а­ли­зо­вы­ва­лось че­рез вклю­че­ние в пред­мет со­ци­о­ло­гиче­ских ис­

следований и разработок тем и вопросов, которые касались непосредственно и сферы права на свободу совести. К ним следует отнести изучение динамики ценностных ориентаций и особенностей национального менталитета белорусов; исторического характера связи традиционных ценностей с христианскими нормами и ценностями; роли традиционных религий в сохранении социокультурных традиций. Сосуществование в едином социальном пространстве множества социальных регулятивов и аксиологических систем (права человека, свобода совести, религия) обусловили детальное рассмотрение социологами их взаимодействия также с позиций ценностного подхода.

Ценностное содержание прав человека раскрывается с учетом мировоззренческих различий существующих цивилизаций, национальной специфики восприятия и понимания прав и свобод человека. Однако в последние годы проблема свободы совести и прав человека все чаще становится предметом межкультурного диалога. Анализ межкультурных взаимодействий содержится в работах философов, социологов, идеологов, политологов. В позициях участников этого диалога раскрывается специфика государственного регулирования социальных отношений в сфере реализации свободы совести.

Многочисленные социологические исследования подтверждают правомерность рассмотрения религиозности как дополнительного показателя национально-этнической принадлежности. Трансформация роли религии в этнической истории той или иной страны как традиционного ценностного ориентира и одного из факторов этнической идентичности различных социальных групп было предметом работ как белорусских, так и зарубежных ученых.

Качественные изменения социальной структуры белорусского общества по признаку религиозной идентичности в переломное десятилетие девяностых годов подтверждаются многолетними социологическими исследованиями. Так, например, Л.Г. Новиковой в монографии «Религиозность в Беларуси на рубеже веков: тенденции и особенности проявления: социологический аспект» на обширном социологическом материале рассматривается специфика и характер развития социальных отношений в сфере реализации свободы совести. Автор освещает особенности социальной мотивации, религиозной идентификации, воспроизводства религиозности в различных социально-демографических

группах, а также ценностные ориентации, социальные установки и психологию представителей различных социальных групп.

Ретроспективный анализ этно- и межконфессиональных процессов в Беларуси свидетельствует о глубокой укорененности и преемственности социальных ориентиров (ценностей, идеалов, норм), формирующих социальные отношения в сфере реализации свободы совести.

Генезис становления идей свободомыслия и свободы совести в Беларуси на протяжении последнего тысячелетия, их место в отечественной культуре, общественной и философской мысли, а также этно- и межконфессиональных отношений и их взаимодействия с государством на разных исторических этапах освещаются в работах многих белорусских ученых [32; 142] и др.

Комплексное изучение социальной структуры и исторической динамики развития этно- и межконфессиональных отношений позволило выделить основные группы аналитических показателей этноконфессиональной сферы Беларуси, по которым осуществляется выработка новых подходов к социальному управлению социальными отношениями в этноконфессиональной сфере [150].

Усиливающееся в последние годы влияние на социальные отношения в сфере реализации свободы совести новых для белорусского общества религий и культов, как показывает практика, может носить как позитивный, так и негативный характер. Выявление различий в социальной природе новых религий и культов (их происхождение, пути распространения, социальные функции, социальная организация) позволяет прогнозировать и эффективно предупреждать в процессе государственного регулирования их возможные негативные последствия [43].

Изучение этно-конфессиональных процессов в Беларуси, а также идеологии и практики новых религиозных течений выявило их тесную связь с проблемами обеспечения национальной безопасности и необходимостью государственного регулирования. Возрастающая социальная активность религиозных организаций вызвала научные дискуссии о форме и степени осуществления традиционными религиями регулятивных функций в современном обществе, их месте в политической системе общества и характере взаимодействия с государством [49; 137] и др.

Активное участие церкви в качестве самостоятельного социального субъекта в политической жизни общества позволяет говорить о религии как одном из факторов устойчивого развития общества. Особенности развития государственно-конфессиональных отношений, проблемы осуществления государственной религиозной политики в Республике Беларусь составляют предмет изучения ряда белорусских социологов и политологов [15; 46 и мн. др.].

Многими учёными неоднократно обращалось внимание на то, что, если в процессе государственного регулировании ущемляются мировоззренческо-религиозные интересы одной из социальных групп (например, неверующих), то это может стать одним из факторов, способствующих клерикализации власти и стать реальным дестабилизирующим фактором [23; 107] и др. В этой связи следует обратить внимание на давнюю дискуссию, особенно обострившуюся в последние несколько лет в научной литературе. На арене дискуссий все четче оформляются два противоположных «лагеря» обществоведов – социологов, политологов, философов. Позиция одних – «процерковных» – обоснование и поддержка максимального участия Церкви во всех сферах общественной жизни, включая такие традиционно светские социальные институты как наука, образование, армия и др., соответствующая интерпретация правовых норм. Противоположная позиция выражается в отстаивании светского характера государства, недопустимости вольного толкования демократических и правовых норм.

Фундаментом социального партнёрства государства и церкви выступает социально-правовая система регулятивов свободы совести. Политика социального партнёрства белорусского государства и церкви получает обоснование в социологических работах, анализирующих правовой статус религиозных сообществ, границы регулятивной деятельности государства в религиозной сфере как в странах ближнего, так и дальнего зарубежья [21] и др.

Таким образом, можно сделать вывод, что вопросы структуры и функционирования системы государственного регулирования социальных отношений в сфере реализации свободы совести до последнего времени изучались преимущественно в правовом аспекте в части её практической реализации. Увлечение правовой стороной данной проблемы было обусловлено объективными социальными условиями, характерными для всего постсоветского пространства в последнее

десятилетие. Объектом анализа выступали эмпирические данные, отражающие в основном особенности правоприменительной и судебной практики в данной сфере. Между тем, такие данные фиксируют уже сложившиеся в обществе отношения, т.е. являются следствием, а не причиной, выступая вторичным источником знания.

Краткий обзор научной литературы, посвящённой изучению места религии и конфессий в белорусском обществе, его структурных особенностей, ценностных ориентаций социальных субъектов, религиозной ситуации в стране и развития религиозного поля Беларуси позволяет сделать следующие обобщения:

1. Развитие социальных отношений в сфере реализации свободы совести может способствовать как стабилизации, так и дестабилизации общества.

2. Религия как исторически сложившаяся система традиционных ценностных ориентиров различных социальных групп и как дополнительный показатель национально-этнической принадлежности способна служить одним из факторов устойчивого развития общества. Социальные отношения современного белорусского общества в сфере реализации свободы совести характеризуются следующими особенностями:

– наличием двух противоположных по мировоззренческо-религиозным установкам социальных групп – верующих и неверующих;

– их бесконфликтным взаимодействием на основе общности ценностных ориентаций и этноконфессиональной идентификации.

3. Государственное регулирование этноконфессиональных, социокультурных и социально-правовых аспектов социальных отношений в сфере реализации свободы совести подчинено такой стратегической задаче белорусского государства, как сохранение социальной стабильности.

4. Более широкое развитие социального партнёрства между государством и церковью нуждается в дальнейшем совершенствовании социально-управленческих механизмов, детальной и всесторонней разработке нормативно-правовой базы.

Сущность и характерные черты социальных отношений в сфере реализации свободы совести

Социальные отношения, складывающиеся в результате устойчивого взаимодействия коллективных и индивидуальных социальных субъектов, в качестве которых могут выступать социальные общности (группы, слои, организации и т.д.) и индивиды как представители этих общностей, отражают социальную структуру общества, характер взаимодействия в сфере реализации свободы совести. Поскольку взаимодействия, складывающиеся в процессе реализации свободы совести, носят не только повторяющийся, регулярный, но и государственно-регулируемый характер, принятие управленческих решений, особенно на государственном уровне, требует всестороннего выявления, знания и учета связей между различными формами, структурными элементами социальных отношений, характеризующих состояние регулируемого явления.

Дифференциация общества, многообразие социальных ролей и статусов взаимодействующих социальных субъектов, возможное расхождение их интересов обуславливают необходимость социологического обеспечения государственного регулирования социальных отношений в той или иной сфере общественной жизни, включая сферу реализации свободы совести.

Социологический анализ социальных отношений в сфере реализации свободы совести позволяет:

- выявить общее, единичное и особенное, присущее различным социальным общностям, и на этой основе вырабатывать оценку уровня целостности белорусского общества, определять, в какой мере социальные отношения, складывающиеся в сфере реализации свободы совести, способствуют его устойчивому развитию;

- раскрыть динамику становления и функционирования социальных отношений в рассматриваемой сфере в процессе исторического развития общества и в результате установить преемственность, специфику социального наследования, т.е. межпоколенной трансляции социальной информации (ценностей, норм, традиций, обычаев и т.д.).

- вырабатывать единые цели и задачи государственного регулирования социальных отношений в сфере реализации свободы совести на

основе выявленной общности ценностей, норм, интересов всего многообразия взаимодействующих социальных субъектов.

Социологическое обеспечение государственного регулирования социальных отношений в сфере реализации свободы совести предполагает теоретическое конструирование социальной структуры общества и объективной картины социальной реальности, проводимое по критерию тенденций в динамике отношений к религии. Обусловлено это тем, что религия как социальный институт является неотъемлемым элементом культуры и в качестве такового задаёт субъектам социальных отношений традиционно сложившиеся нормы и ценностные ориентиры желаемого личного и общественного образа жизни и жизнепоступания. Социологический анализ социальной структуры общества, определение ранга той или иной социальной общности по выбранному критерию характеризует внутреннюю целостность этой структуры. Исторически обусловленной является как социальная структура общества, так и характер социальных отношений, возникающих в процессе взаимодействия социальных субъектов. В отличие от таких социальных институтов, как государство и право, религия устанавливает рамки, формирует «шаблоны» мировоззрения и поведения социальных субъектов, претендуя на единственную истинность своей позиции и придерживаясь её в течение длительных исторических периодов 53, с. 19; 65, с. 102; 99, с. 100–101 и др.].

Тем не менее, закреплённые в определённой религии программы и ценностные ориентиры человеческой жизни и деятельности исторически устаревают и на каждом новом этапе цивилизационного развития вступают в противоречие с программами и ценностными ориентирами новой культуры. Такие противоречия нередко порождают социальную напряжённость и нестабильность во внутригосударственных и международных отношениях. Очевидный процесс неуклонного расхождения между верой и поведением, между мотивацией и деятельностью социальных субъектов особенно интенсивно стал развиваться со становлением западной техногенной цивилизации и нарастающим её влиянием на мировое развитие на протяжении XX века. Следовательно, социальные отношения в сфере реализации свободы совести по своей природе внутренне противоречивы. Их амбивалентность носит объективно-субъективный характер, так как основывается на объек-

тивных (мировоззренческих) и субъективных (правовых) компонентах. Можно выделить три типа социальных противоречий в сфере свободы совести. Первый тип обусловлен их двойственной – мировоззренческо-правовой природой. Каждый человек вправе выбирать любую мировоззренческую позицию, но внешнее ее проявление, т.е. реализация своих убеждений, возможно только в правовых рамках, существующих в конкретном государстве. Социальное противостояние может возникнуть при наличии противоречий между правовой регламентацией и мировоззренческими позициями субъектов.

Второй тип противоречий исходит из несхожести сложившейся традиционности различных религиозных направлений, что при усредненности и всеобщего обязательного характера правовых норм может привести к межрелигиозным столкновениям.

Третий тип противоречий связан с тем, что государственное регулирование осуществляется в едином социальном пространстве с деятельностью по обеспечению других конституционных прав и свобод человека. В этом случае неизменно по одну сторону регулятивной деятельности оказываются религиозные права, по другую – светские, имеющие разную основу. Религиозные права отражают сложившиеся веками социокультурные традиции каждой конфессии и в этом плане являются консервативными. Светские права выражают социальный динамизм, воплощение демократических идей и носят усредненный характер. Законодательство светского государства не может учитывать особенности отдельных религиозных течений, нормы и традиции которых идут вразрез с общепринятыми светскими стандартами, поскольку исходит из интересов усредненного большинства. В такой ситуации неизбежно столкновение светских и религиозных интересов.

Социальные последствия негативного взаимодействия субъектов при любом типе противоречий различаются в зависимости от того, какие субъекты являются участниками взаимодействия – коллективные или индивидуальные. Противостояние коллективных субъектов может вызвать социальные потрясения, тогда как вовлечение в конфликт индивидуальных субъектов может ограничиться их индивидуальными спорами, разрешаемых, как правило, в судебном порядке. При разномасштабности негативных социальных последствия взаимодействия оба они нежелательны для государства, заинтересованного в социальной стабильности.

В процессах глобализации на рубеже XX–XXI веков чётко проявились две тенденции мирового развития. С одной стороны, происходит стандартизация создаваемого нового предметного мира и внедрение связанных с ним современных социальных и политических моделей, научной культуры, экономического прогресса и новых норм поведения, общения и деятельности людей.

С другой стороны, обостряется стремление к сохранению самобытности региональных и национальных культур, исторически связанных с определёнными традициями, сложившимися в рамках конкретных религий. Развитие этих тенденций сопровождается проявлением социальной напряженности и противоречий как в странах, вступивших на путь модернизации, так и в международном масштабе. Обусловленная действием противоречивых тенденций глобализации в динамике развития каждой страны в XX в., регулятивная деятельность государства потребовала социологического анализа социальной структуры общества по критерию отношения к религии как одного из глубинных оснований исторически сложившихся представлений об идентичности самобытных национальных и региональных культур, социальных групп и общностей (верующих и неверующих). Ценностно-мировоззренческая ориентация каждой из этих социальных групп имеет свою специфику, которая выражается в их социальной деятельности и сказывается на развитии социальных отношений в сфере реализации свободы совести. Знание того, как интерпретируется смысловое содержание концепта «свобода совести» и как оно закреплено в менталитете каждой из социальных групп, является необходимым условием достоверного социологического обеспечения регулятивной деятельности государства.

Концепт свободы совести характеризует один из феноменов социальной реальности, который исследуется по существу всеми общественными дисциплинами: социологией, философией, историей, политологией, правоведением и т.д. В методологическом плане это даёт основание рассматривать свободу совести как междисциплинарный концепт, в содержании которого концентрируется исторически выработанное в социально-гуманитарном знании многообразие смыслов. Каждая конкретная социально-гуманитарная дисциплина преимущественно оперирует тем смыслом, который согласуется с её общей направленностью.

Социология и философия оперируют мировоззренческими смыслами этого концепта. В этих дисциплинах свобода совести трактуется как право человека на собственный мировоззренческий выбор и его право поступать в соответствии со своими убеждениями во всех мировоззренческих сферах [45, с. 34; 108, с. 99; 130, с. 150].

В политическом плане свобода совести – одно из условий формирования демократического общества. Её социально-политическое содержание определяется природой общественного строя, социокультурными традициями, ролью религии в политической и духовной жизни общества. Акцентирование мировоззренческих смыслов свободы совести в социологии, философии, политологии и ряде других дисциплин может быть оценено как мировоззренческая, «расширительная» концептуализация свободы совести.

Мировоззренческая, «расширительная» концептуализация свободы совести предполагает структурирование смыслового содержания понятий «свобода» и «совесть».

Структурообразующими компонентами свободы признаётся понимание индивидом внешних обстоятельств жизненной ситуации, представление о возможностях и потенциале её изменений, рационально осознаваемые и иррационально сложившиеся у индивида ценностные ориентиры и приоритеты. Эти компоненты при выборе цели и средств желаемых изменений определяют в конечном итоге свободный, без внутреннего принуждения выбор и принятие решения, благодаря которым индивид переходит в новую жизненную ситуацию и несёт ответственность за последствия сделанного выбора. Свобода совести, следовательно, соотносится с более широким понятием личной свободы и рассматривается в качестве компонента последней. Это означает распространение на свободу совести такого принципа, как отсутствие её безграничности, анархичности. Человек «связуется» с обществом в светской жизни моралью, нравственностью, а в духовно-религиозной жизни по свободному личному убеждению посвящает себя служению религиозным идеалам. Сознательно и добровольно реализуя свои собственные нравственные ценности, человек в то же время не должен вступать при этом в неразрешимые противоречия с общими моральными императивами [54 с. 309; 67, с. 25–42].

Понятие совести выступает как символ нравственной ответственности человека за сделанный выбор перед ценностным фундаментом

своего внутреннего, субъективного, эмоционально переживаемого мира [131, с. 12, 14; 145, с. 157]. Совесть является нравственным критерием, ограничивающим свободу моральными рамками поведения, ориентиром в деятельности. В соответствии с этим свобода совести в данном контексте выражает свободу морального сознания человека, свободу выбора нравственных критериев его поведения [87, с. 176; 147, с. 11–12].

Свобода совести как свобода мировоззренческого выбора неразрывно связана с ответственностью индивида за этот выбор. В обыденной жизни человек выделяет как социально ограниченную, так и социально неограниченную свободу, находясь внутри объективной смысловой связи ценностей [41, с. 19, 20; 156, с. 344, 372, 373]. Эти ценности играют определяющую роль в социальных отношениях, возникающих между взаимодействующими социальными субъектами. Признание права свободного мировоззренческого выбора за другими субъектами является ограничителем индивидуальной свободы каждого субъекта социальных отношений, а полнота такого признания формируется под влиянием ценностных ориентиров личности. Сама свобода выступает как состояние человека, проявляющееся в его способностях контролировать условия собственного существования [70, с. 171; 88, с. 275].

Структура мировоззренческой концептуализации свободы совести распространяется на весь спектр социальных явлений – моральные устои, эстетические идеалы, экономические нормы, правовую систему, идеологию и т.д. Это свобода и светская, и эстетическая, и идеологическая и т.д. Проявление её видového многообразия определяется видом тех ценностей, которые становятся основанием мировоззренческого выбора. Исторический характер формирования нравственных критериев, в том числе под влиянием религиозных норм и ценностей, подразумевает их связь с религиозным/нерелигиозным восприятием мира. Каждый человек так или иначе соотносит себя с миром религиозных ценностей. Вера или неверие выбираются человеком свободно, но при этом во многом определяют его место в социальной структуре общества, поведенческие позиции, характер взаимодействия с другими субъектами социальных отношений на всех уровнях. Свобода мировоззренческого выбора относительно религиозного/ нерелигиозного восприятия действительности выступает частным видом свободы совести в её мировоззренческой, расширительной концептуализации.

Анализ смыслового содержания структуры мировоззренческой концептуализации позволяет представить свободу совести как свободу выбора нравственных критериев поведения, которая при отсутствии внешнего принуждения подлежит регламентации в соответствии с внутренними нравственными убеждениями. Подобная интерпретация согласуется с позициями большинства авторов, а также с позицией церкви. В частности, индивидуальная форма права на свободу совести трактуется как опосредованное мировоззренческими установками личности, складывающееся под воздействием внешней среды и внутренних факторов поведение индивида в аспекте определения им своего отношения к вопросам религии и свободомыслия и действия в соответствии с ним [136, с. 16]. Понимание концепта свободы совести Римской католической и Русской православной церквями основывается на признании свободы нравственного выбора социальной позиции человека, на достоинстве личности, которое требует, чтобы совесть в поисках истины не подчинялась и не подвергалась внешнему давлению [73, с. 15].

Исходя из вышеизложенного, можно выделить два аспекта в понимании свободы совести, включая свободу религиозного выбора. Первый аспект: свобода совести как присущая индивиду свобода мировоззренческого выбора; второй аспект: практическая реализация свободы совести, подлежащая регламентации со стороны личностных нравственных критериев. Соответственно можно провести разграничение смыслов в интерпретации понимания свободы совести как свободы мировоззренческого выбора и практической реализацией социальными субъектами свободы совести.

Сущностная характеристика свободы совести отражает специфическую особенность свободы совести, состоящую в её двойственности и распространяющуюся на свободу религиозного выбора. С одной стороны, свобода совести индивидуальна, поскольку является правом каждого отдельного человека на выбор мировоззренческой позиции относительно религии. В соответствии с этим, согласно принятой в науке государственного права классификации, свобода религиозного выбора включается в группу гражданско-политических прав и свобод, составляющих основу правового статуса гражданина.

С другой стороны, реализация свободы религиозного выбора может осуществляться сообща с другими представителями конкретного

религиозного культа. В этом случае она носит коллективный характер. Устойчивые связи, возникающие между социальными субъектами в процессе права на свободу совести, формируют соответствующую систему социальных отношений. Свобода совести как свобода религиозного либо нерелигиозного восприятия действительности в процессе реализации приобретает качество системообразующего элемента системы социальных отношений, что выражается в следующем.

Все индивиды вследствие различий в религиозном мировосприятии обладают определенным социальным статусом (неверующий, верующий, представитель религиозного направления) и в соответствии с присущей данному статусу социальной ролью выполняют обязательные для него социальные нормы (в правилах поведения, отправлении культов, соблюдении ритуалов и пр.). В результате в статусный набор индивида входит также статус, обусловленный его религиозно-мировоззренческой позицией, и соответственно расширяется его ролевой набор.

В процессе социальной деятельности под воздействие объективных и субъективных причин религиозные убеждения индивида, его мировоззрение и социальная идентификация могут изменяться. Изменение его социальной идентификации как представителя той или иной социальной общности влияет на динамику количественных и качественных показателей социальной структуры общества. Возникновение устойчивых социальных связей внутри и между формирующимся и сформировавшимися социальными группами, общностями, слоями (атеисты, православные, католики, мусульмане и т.д.) обуславливает социальную дифференциацию общества по религиозно-мировоззренческому признаку, которая носит объективный исторический характер [140, с. 104; 141, с. 170]. При дифференциации социальных субъектов не только по религиозно-мировоззренческому признаку, но и по доступности материальных благ, прав, привилегий, престижа общество характеризуется наличием социальной стратификации [123, с. 106]. Поэтому характер взаимодействия социальных субъектов в сфере реализации свободы совести во многом зависит от эффективности регулятивной деятельности государства как властного субъекта социальных отношений, что может повлечь как позитивные, так и негативные последствия в обществе. Позитивом является, во-первых, сам факт реализации свободы совести как обязательное условие любого демократического государства,

и, во-вторых, обеспечение социальной стабильности общества при схожести ценностных ориентиров взаимодействующих социальных субъектов. Если различия в мировоззренческо-религиозных позициях индивидов обуславливают различия в их социальном и юридическом статусах, возможным негативным последствием может выступать социальная стратификация общества.

Таким образом, в социологическом аспекте свобода религиозного либо нерелигиозного мировоззренческого выбора влияет на общий социальный статус индивида или социальной группы и характеризующая один из срезов социальной дифференциации общества с соответствующим характером взаимодействия социальных субъектов. В процессе реализации свободы совести формируется относительно стабильная группа ценностей, норм, статусов и ролей, которые распространяются на конкретную сферу социальной жизни, связанную с удовлетворением определенных жизненно значимых потребностей индивидов [84, с. 333; 157, с. 143].

В юридических дисциплинах, управленческой и правоприменительной практике в понятии свободы совести доминирует его мировоззренческий смысл, т.е. признаётся правомерность мировоззренческой, «расширительной» концептуализации. Свобода совести трактуется во внутридисциплинарном правовом подходе как духовная деятельность человека, исходящая из признания права разума на свободное, критическое рассмотрение религии и свободное исследование действительности [87, с. 159; 132, с. 317; 145, с. 153]. Такая трактовка разделяется авторами, выделяющими свободу религиозного выбора в структуре свободомыслия, которое рассматривается как одно из важнейших прав человека, охватывающее все аспекты интеллектуальной и духовной жизни [133, с. 278].

Вместе с тем во внутридисциплинарном правовом подходе учитывается, что социальные субъекты вступают во взаимодействие или занимают активной деятельностью с целью реализации свободы совести, не ограничиваясь духовными проявлениями свободомыслия. Поэтому с позиций внутридисциплинарного, правового подхода индивиду вменяется ответственность за выбор не перед собственной совестью, считая это его частным делом, а перед системой законодательства – правовых норм, принятых в государстве. Следовательно, согласно этой интерпретации, воплощение свободы совести в поведении социальных

субъектов должно осуществляться на основе определенных правовых норм, принятых в государственно-регулируемом обществе. Концепт свободы совести, таким образом, приобретает нормативно-правовое измерение (право на свободу совести). Суть этой трактовки может быть обозначена как традиционная, правовая концептуализация.

Традиционная правовая концептуализация относит свободу совести к праворегулируемым социальным явлениям, где свобода совести выступает не только как демократическое право индивида на религиозное или нерелигиозное восприятие действительности, но и как право практической реализации своих убеждений.

Истоки различий в концептуализациях свободы совести коренятся в историческом прошлом, когда в умах мыслителей зрели идеи веротерпимости и неверия, а государственные деятели, разделяя или, напротив, преследуя эти идеи, осуществляли соответствующую регулятивную деятельность.

Несмотря на то что мир издавна был поделен на богоотступников, иноверцев, ортодоксов, социальная дифференциация общества по религиозному признаку вплоть до XVIII века признавалась лишь эпизодически. Общество постепенно подходило к пониманию и признанию свободы совести, что находило отражение в непоследовательности и нечёткости правовых актов.

Впервые законодательную форму приобрело провозглашение свободы церкви (Англия, 1215 г.) и равенства различных вероисповеданий (белорусские земли, XV–XVI вв.). В конце XVII – начале XVIII в. было зафиксировано деление общества на духовную и светскую часть. Биль о правах (Англия, 1689 г.) и Акт о дальнейшем ограничении Короны и лучшем обеспечении прав и вольностей подданного (Англия, 1701 г.) признавали деление общества на духовные и светские общины, но одновременно предписывали обязательную принадлежность монарха только к протестантской религии [102, с. 3, 14, 19; 142, с. 45].

Понятие свободы, названное в ряду прав человека в Декларации независимости (Соединенные Штаты Америки, 1776 г.), представлено без его содержательной расшифровки: *«Все люди созданы равными и наделены Творцом определенными неотчуждаемыми правами, к числу которых относятся жизнь, свобода и стремление к счастью»*. Подобная формулировка не позволяет заключить, включает ли понятие свободы религиозную составляющую. Только в конце XVIII в. право на

социальное проявление мировоззренческо-религиозной свободы было закреплено законодательно – в Билле о правах, Поправке I Конституции США («Конгресс не должен издавать ни одного закона, относящегося к установлению религии либо запрещающего её исповедание») и ст. 10 французской Декларации прав человека и гражданина («Никто не должен быть притесняем за свои взгляды, даже религиозные, при условии, что их выражение не нарушает общественный порядок»).

Таким образом, свобода совести как правовой регулятив сформировалась на американо-западноевропейском пространстве.

История свидетельствует, что если свобода мировоззренческого выбора относительно религиозного либо нерелигиозного восприятия действительности имманентна социальной природе человека, то реализация её в разных странах и в разные эпохи зачастую сопровождалась жёстким террором по отношению к иноверцам, то есть определялась далеко не нравственными соображениями индивида. Регулятором выступала социальная политика государства в религиозной сфере, которая отражала динамизм общей социальной политики, постоянно изменяя социальную структуру общества. О том, как изменялась социальная структура общества и насколько сложным был исторический путь становления свободы совести, можно судить на примере белорусских земель.

Начиная с XII века, когда белорусские земли (княжества) были частью Киевского государства, основной конфессией являлось православие, объединившее разобщённые языческими верованиями многочисленные племена в единое государство. По существу, принятие государственной религии можно считать первым признанием и практическим использованием государством как властным субъектом отношений интегрирующей функции данного социального института.

Период белорусской государственности, пришедшийся на существование Великого княжества Литовского, характеризовался на первом этапе жёстким монотезизмом: Грамота Ягайло 1387 г. гласила, что народы «Литвы и Руси будут приведены к католической вере, в какой бы вере они не состояли». Более поздний этап вошёл в историю провозглашением идей веротерпимости общественными деятелями и мыслителями. Белорусский просветитель и книгопечатник Сымон Будны призывал: «Не дай Боже, чтобы воевать за веру, это обычай безбожных людей». Несколько позже идеи веротерпимости стали юридической

нормой, получив законодательное закрепление – в Акте Варшавской конфедерации 1573 г. и Статуте Великого княжества Литовского 1588 г., который являлся одним из самых толерантных законодательных актов Европы того времени. Артыкул (статья) 3 Статута провозглашал: *«А так как в Речи Посполитой существует не малая рознь в отношении веры христианской, предупреждая то, что было этой причине между людьми столкновения какие-либо вредные не начались, которые в иных королевствах ясно видим, обещаем то себе совместно за нас и за потомков наших на вечные времена под обязанностью присяги, под верою, честью и совестью нашей, что мы, которые являемся разными в вере, мир между собой сохранять, а в связи с разностью веры и отливия в церквах крови не проливать...»* [142, с. 45, 86, 88–89].

В Речи Посполитой доминировало противоположное отношение к религиозной свободе. Сейм 1766 г. постановил введение наказания в виде смертной казни для переходящих из католицизма в иную веру [142, с. 91].

Таким образом, государственная религиозная политика на территории Беларуси постоянно менялась. С XIV в. государственной религией официально объявлялся католицизм при параллельном существовании православия, лишённого покровительства. Привилеи Владислава III (1443) признавали равенство православного и католического духовенства; Привилеи Казимира Ягеллончика (1457) наделяли равными правами шляхту независимо от вероисповедания; Статуты 1529, 1566 и 1588 гг. утверждали равноправие греческой и римской веры. В XVI в. в 1596 г. (Брестская уния) происходит объединение православной и католической церкви в единую униатскую церковь. В XVIII в. Екатериной II объявлена неприкосновенность всех конфессий с разрешением обратного процесса обращения униатов в православных, что укрепляло позиции православия. В XVI-XVIII вв. на территории Беларуси распространялось мусульманство, в XVIII в. – иудаизм.

В Российской империи религиозная свобода получила законодательное закрепление и впервые была обеспечена некоторыми правовыми гарантиями. Свод законов Российской империи (1832), объявляя единственной государственной религией православие, делил все прочие религии на терпимые и нетерпимые. В начале XX в. Указы царского правительства (от 12 декабря 1904 и 17 апреля 1905 г.) устраняют «стеснения» нехристианских исповеданий и направлены на сглажива-

ние конфессиональных противоречий при сохранении господствующей роли православия. При наличии официальной государственной религии – православия (обязательная церковная присяга, непризнание внеисповедного состояния, использование религиозной символики в государственных учреждениях) – государство обязывалось уважать религиозную самобытность населяющих её народов и не применять принудительного прозелитизма в отношении неправославных подданных. Статьи 44 и 45 Основных законов Российской империи, а также принятый в 1905 г. Манифест о веротерпимости, провозглашали свободу веры, выражения религиозных убеждений, отправления культов, то есть, в современном понимании, закрепляли свободу вероисповеданий. В то же время, однако, вплоть до 1917 г. российским государством не признавалось внеисповедное состояние, а доктрина Русской православной церкви выступала в роли государственного мировоззрения на правах его официальной идеологии [14, с. 97–100].

Таким образом, на белорусских землях направленность регулятивной деятельности государства в сфере реализации свободы совести менялась, переходя от веротерпимости и равенства религий к монорелигии, насильственному прозелитизму, что сменилось разрешением обратного процесса и провозглашением принципа неприкосновенности всех конфессий, не посягающих на свержение власти. Постоянное императивное вторжение государства в мировоззренческо-религиозную сферу при каждой смене госрелигий непосредственно влияло на социальную ситуацию. Соответственно, в зависимости от политической подчиненности белорусских земель, изменялась социальная структура белорусского общества. В XVI веке, после заключения Брестской церковной унии, в Беларуси начало распространяться униатство. Социальная структура белорусского общества в конфессиональном разрезе выглядела следующим образом: 15% жителей Беларуси составляли католики, 70% – униаты, 6% – православные. В XVIII веке в составе Речи Посполитой до 80% населения были католиками; после присоединения к Российской империи в XIX веке среди белорусского населения насчитывалось 70% православных и 18% католиков [34, с. 6, 7, 12].

Принудительный прозелитизм раскалывал общество на сторонников «новой» и «старой» веры. Этот раскол коснулся всех социальных слоев, включая духовенство, и имел в своей основе как идейную убеж-

денность, так подчас и стремление использовать религию в качестве «разменной монеты» для достижения желаемого социального статуса. Снижение идейной значимости религии повлекло за собой снижение морально-нравственного облика определенной части духовенства.

Все это в совокупности породило сохранившееся на века безразличие основной массы населения к конкретному верованию [2, с. 285]. Если в противостоянии «старой» и «новой» веры представители господствующего сословия, интеллигенция, политические партии отстаивали сословные или мировоззренческо-идейные интересы, то пассивная основная масса населения вовлекалась в это противостояние волей господствующих слоев или духовенства. Следует отметить неоднозначное восприятие разными социальными слоями общества введение «новых» религий. Исторически в полной мере, начиная от сути христианского учения, религиозная культура была доступна лишь образованной части населения, правящей элите. В этой социальной среде на каждом этапе утверждения католицизма и униатства формировалась устойчивая оппозиция государственной дискриминационной политике по отношению к православию.

В то же время, именно этому социальному слою было присуще добровольное жертвование религиозными принципами в угоду политическим, гражданско-правовым и экономическим интересам. Даже меценатство, зародившееся на начальном этапе христианизации, не имело устойчивой религиозно-идеологической направленности и попеременно отражало приверженность как православию, так и вновь избранным религиозным направлениям. Подобная спекулятивная религиозная непоследовательность снижала идеологическую ценность религиозной культуры и создавала предпосылки для усвоения светской культуры.

Крестьянское население в своей преобладающей массе, не понимая глубинной идейной сути религиозной культуры, могло воспринять ее только в самой доступной части – обрядово-бытовой. Этим непониманием можно объяснить непоследовательность поведенческих позиций основной массы населения, которая следовала за государственной элитой и духовенством при конфессиональных перестройках, подчиняясь попеременно то «русской», то «польской», то «казенной» вере. Но при этом для данного социального слоя было характерно не усвоение светской культуры, а стремление к сохранению религиозных традиций в обрядно-бытовой сфере.

Наряду с такой индифферентностью для этого же самого многочисленного социального слоя, зачастую не воспринимавшего доктринальных различий верований, была характерна приверженность к сохраняемой государством обрядовой части христианства византийского образца. Этот элемент государственной религиозной политики, зародившийся в X веке на начальном этапе христианизации и многократно повторяемый при смене госрелигий, способствовал переходу в христианский мир языческой обрядности через приспособление языческих верований к церковным обрядам и праздникам. Вследствие этого основу обрядности христианских госрелигий составили именно эти – анимистические, тотемические, фетишистские и проч. представления, получившие оформление в форме традиций и перешедшие еще с времен язычества в сферу народной культуры. Особую роль в закреплении этих модифицированных религиозных норм в массовом сознании сыграл период сакрализации, когда в сферу религиозного санкционирования вовлекались все формы индивидуального и общественного сознания. Следствием являлось превращение этих норм в общественный регулятив и, следовательно, неотъемлемый элемент быта.

Приведенная выше динамика показывает, что религия и церковь постоянно выступали «разменной монетой», средством реализации политических интересов соседних государств – Речи Посполитой и Москвы, что и обуславливало поочередное доминирование на белорусских землях католичества и православия. Поэтому первоначальное законодательное закрепление принципов толерантности было отчасти вынужденной мерой в целях недопущения религиозной и национальной неприязни. В то же время, с одной стороны, возможно, что именно такая, длившаяся на протяжении многих веков, конфессиональная «чехарда», и сформировала национальный характер белорусов, к особенностям которого можно отнести толерантность, религиозную индифферентность, эклектизм. С другой стороны, именно эти особенности национального характера белорусов позволила им пережить все проводимые «опыты» в религиозно-мировоззренческой сфере, избежав национальной розни, религиозных и этнических войн.

Современная (постсоветская) белорусская система государственного регулирования социальных отношений в сфере реализации свободы совести формировалась постепенно, в ходе демократических преобразований общества. Историческая специфика формирования

социально-правового поля обусловлена выходом Беларуси из советского общества официальной атеистической идеологии и соответствующим характером регулятивной деятельности государства в советский период.

Основатели социалистического государства придерживались демократических позиций. В.И. Ленин в 1905 г. писал: «Государству не должно быть дела до религии, религиозные общества не должны быть связаны с государственной властью. Всякий должен быть совершенно свободен исповедовать какую угодно религию или не признавать никакой религии... Никакие различия между гражданами в их правах в зависимости от религиозных верований совершенно недопустимы. Всякие даже упоминания о том или ином вероисповедании граждан в официальных документах должны быть безусловно уничтожены. Не должно быть никакой выдачи государственных сумм церковным и религиозным обществам... Всякие даже упоминания о том или ином вероисповедании граждан в официальных документах должны быть безусловно уничтожены» [90, с. 143–144].

Основные позиции основателей советского государства получили закрепление в первых правительственных нормативно-правовых документах. Так, в частности, Постановление Совнаркома от 11.12.1917 «О передаче дела воспитания и образования из духовного ведомства в ведение комиссариата по народному просвещению» содержала следующие нормы:

«1. Религия есть частное дело каждого гражданина Российской Республики.

2. Запрещается издавать местные законы или постановления, которые могут ограничивать свободу совести.

3. Каждый гражданин может исповедовать какую угодно религию или же никакой.

8. Отменяется всякое преподавание религиозных предметов в учебных заведениях».

Декрет Совнаркома от 20.01.1918 «О свободе совести, церковных и религиозных обществах» впервые закрепил юридический принцип свободы совести – свободы исповедования любой религии или неисповедования никакой. Декрет вводил нормы, запрещающие стеснения или ограничения свободы совести или преимущества и привилегии по религиозному признаку. Разрешалось свободное исполнение религиоз-

ных обрядов, если они не нарушали общественный порядок и не посягали на права других граждан.

Не допускалось уклонение по религиозным соображениям от гражданских обязанностей, в тоже время вводилась альтернативная гражданская служба. Вводился запрет на преподавание религиозных предметов в общеобразовательных государственных и частных школах, но в то же время допускалось обучение религии частным образом.

Официальное православие царской России сменилось провозглашением свободы выбора убеждений, религии, мировоззрения. Церковь впервые институционально и законодательно была отделена от государства.

Главная задача государства в сфере реализации свободы совести формулировалась как «преодоление» религии, основными способами которого провозглашались вовлечение в активную общественную деятельность, просвещение, формирование у масс научного материалистического мировоззрения, но не принуждение и насилие. «Необходимо заботливо избегать всякого оскорбления чувств верующих, ведущего лишь к закреплению религиозного фанатизма», «не разоблачать ложь, а избегать, безусловно, всякого оскорбления религии» и т.п. [91, с. 118].

Велась широкая пропаганда атеистического материалистического мировоззрения, основным принципом которой предполагалась корректность и уважение по отношению к чувствам верующих. Так, например, Белорусским государственным университетом была издана серия научно-популярных брошюр и хрестоматий, призванных убедить широкие массы в ошибочности **всех** религиозных убеждений («Рэлігія і здароўе», «Рэлігія і савецкая медыцына», «Рэлігія і вайна», «Рэлігія ў барацьбе за рабочую моладзь» и др.). В советском обществе осознаётся необходимость изучения религиозных верований, истоков, предпосылок мировых религий. Религия как социальный институт становится предметом научных исследований в рамках социологического подхода [52; 54; 116 и др.].

Однако уже в 1930-е гг. дифференциация советского общества по религиозному признаку и, как следствие, формирование его социальной структуры, создавалась государством искусственно. Религиозным ценностям и тонкостям межконфессиональных отношений не придавалось большого значения. Официальное православие царского времени сменила официальная атеистическая идеология, что на практике

проявилось в массовом закрытии церквей: в 1936 г. в целом по СССР число культовых зданий по отношению к дореволюционному уровню составило 28,5%, в том числе в РСФСР – 35,6%, Белорусской ССР – 10,9% [120, с. 54].

Патриотическая деятельность церкви во время войны на короткий период времени ослабила давление со стороны государства. Однако, несмотря на предоставление в августе 1945 г. религиозным обществам права юридического лица, ослабление давления со стороны государства было оценено как отход от марксистских позиций и соответственно приостановлено. С принятием в 1958 г. Постановлений Совета Министров СССР «О монастырях в СССР» и «О налоговом обложении доходов предприятий епархиальных управлений, а также доходов монастырей» начался новый виток административного давления на церковь, что повлекло сокращение числа действующих религиозных объединений. В 50–60-е годы ежегодно закрывалось свыше 400 только православных церквей [38, с. 23].

Конституция СССР 1977 г., провозгласив свободу совести (гарантировалась свобода совести – право исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, отправлять религиозные культы или вести атеистическую пропаганду – ст. 52), признала её составной частью прав человека. Религиозные организации были освобождены от мелочной опеки, но, несмотря на это, широкое развёртывание атеистической работы по-прежнему сопровождалось сокращением количества религиозных организаций.

Социальная структура советского общества определялась, таким образом, не по конфессиональному признаку, а по признаку отношения к религии как верующих и атеистов.

1980-е гг. перестройки характеризовались сменой ценностных приоритетов в политике, идеологии, массовом и личностном мировоззрении. «Скачок» повышения рейтинга религиозных идей и ценностей сопровождался резким увеличением числа религиозных организаций и общин и реальным ростом их социальной активности во всех сферах общественной жизни. Количество только официально зарегистрированных православных общин в 1993 г. возросло с 1978 г. на 389, римско-католических – на 184 [142, с. 254].

В то же время активизация социальной деятельности религиозных организаций тормозилась как отсутствием соответствующей

нормативно-правовой базы, так и существенными различиями в степени реализации религиозных прав верующими и реальном нейтралитете государства по отношению к церкви. Совет по делам религий и его уполномоченные на местах продолжали вмешиваться во все внутренние дела церкви. В управленческой и правоприменительной практике наблюдались значительные расхождения по отношению к религиозным организациям в центре и на периферии, неравное отношение управленческих структур к верующим и неверующим, периодически возникали конфликты между светскими и религиозными организациями и официальными лицами [22, с. 227–229; 167, с. 261–262] и т.д.

В настоящее время демократические страны признают свободу совести в составе важнейших прав и свобод человека, провозглашая признание свободы совести в основном законе – конституциях, стремятся к обеспечению практической права на свободу совести каждым социальным субъектом с учетом интересов государства. Поэтому государственное регулирование социальных отношений в сфере реализации свободы совести должно основываться на понимании взаимной связанности таких факторов, как:

а) единая ценностная и нормативно-правовая интерпретация концепта свободы совести в социально-гуманитарных научных дисциплинах;

б) специфика ментального отношения к свободе совести в социальной динамике различных региональных культур.

Историческая динамика социальных отношений в сфере реализации свободы совести

Практическая реализация свободы совести в полном объеме всеми социальными субъектами возможна при условии единообразного толкования содержания данного права в социальном управлении, в том числе в законодательной, управленческой и судебной практике. В этой связи особое место в регулятивной деятельности государства занимают вопросы теоретической разработки и единого применения терминологического аппарата.

Если обратиться к содержанию международных нормативно-правовых актов, фиксирующих право на религиозную/нерелигиозную свободу, можно отметить отсутствие единства в терминологии. Все они, за исключением Декларации о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии и убеждений, включают в право на «свободу мысли, совести и религии» право иметь и исповедовать религию и убеждения, где понятие «исповедовать» применительно к убеждениям придает последним религиозный характер.

И только указанная Декларация право на «свободу мысли, совести и религии» формулирует как право на свободу иметь религию или убеждения любого рода по своему выбору и на исповедание религии и выражение убеждений (ч. 1 ст. 1). Только в данном международном нормативно-правовом акте представлена традиционная правовая концептуализация свободы совести как свободы религиозного либо нерелигиозного выбора.

В национальных конституциях используется, как правило, широкий спектр юридической терминологии и правоприменительных смыслов: свобода религии, свобода вероисповеданий, свобода совести, свобода совести и религии и т.д.

Так, например, в Конституции Республики Беларусь провозглашается свобода религии, в Конституции Германии гарантируется свобода вероисповедания, совести и религии, в Конституции Италии гарантируется свобода религиозных верований, в Конституции Испании – свобода идеологии, религии и вероисповедания, в Конституции Канады – свобода совести и религии, в Конституции России – свобода совести и вероисповедания, в Конституции Португалии – свобода совести, религии и культов, в Конституции Украины – свобода мировоззрения и вероисповеданий, в Конституции Швейцарии – свобода совести и вероисповедания, в Конституции Японии – свобода религии и т.д. (см. Таблицу 1.1).

Таблица 1.1 – Конституционное закрепление религиозных свобод и свободы совести

Страна	№ статьи	Содержание статьи
Республика Беларусь	31	Каждый имеет право самостоятельно определять свое отношение к религии, единолично или совместно с другими исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, выражать и распространять убеждения, связанные с отношением к религии, участвовать в отправлении религиозных культов, ритуалов, обрядов, не запрещенных законом.
Россия	28	Каждому гарантируется свобода совести, свобода вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними.
Украина	ч. 1 ст. 35	Каждый имеет право на свободу мировоззрения и вероисповедания. Это право включает свободу исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, беспрепятственно отправлять единолично или коллективно религиозные культы и ритуальные обряды, проводить религиозную деятельность.
Германия	ч. 1 ст. 4	Свобода вероисповедания, совести и свобода религиозных убеждений и мировоззрения ненарушимы.
Италия	19	Все имеют право свободно исповедовать свои религиозные верования в любой форме, индивидуальной и коллективной, пропагандировать их и отправлять соответствующий культ в частном порядке или публично, за исключением обрядов, противных добрым нравам.
Испания	ч. 1 ст. 16	Гарантируется свобода идеологии, вероисповедания и отправления культов для граждан и их объединений, без каких-либо ограничений, кроме тех, которые необходимы для поддержания общественного порядка.
Канада	ч. 1 ст. 2	Свобода совести и исповедания религии
Португалия	41	Свобода совести, религии и культа неприкосновенны.
Швейцария	15	Свобода вероисповедания и совести гарантируется.

Страна	№ статьи	Содержание статьи
Греция	13	Свобода религиозного сознания неприкосновенна. Пользование личными и политическими правами не зависит от религиозных убеждений каждого. Всякая известная религия свободна, и отправление ее культовых обрядов осуществляется беспрепятственно под охраной закона. Отправление культовых обрядов, оскорбляющих общественный порядок или нравственные нормы, не допускается. Прозелитизм запрещается.
Мексика	24	Каждый может свободно избирать религию по своему усмотрению, совершать церемонии, обряды и обязанности своего вероисповедания в местах религиозного культа или в своем доме, при условии что эти церемонии и обряды не являются наказуемым законом нарушением.
Япония	20	Свобода религии гарантируется для всех. Ни одна: из религиозных организаций не должна получать от государства никаких привилегий и не может пользоваться политической властью. Никто не может принуждаться к участию в каких-либо религиозных актах, празднествах, церемониях или обрядах.
ЮАР	15	Каждый имеет право на свободу совести, религии, размышлений, убеждений и мысли.
Тунис	5	Тунисская Республика гарантирует неприкосновенность личности и свободу совести, обеспечивает свободное отправление религиозных культов, при условии, что оно не нарушает общественного порядка.

Разброс юридической терминологии затрудняет, а порой делает невозможным понимание (без привлечения дополнительных нормативно-правовых документов) направлений регулятивной деятельности отдельных государств по обеспечению свободы совести. Трудность заключается в том, что в строго научном понимании каждое из приведенных понятий несет конкретную, и притом ограниченную, свойственную только данному понятию, смысловую нагрузку, отражая определенную сторону социальных отношений. Так, гарантированная свобода религиозных верований означает свободу выбора и исповедания любой религии; свобода религии подразумевает равенство всех религий (религиозных организаций) перед законом и граждан неза-

висимо от их религиозной принадлежности; свобода вероисповедания характеризует право на беспрепятственное следование религиозным убеждениям, включая их пропаганду, исполнение обрядов, ритуалов, культов и т.д. [1; 2; 76; 77].

Неразработанность междисциплинарной и внутридисциплинарной сетки категорий, в которую входит понятие свободы совести, влечет противоречивость смыслов, фиксируемых в одном и том же юридическом документе. В частности, ст. 28 Конституции Российской Федерации, гарантируя свободу совести и вероисповедания, трактует по структуре право на свободу совести в его узком понимании, то есть как право на свободу вероисповедания. С другой стороны, в эту же статью включается право как на религиозные, так и на иные убеждения: *«Каждому гарантируется свобода совести, свобода вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними»*. Это дало повод отдельным авторам утверждать, что в Российской Федерации право на свободу совести и вероисповедания включает право на весь спектр убеждений, то есть свободомыслие [36, с. 36]. Более обоснованной представляется трактовка права на свободу совести как права на свободу вероисповедания. Во-первых, ст. 29 Конституции Российской Федерации гарантирует свободу мысли и слова, а также право на информацию. Во-вторых, Закон Российской Федерации «О свободе совести и религиозных объединениях» трактует право на свободу совести только в контексте его связи с религиозным или нерелигиозным восприятием действительности. Право на свободу совести представлено в указанном законе как *«право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать и менять, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними»* (ч. 1 ст. 3).

Конкретизация юридической терминологии присутствует и в международных нормативно-правовых актах. Например, Всеобщая декларация прав человека в право на свободу мысли, совести и религии (ст. 18) (*«Каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и религии: ...свободу менять свою религию или убеждения и свободу исповедовать свою религию или убеждения как единолично, так и сообща с*

другими, публичным или частным порядком в учении, богослужении и выполнении религиозных и ритуальных обрядов») включает право на свободу убеждений наряду с отдельной статьёй о свободе убеждений (ст. 19) («Каждый человек имеет право на свободу убеждений и на свободное выражение их; это право включает свободу беспрепятственно придерживаться своих убеждений и свободу искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ»).

В целом в международных нормативно-правовых актах право на свободу совести предстает как право на религиозную и нерелигиозную свободу, обособляясь от других прав и свобод мировоззренческого плана. Во Всеобщей декларации прав человека содержится ст. 19 относительно права на свободу убеждений, в Международном пакте о гражданских и политических правах содержится ст. 19 о праве человека беспрепятственно придерживаться своих мнений. Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод и Конвенция Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека содержат соответственно ст. 10 и ст. 11 о праве на свободу выражения своего мнения.

Подобное обособление характерно и для национальных конституций. В частности, Конституция Республики Беларусь наряду с правом на свободное отношение к религии (ст. 31) гарантирует свободу мнений и убеждений (ст.33). Конституция Германии – религиозную, мировоззренческую свободу и свободу мнений (ч.1 ст. 4; ст. 5). Конституция Италии – свободу религии и свободу мысли (ст.ст. 19, 21). Конституция Канады – свободу совести и религии наряду со свободой мысли, убеждений, мнений (ч. «а» ст. 2; ч. «в» ст.2). Конституция Украины – свободу мировоззрения и вероисповедания (ст.35) [1; 4; 29].

Очевидно, что характерной чертой терминологии международных (региональных) нормативно-правовых актов является отсутствие автономного понятия «право на свободу совести». Оно чаще всего употребляется как триединое право на «свободу мысли, совести и религии» (ст. 18 Всеобщей Декларации прав человека, ст. 18 Международного Пакта о гражданских и политических правах; в ст. 10 Конвенции Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека – право на свободу мысли, совести и вероисповедания и т.д.). Научная литература в основном оперирует понятием «свобода совести».

Если проанализировать триаду «свобода мысли, совести и религии», то она содержательно вмещает в себя, во-первых, свободу относительно всей мировоззренческой сферы, что представлено в «свободе мысли», то есть свободомыслии, и, следовательно, соответствует понятиям расширительной концептуализации. Во-вторых, «свободу совести» как свободу религиозного/нерелигиозного осмысления действительности, что соответствует традиционной концептуализации. И, наконец, «свободу религии», что предполагает свободную деятельность религиозных организаций, индивидуальное право индивида исповедовать любую религию, иметь, распространять и выражать любые религиозные взгляды, осуществлять религиозные культы и обряды, и также соответствует традиционной концептуализации.

Анализ международных и региональных нормативно-правовых актов с учетом содержательной характеристики представленных понятий обнаруживает в некоторых случаях дублирование права на «свободу мысли». Включение права «на свободу мысли» в приведенную триаду сопровождается наличием отдельных статей относительно права на «свободу мнений», «свободу убеждений», что является составным элементом «свободы мысли» (свободомыслия). Это же можно сказать и по поводу двоящего понятия «свобода совести и религии», так как свобода совести в содержательном смысле включает в себя свободу религии.

Поэтому научная терминология, оперирующая в основном понятием «свобода совести», представляется наиболее обоснованной. Что касается обособления права на свободу совести от других свобод мировоззренческого плана (свободы слова, мнений, убеждений), то оно имеет под собой многовековую историческую основу, определяемую социокультурными традициями общества.

Современные демократические стандарты в сфере реализации свободы совести, включающие в себя конкретные направления и условия права на свободу совести, зафиксированы в научной юридической литературе [24, с. 21; 40, с. 37; 55, с. 14] и закреплены в современных международных и региональных нормативно-правовых актах по правам человека. Это Всеобщая декларация прав человека, Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод, Международный пакт о гражданских и политических правах, Декларация о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или

убеждений, Конвенция Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека и др.

Указанные документы определяют возможные ограничения в реализации права на свободу совести, характер которых в современных условиях государственной регламентации существенно расширился. Наряду с индивидуально-нравственными критериями в качестве ограничителей выступают и общественно-нравственные критерии, которые представлены в государственно-регулируемом социуме в наиболее универсальной и усредненной – правовой форме.

Универсальный характер названных документов заключается в том, что, во-первых, они отражают современные демократические стандарты в сфере реализации свободы совести, а не позиции какого-либо одного государства или интересы отдельных социальных групп, и, во-вторых, в их разработке принимала участие религиозная сторона. Направления реализации права на свободу совести представлены в них как право самостоятельно, без принуждения определять свое отношение к религии и, следовательно, исповедовать любую религию или убеждения; выражать и распространять убеждения, связанные с отношением к религии, или иные убеждения; изменять религиозную принадлежность и убеждения; отправлять единолично или сообща религиозные культы; иметь право на религиозное образование и т.д. Что касается возможных ограничений деятельности социальных субъектов при реализации права на свободу совести, то они вызываются необходимостью охраны государственной безопасности, общественного порядка, морали, здоровья граждан и свобод других лиц.

Исходя из вышеизложенного, с позиций традиционной правовой концептуализации свободу совести можно представить как закрепленную в нормативно-правовых актах (признанную на государственном уровне) свободу индивидуального религиозного/нерелигиозного выбора и связанные с этим нормативно регулируемые поведенческие позиции социальных субъектов. В таком определении отражается как генезис социального феномена свободы совести, так и регламентированные правом возможности её проявления.

В государственно-регулируемом обществе свобода совести получает, как правило, более «жесткую» правовую характеристику. Свобода совести предстает как разрешенное и гарантированное законом право индивида самостоятельно определять свое отношение к религии и со-

вершать действия при условии соблюдения законности и правопорядка. В международных нормативно-правовых актах свобода совести представлена как «право на свободу» индивида с градацией его возможного поведения:

«Каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и религии; это право включает свободу менять свою религию или убеждения и свободу исповедовать свою религию или убеждения как единолично, так и сообща с другими, публичным или частным порядком в учении, богослужении и выполнении религиозных и ритуальных обрядов» (Всеобщая декларация прав человека, ст. 18);

«Каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и религии. Это право включает свободу иметь или принимать религию или убеждения по своему выбору и свободу исповедовать свою религию или убеждения как единолично, так и сообща с другими, публичным или частным порядком, в отправлении культа, выполнении религиозных и ритуальных обрядов и учении.

Никто не должен подвергаться принуждению, умаляющему его свободу иметь или принимать религию или убеждения по своему выбору.

Свобода исповедовать религию или убеждения подлежит лишь ограничениям, установленным законом и необходимым для охраны общественной безопасности, порядка, здоровья и морали, равно как и основных прав и свобод других лиц» (Международный пакт о гражданских и политических правах, ст. 18 и др.).

Разрешительный норматив «право» регламентирует конкретные действия социальных субъектов. Правовая категория «свобода» раскрывает более широкие возможности индивидуального выбора, не очерчивая конкретного его результата [130, с. 133]. Следует заметить, что в русской языковой традиции вместо категории «свобода» вплоть до конца XIX века применялся термин «вольность», придавая правовой норме субъективный смысл.

Современный юридический конструкт «право на свободу» адекватен регулируемому социальному явлению, поскольку реализация любой свободы, в том числе свободы совести, связана с определенными внешними проявлениями (выражение и распространение убеждений, отправлении культов и т.д.), которые не имеют иной формы выражения кроме допускаемой государством. Свобода, следовательно, это возмож-

ность перехода из потенциально возможного состояния в действительное.

Равное обеспечение государством возможностей реализации права на свободу совести, а также равная защита интересов как индивидуальных, так и коллективных социальных субъектов воплощают мировоззренческий аспект демократической направленности свободы совести.

Таким образом, в социальных отношениях в сфере реализации свободы совести сочетаются как мировоззренческий, так и правовой аспекты. В мировоззренческом аспекте проявляются факторы формирования социальной дифференциации общества по религиозно-мировоззренческому признаку. Свобода совести в традиционной концептуализации как один из элементов мировоззрения индивида складывается под влиянием всех факторов, формирующих мировоззрение: воспитания, образования, уровня развития науки т.д. Право создает конкретные условия реализации мировоззренческого выбора. Соответственно, государственное регулирование осуществляется как через формирование, так и через создание и обеспечение условий реализации свободы совести взаимодействующими социальными субъектами.

В государственно-регулируемом социуме развитие социальных отношений в сфере реализации свободы совести можно представить последовательностью, в которой проявляется тесная взаимосвязь мировоззренческого, правового и социологического аспектов свободы совести, находящая завершающее выражение в социальных отношениях:

- различия мировосприятия социальных субъектов относительно религиозного/нерелигиозного восприятия действительности;
- законодательное признание государством указанных различий;
- нормативное закрепление направлений и условий реализации свободы совести;
- формирование государством определенного типа взаимодействия социальных субъектов;
- взаимодействие социальных субъектов в процессе реализации свободы совести.

Соответственно государственное регулирование в сфере реализации свободы совести в современном демократическом обществе осуществляется по следующим направлениям:

- признание государством свободы религиозного либо нерелигиозного выбора как неотъемлемого индивидуального права;

– социально-правовая регламентация государством направлений и условий фактической реализации свободы совести каждым социальным субъектом;

– взаимодействие социальных субъектов, складывающееся в процессе реализации свободы совести.

Характеризуя социальные отношения, складывающиеся в сфере реализации свободы совести, следует отметить следующее. Право, отражая исторически обусловленную дифференциацию общества по религиозному признаку и закрепляя уже сложившиеся социальные отношения, является вторичным социальным регулятором (по отношению к моральным, религиозным и иным нормам). Поэтому регулятивная деятельность конкретного государства в изучаемой сфере будет способствовать стабильности в обществе в том случае, если будет учитывать его исторические и социокультурные традиции и особенности.

Эффективность и характер взаимодействия социальных субъектов в процессе реализации свободы совести во многом зависит от адекватности социально-правовых норм и институтов сложившимся в обществе традициям и особенностям. Необходимым условием выступает создание и обеспечение государством равных возможностей реализации свободы совести всеми социальными субъектами.

Являясь составным элементом общей социальной политики, направленной на управление социальными процессами (экономическими, политическими, национальными, культурными, религиозными и др.), государственное регулирование в сфере реализации свободы совести осуществляется исходя из единых целевых установок этой политики. Единство цели общей социальной политики государства выступает как инструмент регулирования, соподчинения или примирения интересов всего многообразия социальных субъектов в интересах обеспечения устойчивого развития и стабильности общества [74, с. 11; 125, с. 11–15; 126, с. 30, 37].

Осуществление государственного регулирования на основе единых целевых установок формирует тот общий интерес, который содержится также в частном интересе каждого отдельного члена социума. Принимая во внимание возможное рассогласование, противоположность интересов взаимодействующих социальных субъектов, государство в своей деятельности выражает совокупный

интерес всего многообразия социальных субъектов и в итоге – глубинные интересы всего общества [39, с. 288; 97, с. 60–61; 98, с. 465]. Следовательно, единые целевые установки выступают как ориентир и база для управления во всех социальных сферах, представляя источник согласия различных социальных формирований [105, с. 165; 122, с. 19; 163, с. 14; 170, с. 3]. Социальная политика государства всегда ориентирована на практику, на превращение идей в социальное действие.

Таким образом, можно сделать вывод, что условием эффективности государственного регулирования в сфере реализации свободы совести является отражение в ней единой системы ценностей и единых целевых установок государства. Это служит гарантом бесконфликтной реализации свободы совести каждым социальным субъектом, обеспечивая как индивидуальную свободу, так и внутреннюю социальную стабильность общества.

Регулятивная деятельность государства как управляющего, властного социального субъекта строится в соответствии с одним из двух принципиальных подходов к управлению социальными процессами в сфере реализации свободы совести, сформировавшихся в современном мире.

Первый подход основывается на реальной ситуации и исходит из полирелигиозного состава мира, регионов, государств, учитывает происходящее дробление государств на национальные единицы, рост национального и религиозного самосознания, что соответствует пониманию прав и свобод как формы, способной вместить достаточно дифференцированное содержание [124, с. 4]. Сам же подход может быть назван традиционным, дифференцированным подходом.

Наряду с углубляющейся дифференциацией мира по религиозному признаку происходит обратный процесс проникновения мировых религий в различные регионы: христианства – на мусульманский Восток и в Северную Африку, ислама – в европейские страны. Этот процесс происходит в контексте общей тенденцией глобализации, необходимостью решения проблем, стоящих перед мировым сообществом: проблем всеобщей безопасности, экономического и научно-технического прогресса, борьбы с нищетой, охраны окружающей среды и т.д.

Мировые глобализационные тенденции в экономике, политике, праве порождают идеи о возможной глобализации и в мировоззренческо-религиозной сфере. В качестве примера можно привести экуменистические движения, которые ставят своей целью достижение социального единства через объединение всех верующих и преодоление разъединяющих социум этноконфессиональных барьеров. Обосновывается необходимость выработки единых международных социально-правовых механизмов, обеспечивающих беспрепятственную реализацию свободы совести всеми социальными субъектами. Эти механизмы призваны обеспечить преодоление разделительных этноконфессиональных барьеров, что будет соответствовать интеграционным и глобализационным тенденциям. Поэтому второй подход можно обозначить как интегративный.

Республика Беларусь разделяет позицию тех государств, которые строят свою социальную политику в контексте глобализационных тенденций. В то же время такая позиция не означает необходимости уже сегодня выработать единые для всего мирового сообщества социально-правовые механизмы государственного регулирования социальных отношений в сфере реализации свободы совести. Даже если в отдаленной перспективе глобализация в мировоззренческой сфере и возможна, то в настоящее время её реализация через единую регулятивную систему противоречила бы фактическому развитию этно- и межконфессиональных отношений. Приобщение к любому мировоззрению – сложный и противоречиво идущий социокультурный процесс, и искусственно его осуществить нельзя [122, с. 405].

Преодоление этноконфессиональных разделительных барьеров с учетом исторически обусловленных социокультурных различий возможно через разработку принципов и способов сотрудничества

государств, различающихся этноконфессиональными традициями. Основой равноправного сотрудничества становится выявление наиболее общих, единых для всех социальных слоев и образований мировоззренческих ценностей. Выявление единых мировоззренческих ценностей на локальном (национальном) уровне способствует формированию целеполагающих функций властных социальных субъектов, определяя общие направления социальной политики государства.

Регулятивная деятельность государства в сфере реализации свободы совести, основанная на единой системе ценностей, на разных исторических этапах имела различный статус: являлась как определяющим фактором общей государственной политики, так и вторичным по отношению к ней. В современном светском обществе основные направления социальной политики в данной сфере определяются главным образом общим вектором государственной политики, то есть исходя из стратегических целей государства.

Специфика и характер управленческих механизмов, регулятивной деятельности государства в сфере реализации свободы совести коренным образом различаются в зависимости от их социально-политического устройства. Когда гражданское общество не сформировано либо отсутствует, государственное регулирование социальными отношениями осуществляется на основе соответствующей идеологической доктрины. Государство либо вообще не придает ценностно-целевого значения религиозному мировоззрению, либо проводит такую политику, при которой признается только одна господствующая религия и отрицаются все остальные, а также нетеистические позиции, что характерно, например, для исламских стран. Регулятивная деятельность государства, как правило, соответствует веками установившимся социальным отношениям в религиозной сфере. Идеи свободы совести не воспринимаются как противоречащие сложившимся традициям; в государственно-конфессиональных отношениях доминирует социальный мир, если речь идет о традиционных религиях. Регулятивная деятельность государства в отношении религиозных меньшинств, новых религиозных течений и атеистических воззрений имеет репрессивный характер. Попытки проявить инакомыслие в мировоззренческой сфере жестко подавляются [171].

Возможен и такой вариант, когда демократические права и свободы законодательно декларируются, но на практике осуществляются в основном социально-экономические – на труд, образование, отдых, медицинское обслуживание.

В формирующемся демократическом обществе признается автономия личности лишь во внеполитической сфере, главным образом ограничиваются политические права и свободы. Гражданское общество в определенной степени саморегулируется, религиозные традиции и обычаи сохраняются и довольно свободно осуществляются.

Для развитого демократического государства характерно наличие гражданского общества и правовых форм государственного регулирования; основные права и свободы человека и гарантии их осуществления законодательно закреплены; возможные конфликты между социальными субъектами (индивидом, социальной группой и государством) в большинстве случаев получают компромиссное разрешение. Такая форма государственного регулирования и обеспечения прав и свобод человека, включая свободу совести, создает условия для их реализации в полном объеме. Соответствие регулятивной деятельности государства общей демократической направленности социальной политики обеспечивается соблюдением и имплементацией международных демократических стандартов, фиксирующих направления и условия реализации свободы совести.

Существование отмеченных различий в отношении свободы совести является результатом институционального оформления в каждом конкретном государстве либеральных демократических идей западноевропейских мыслителей эпохи Просвещения, когда формировались предпосылки современного представления о свободе совести: религиозный плюрализм, разделение светской и духовной власти, секуляризация мировоззрения. Различные регионы мира по-разному интерпретируют либеральные демократические идеи в соответствии со сложившимися социокультурными и аксиологическими традициями, что обусловлено несколькими причинами.

Во-первых, светские либеральные доктрины, в основу которых были положены католические и протестантские идеалы, получили свое закрепление в праве европейских государств. Право во Франции второй половины XVIII в., признавая «существование

верховного существа и бессмертия души», по существу становится, наравне со священным писанием, источником религиозных истин [95, с. 104]. Сакрализация и абсолютизация такого динамично изменяющегося социального института, как право, характерные для Западной Европы и Америки, не свойственны регионам, где преобладают синкретизм религиозных и правовых норм и традиционность общественной жизни (Азия, Ближний Восток).

Во-вторых, закрепление свободы совести (права на свободу совести) в социально-правовых регулятивах и аксиологических системах влечет необратимую трансформацию всего социокультурного пространства, релятивизацию традиционных ценностей и норм. Подобные трансформации предсказуемо расцениваются со стороны традиционного общества как негативные явления.

В-третьих, негативная оценка либеральных демократических идей во многих регионах мира оформилась лишь в последние десятилетия. Это связано с тем, что первоначально закрепление свободы совести в нормативно-правовой системе государства не влекло существенных трансформаций общественного сознания и мировоззрения в целом. Законодательное закрепление тех или иных идей, в том числе свободы совести, означало регламентацию поведения социальных субъектов, но не распространялось на сферу мировоззрения. Вестернизация аксиологических систем в ряде случаев обострила противоречия между ценностно-мировоззренческими ориентирами социальных субъектов и конкретной практикой их реализации. Прямым следствием возникающих противоречий становится утрата традиционными обществами своей социокультурной и национальной идентичности. Повсеместная утрата идентичности активно порождает многочисленные автономные модели конструирования социального пространства самими социальными субъектами (этно-социальные, религиозные, политические и др.). Подтверждением выступает современная география распространения идей прав человека и свободы совести.

Анализ региональных и национальных нормативно-правовых документов показывает, что свобода совести относится к ценностям первостепенного значения преимущественно в демократической американо-европейской правовой культуре, которая доминирует и в международных нормативно-правовых документах по правам человека:

«Каждый имеет право на свободу мысли, совести и религии; это право включает свободу менять свою религию или убеждения и свободу исповедовать свою религию или убеждения как индивидуально, так и сообща с другими, публичным или частным порядком, в богослужении, обучении, отправлении религиозных и культовых обрядов. Свобода исповедовать свою религию или убеждения подлежит лишь ограничениям, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах общественной безопасности, для охраны общественного порядка, здоровья или нравственности или для защиты прав и свобод других лиц».

«Каждый человек имеет право на свободу совести и религии. Это право включает свободу придерживаться своей религии и убеждений и менять их, а также свободу исповедовать или распространять свою религию или убеждения как единолично, так и сообща с другими, публичным или частным порядком. Никто не подлежит применению ограничений, которые могут умалять его свободу придерживаться своей религии или убеждений или менять их» (ст. 9 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод и ст. 12 Межамериканской Конвенции о правах человека). Нормы, содержащиеся в этих документах, подтверждают ст. 18 Всеобщей Декларации прав человека и ст. 18 Международного пакта о гражданских и политических правах (каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и религии).

В Африканской Хартии прав человека право на свободу совести хотя и нашло отражение, но свобода совести помещена в один ряд со свободой выбора профессии: *«Свобода совести и свободное отправление религиозных обрядов гарантируется. Никто не может, в соответствии с законом и порядком, быть подвергнутым мерам, ограничивающим пользование этими свободами»* (ст. 8). Тем не менее, многие африканские лидеры считают приоритет права в жизни страны применимым лишь к европейским понятиям демократии. Делая акцент на особых традициях Африканского континента, они не рассматривают свободу совести как ценностный атрибут своей культуры и идеологии.

Всеобщая Исламская Декларация прав человека предоставляет право религиозным меньшинствам руководствоваться законами собственной религии, но эта свобода имеет ограничения, предписанные Шариатом как нравственно-правовой основой ислама, бази-

рующейся на Коране и Сунне. Декларация прав человека в Исламе прямо констатирует, что исходит исключительно из Шариата, но тем не менее предусматривает право на свободу совести и вероисповедания, хотя и без какой-либо содержательной расшифровки: *«Никто не должен ни презирать, ни осмеивать религиозные убеждения других лиц, ни способствовать общественной враждебности по отношению к ним. Уважение религиозных чувств других обязательно для всех мусульман. Всякий человек имеет право на свободу совести и вероисповедания в соответствии со своими религиозными убеждениями»* (ст. 12, 13).

В Азиатском регионе локальные акты по правам человека вообще не были приняты, так как азиатские страны подвергли сомнению универсальный характер прав человека [102, с. XVIII]. Некоторые страны категорически отвергают свою приверженность праву на свободу совести. Государство Израиль, в частности, обосновывает неприсоединение страны к Всеобщей декларации прав человека непризнанием еврейским государством таких свобод, как свобода совести и вероисповедания [102; с. 111].

Таким образом, страны афро-азиатского региона в своей регулятивной деятельности не относят свободу совести к ценностям первостепенного значения. Политика отдельных регионов и государств по ограничению свободы совести привела к тому, что в наши дни такие ограничения испытывают около 2,2 млрд. человек [129, с. 95]. Исходя из сказанного, вряд ли можно согласиться с авторами, считающими распространение идеала религиозной свободы всемирным явлением [26, с. 26].

Основанием для дифференциации регулятивной деятельности государства является место свободы совести в системе ценностей и как следствие – специфика её институционального оформления в конкретном государстве. В результате в современном мире в ряде стран складывается политика двойных стандартов в сфере реализации прав человека, когда предоставление одних прав может сочетаться с ограничением или отсутствием других.

Бесконфликтное взаимодействие социальных субъектов сфере реализации свободы совести, как свидетельствует практика, во многом зависит от соответствия регулятивной деятельности государства сформировавшимся социокультурным и аксиологическим традици-

ям. Мировоззренческая составляющая свободы совести обуславливает специфику регулятивной деятельности государства, которая заключается в необходимости осуществления воздействия государства на объект регулирования по двум направлениям.

С одной стороны, государство законодательно закрепляет юридический статус и поведенческие позиции социальных субъектов в соответствии с международными демократическими стандартами.

С другой стороны – оказывает опосредованное воздействие на формирование свободы совести через неправовые социальные институты, обеспечивающие такой тип взаимодействия между социальными субъектами, который способствует её бесконфликтной реализации. Осуществление регулятивной деятельности государства по двум указанным направлениям позволяет оказывать воздействие на формирование социальных отношений и создавать условия и гарантии реализации свободы совести.

Следовательно, основой регулятивной деятельности государств с различными этноконфессиональными традициями в рамках мирового сообщества становится выявление наиболее общих, единых для всех социальных субъектов мировоззренческих ценностей. В управленческой и правоприменительной практике необходимо также учитывать специфику субъект-субъектных (межличностных, лично-групповых, межгрупповых и т.д.) связей и отношений в сфере реализации свободы совести на уровне обыденного (повседневного) и государственного регулирования. Однозначность понимания свободы совести в традиционной и расширительной концептуализации как мировоззренческого феномена свидетельствует, что речь может идти не о противопоставлении концептуальных подходов, а о разноаспектности изучения одной и той же категории.

Таким образом, можно сделать вывод, что религия как исторически сложившаяся система традиционных ценностных ориентиров различных социальных групп и как дополнительный показатель национально-этнической принадлежности способна служить одним из факторов как стабилизации, так и дестабилизации социальных отношений в обществе.

Сосуществование в едином социальном пространстве различных видов социальных отношений (включая социальные отношения в сфере реализации свободы совести) обуславливает необходи-

мость социологического обеспечения регулятивной деятельности государства. Выявление индивидуальных, коллективных и общих интересов, ценностей и норм всех социальных субъектов позволяет, во-первых, определить целевые функции регулятивной деятельности государства, и, во-вторых, выработать адекватные поставленным целям социально-управленческие механизмы их достижения и реализации.

Государственное регулирование этноконфессиональных, социокультурных и социально-правовых аспектов социальных отношений в сфере реализации свободы совести подчинено стратегической задаче обеспечения социальной стабильности в белорусском обществе. Оно основывается на учёте взаимной связанности таких факторов, как:

- особенности субъект-субъектных связей и отношений в сфере реализации свободы совести;

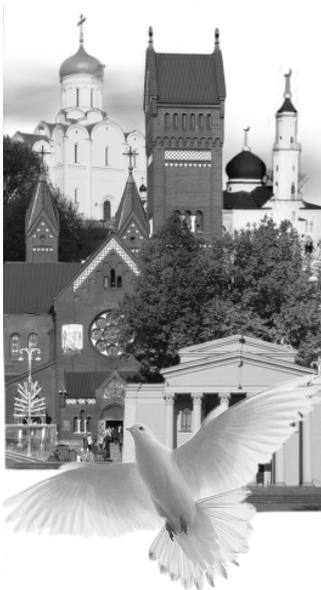
- специфика ментального отношения к свободе совести в различных культурах;

- различия в интерпретации ценностной и целевой направленности концепта свободы совести в социо-гуманитарном знании.

Социальный диалог между государством и другими взаимодействующими социальными субъектами нуждается в дальнейшем совершенствовании теоретико-методологического обеспечения государственного регулирования, детальной и всесторонней разработке нормативно-правовой базы социальных отношений в сфере реализации свободы совести.

В этой связи в настоящем исследовании на основе выявления условий и факторов формирования социальных отношений в сфере реализации свободы совести анализируется специфика социально-правового и социологического обеспечения управленческих решений в изучаемой сфере в Республике Беларусь.

2. ОСОБЕННОСТИ РЕГУЛЯТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВА В СФЕРЕ РЕАЛИЗАЦИИ СВОБОДЫ СОВЕСТИ

Специфика социально-правового обеспечения свободы совести в современном обществе

Регулятивная деятельность современного демократического государства по обеспечению свободы совести формируется в сложных условиях. С одной стороны, она находится под влиянием многовековых этноконфессиональных традиций как одного из факторов социокультурной идентификации государства. С другой стороны, воплощает современные международные демократические стандарты.

Социальные отношения, складывающиеся в процессе реализации свободы совести, включены в единую систему государственного регулирования, что характеризует многовекторность социальной политики государства. Регулятивная деятельность государства в сфере реализации свободы совести предполагает выработку и принятие конкретных управленческих решений, обеспечивающих согласование поведенческих и мировоззренческих позиций взаимодействующих социальных субъектов. Практическая реализация управленческих решений может представлять собой средство социально-правового обеспечения и защиты свободы совести или, напротив, препятствовать её реализации.

Демократическая природа свободы совести проявляется в возможностях альтернативного поведения и многовариантности мировоззренческих позиций, что может повлечь за собой угрозу их столкновения и, следовательно, социальных конфликтов. Поэтому регулятивная деятельность демократического государства в сфере реализации свободы совести призвана выполнять две основные функции: во-первых, функцию практического обеспечения реализации свободы совести всеми взаимодействующими социальными субъектами и, во-вторых, функцию обеспечения социальной стабильности общества.

Указанные функции могут быть реализованы в полном объёме, если будут соответствовать следующим условиям:

- а) согласуются с менталитетом населения;
- б) распространены на индивидуальных и коллективных социальных субъектов;
- в) подчинены международным демократическим нормативно-правовым стандартам, относительно которых можно отметить следующее.

В проблемном плане применительно к индивидуальным социальным субъектам демократические стандарты сформулированы в международных нормативно-правовых актах по правам человека и касаются целого ряда социальных аспектов, гарантирующих как реализацию свободы совести, так и предотвращение возможного противостояния на мировоззренческо-религиозной основе. Соблюдение этих стандартов позволяет:

- 1) Практически реализовать все параметры права на свободу совести, содержащиеся в международных нормативных актах по правам человека, одновременно не допуская какого-либо принуждения в мировоззренческо-религиозном выборе (Всеобщая декларация прав человека, ст. 18; Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод, ст. 9; Международный пакт о гражданских и политических правах, ст. 18; Декларация о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии и убеждений, ст. 1; Конвенция Содружества Независимых государств о правах и свободах человека, ст. 10 и др.).
- 2) Не допускать социального неравенства вследствие различий мировоззренческо-религиозных позиций. Каждый человек обладает всеми правами и свободами независимо от каких бы то ни было раз-

личий, в том числе религиозных. Права и свободы человека обеспечиваются равенством всех людей перед законом и гарантиями эффективной защиты против дискриминации по какому бы то ни было признаку, включая отношение к религии (Всеобщая декларация прав человека, ст.2; Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод, ст.2, Конвенция Содружества Независимых государств о правах и основных свободах человека, ст. 1 и др.).

3) Гарантировать защиту права на свободу совести отдельных наиболее уязвимых социальных групп населения: национальных меньшинств, детей и их родителей/законных опекунов (в последнем случае – относительно выбора мировоззренческо-религиозной позиции ребенка) (Всеобщая декларация прав человека, ст.18, 27; Венская декларация и Программа действий, ст. 19; Конвенция об обеспечении прав лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, ст. 4, 5, 8; Конвенция Содружества Независимых государств о правах и основных свободах человека, ст. 21 и др.).

Соблюдение в процессе государственного регулирования общепризнанных норм международного права обеспечивает объективность регулятивной деятельности, не допуская конъюнктурных позиций. Однако в настоящее время в отдельных демократических странах наблюдается ущемление прав верующих ряда конфессий (православных в Эстонии, протестантов в Казахстане и т.д. [85, с. 12]), что повлияло на характер отношения мирового сообщества к проблеме социально-правовых гарантий.

В первых послевоенных международных нормативно-правовых актах гарантии соблюдения прав и свобод, как правило, декларируются: «Каждый человек должен обладать всеми правами и всеми свободами, ...без какого бы то ни было различия, как-то в отношении расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного, сословного или иного положения» (Всеобщая Декларация прав человека, ч. 1 ст. 2).

В последующих документах они формулируются в форме неукоснительных требований: «...законы каждой страны должны предоставить каждому гражданину, независимо от расы, языка, религии или политических убеждений, свободу слова, информации, совести и религии» (Воззвание Тегеранской конференции, ст. 5). «Все государства

должны принимать эффективные меры для предупреждения и ликвидации дискриминации на основе религии или убеждений в признании, осуществлении и реализации прав человека и основных свобод во всех областях гражданской, экономической, политической, социальной и культурной жизни» (Декларация о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии и убеждений, ст. 4).

Тем не менее, практическая реализация демократических стандартов в сфере реализации свободы совести в различных странах складывается по-разному, что объясняется различным социально-историческим опытом конкретных стран. В регулятивной деятельности современных государств можно выделить как общие, так и особенные черты. Отражение в национальных законодательных системах мировоззренческой составляющей свободы совести (социокультурных особенностей наций, отдельных социальных групп, общностей и т.д.) позволяет избежать собственно религиозных конфликтов (внутренние расколы церкви, внутри- и межконфессиональная рознь и т.п.).

Особенностью регулятивной деятельности демократических стран в сфере реализации свободы совести являются различия, которые касаются, как правило, правового решения вопроса о взаимодействии государства и религиозных организаций (конфессий), то есть государственно-конфессиональных отношений. Затрагивая интересы как индивидуальных, так и коллективных социальных субъектов, именно данные различия выступают как дополнение к общепринятым демократическим стандартам.

Законодательно-правовое оформление государственно-конфессиональных отношений в научной литературе формулируется по-разному: «концепция», «схема», «тип», «модель». «Концепция» предполагает включение как правовых норм и институтов, регулирующих государственно-конфессиональные отношения, так и разработку научных подходов, поиск социокультурных, идеологических оснований социальной политики государства и т.д. [26, с. 30; 28, с. 89; 131, с. 88, 90]. Формулировки «схема» и «тип» обозначают совокупность только правовых норм и институтов, регулирующих государственно-конфессиональные отношения, и применяются в качестве синонима «модели» [15, с. 26; 107, с. 75]. Под моделью государственно-конфессиональных отношений понимается законодательное закрепление правового и в некоторых случаях – социаль-

ного статуса коллективных социальных субъектов – религиозных организаций (конфессий) и регламентация их взаимоотношений с государством [15, с. 26; 27, с. 14; 48, с. 8; 51, с. 22; 107, с. 75; 128, с. 108; 143, с. 204–206; 166, с. 59 и др.]. Данная формулировка является наиболее распространенной в научной литературе. Её содержательная нагрузка соответствует предмету дальнейшего рассмотрения государственно-конфессиональных отношений, что даёт основание для применения формулировки «модель» в тексте диссертационного исследования.

К настоящему времени в современном мире сложилось три модели государственно-конфессиональных отношений. У разных авторов эти модели получили разное название, но выражают одну суть:

1) наличие государственной религии (официальной, национальной, религии народа) и соответственно церкви (институциональная и организационная форма религии);

2) отсутствие государственной религии и церкви, но придание особого правового статуса отдельным религиям (традиционным, признанным, специальным, господствующим);

3) нейтралитет государства по отношению к религии/церкви [27; 48, с. 7–9; 85].

Первым двум моделям присущи многие общие черты. В них представлены сходные модификации социальных отношений, для которых характерно законодательное признание и закрепление особого социального и правового статуса той или иной конфессии. Поэтому правомерно выделить не три, а две модели государственно-конфессиональных отношений:

а) кооперационная модель, при которой государством на законодательном уровне закрепляется особый (правовой и социальный) статус господствующей религии. Религиозные организации финансируются государством и, согласно закону, имеют больше прав по сравнению с другими конфессиями (например, в Основных законах Великобритании и Дании закреплено понятие «официальная церковь», в Конституции Греции – «господствующая религия», в Конституции Швеции – «государственная церковь», в Конституции Португалии – «традиционная религия» и т.п.);

б) сепарационная модель, при которой церковь отделяется от государства, а религия признается частным интересом человека. Отделение церкви от государства означает, что государство не вмешивается в дея-

тельность религиозных организаций, не оказывает им материальной и финансовой поддержки. В социальных отношениях в сфере реализации свободы совести религиозные организации выступают в качестве самостоятельного (коллективного) субъекта с равными для всех взаимодействующих социальных субъектов правами и обязанностями (США, Нидерланды, Франция, Россия, Украина, Республика Беларусь и др. [66; 128; 143, с. 204–206; 212, с. 75;]).

В дополнение к указанным моделям государственно-конфессиональные отношения могут регулироваться на основе конкордатной системы, т.е. системы специальных соглашений и договоров между государством и религиозными организациями. Конкордаты распространены в странах, где реализуется как кооперационная, так и сепарационная модели государственно-конфессиональных отношений (Италия, Российская Федерация, Республика Беларусь).

В качестве образца иногда указывается американская модель государственно-конфессиональных отношений, тогда как ей присущ ряд противоречий. Так, хотя в США формально нет «специального» религиозного законодательства, в Америке действуют около 2-х тысяч различных законов, содержащих нормы, регулирующие деятельность религиозных организаций. Например, Инструкция Министерства финансов США обязует верующих при регистрации религиозных организаций сообщать о своих социальных и религиозных связях, подробно описывать форму культа или вероучения, предъявлять копии всех своих богословских работ [11, с. 224].

Что касается законодательного признания особой исторической роли какой-либо конфессии в становлении и развитии духовных, культурных и государственных традиций, то в США, несмотря на Первую Поправку к Конституции США, гаранти-

рующую, что никакая религия не должна иметь правительственного одобрения, и что все американцы являются свободными исповедовать

религию по выбору, в государственных учреждениях и судебных органах в обязательном порядке приносятся религиозная клятва и присяга (на Библии). В настоящее время такие положения содержатся в конституциях более 40 государств (первое место в разряде государственных религий занимает ислам – 17 стран, римско-католическая – 14, евангелическо-лютеранское исповедание – 4).

Закрепление в Основном законе государством своих конфессиональных предпочтений является, наравне с провозглашением государственного языка, средством самоидентификации народа. Следует также учитывать специфику геополитических и исторических условий формирования политической и правовой системы государства. Если для Европы, Ближнего Востока, Азии характерна традиционность (пусть и в разных ее формах), то Америка, являющаяся по сути эмигрантским государством, изначально была поликонфессиональной, без устоявшихся религиозных и культурных традиций.

В целом конституции подавляющего большинства демократических государств в различной форме фиксируют признание свободы совести. Фактическое развитие социальных отношений в соответствии как с сепарационной, так и кооперационной моделями государственно-конфессиональных отношений не всегда подтверждает реализацию социальными субъектами свободы совести в полном объеме.

Особый правовой статус государственной или традиционных религий ставит их в привилегированное положение относительно прочих религий. Это касается предоставления только названным религиям права на осуществление религиозной деятельности во всех сферах гражданского общества (культура, образование, здравоохранение, вооруженные силы, исправительные учреждения и др.) при разрешении нетрадиционным религиям отправления только домашних религиозных обрядов. Особый финансовый статус государственной/традиционной религий (финансирование из госбюджета и благоприятная налоговая политика при ограничении прав прочих религий в приобретении недвижимости) создает различные условия для развития материальной базы религиозных организаций как места для совместного отправления религиозных обрядов. Обязательное религиозное образование в государственных школах подрывает право на свободный выбор религии детьми, родителями, опекунами. Представляемое при этом право на свободное обучение в частной (платной) школе со свободным выбо-

ром религии, сохраняя право на свободу совести, в то же время ограничивает возможности учеников относительно выбора места обучения.

Таким образом, в процессе реализации кооперационной модели государственно-конфессиональных отношений социальные отношения характеризуются отсутствием юридического равенства коллективных социальных субъектов (религиозных организаций и объединений), что необходимо для равенства возможностей реализации свободы совести индивидуальными субъектами. Отсутствие юридического равенства религиозных организаций становится одним из факторов возникновения стратификации общества по религиозному признаку, в котором социальное неравенство распространяется как на коллективные (религиозные организации и объединения), так и на индивидуальные социальные субъекты. Следовательно, усреднённые международными нормативно-правовыми документами право индивида на свободу совести не может быть реализовано в полной мере. В связи с этим вряд ли можно согласиться с мнением тех исследователей, которые считают, что открытого признания любой религии достаточно для фактической реализации свободы совести [85, с. 14, 18].

На практике, тем не менее, явное расхождение интересов различных социальных субъектов и элементы социального неравенства, как правило, не влекут конфликты или негативные социальные изменения в обществе и не являются дестабилизирующим фактором. Они отражают имманентные конкретному государству исторически сформировавшиеся религиозные предпочтения, особенности национального менталитета, обуславливающие бесконфликтное взаимодействие социальных субъектов в сфере реализации свободы совести. В качестве примера можно привести ряд современных государств, где ислам является официальной религией и даже закреплён в названиях некоторых государств (Исламская республика Иран, Объединённые Арабские Эмираты, Исламская республика Пакистан, Государство Кувейт и др.).

Регулятивная деятельность государств, осуществляющих взаимодействие с религиозными организациями в соответствии с сепарационной моделью государственно-конфессиональных отношений, коренным образом отличается от кооперационной модели.

При нейтралитете государства по отношению к религии все религиозные организации обладают равным правовым статусом: равны перед законом, пользуются равными правами и несут равную юри-

дическую ответственность. Государство не оказывает финансовой поддержки религиозным организациям в их миссионерской деятельности. Возможная косвенная поддержка отдельных форм церковного служения (в армии, исправительных и медицинских учреждениях и др.), выделение бюджетных средств на реставрацию культовых сооружений, освобождение религиозных организаций от налогов не зависят от конфессиональной принадлежности. Что касается субсидий, то все религиозные организации не только обладают равными правами, но и приравниваются к светским (например, имеют статус общественного объединения, юридического лица). В сфере образования все частные школы, в том числе и принадлежащие любой церкви, могут получать дотации со стороны государства. Возможно наличие признанных религий, что влияет только на процедуру их регистрации. Процесс регистрации носит заявительный, а не разрешительный характер – для регистрации религиозной организации необходимо только подать заявление, т.е. не получить специальное разрешение, а в установленном законодательством порядке поставить государство в известность о своем существовании.

Таким образом, сепарационная модель государственно-конфессиональных отношений не содержит потенциальных условий для религиозной дискриминации. По существу она воплощает представление о такой системе социальных отношений, которую можно характеризовать как отношения социального диалога терпимости, толерантности между обществом и социальными субъектами как носителями мировоззренческо-религиозных установок.

Однако сепарационная модель далеко не всегда закреплена законодательно, как, например, в Конституции Японии, где сказано, что ни одна из религиозных организаций не должна получать от государства никаких привилегий (ст. 20). К тому же на практике регулятивная деятельность государств зачастую не в полной мере соответствует нормам сепарационной модели. Одним из оснований такого несоответствия является отступление от принципа отделения церкви от государства при осуществлении религиозной политики в обход светского законодательства.

В частности, в России в нарушение Конституции (ст. 14 провозглашает светский характер государства, отделение религии от государства и непризнание государственной или обязательной религии) и

Закону Российской Федерации «Об образовании», определившему его светский характер, в школах отдельных регионов в качестве обязательной дисциплины вводится преподавание Закона Божьего [85, с. 4]. В тексте государственного гимна присутствует упоминание о боге. В судебной практике России возникают прецеденты, касающиеся вопросов об отказе школьников по религиозным соображениям изучать теорию Дарвина и т.д.

Возможны некоторые отступления от «жёсткого» принципа нейтралитета государства по отношению к религии под влиянием истори-

чески сформировавшихся социокультурных традиций конкретного отдельного государства. В США, например, несмотря на светский характер государства (Билль о правах, Поправка I к Конституции: государство не узаконивает какую-либо религию и не запрещает её свободное исповедание), все

должностные лица, включая Президента, а также участники судебных процессов обязаны присягать на Библии, некоторые штаты признают церковный брак и т.п.

Очевидно, что как кооперационная, так и сепарационная модели государственно-конфессиональных отношений представляют собой модификации, возможные «сценарии» универсальных демократических стандартов, предложенных международными нормативно-правовыми актами по правам человека. В своей основе они воплощают принципы общепризнанных демократических стандартов, отражая в то же время общие мировоззренческо-религиозные критерии, присущие индивидам и социальным группам. Исключения составляют случаи, когда управленческая и правоприменительная практика идет вразрез с принятой моделью государственно-конфессиональных отношений. Это свидетельствует о соответствии моделей требованиям, предъявляемым демократическим мировым сообществом к системе государственного регулирования социальных отношений в сфере реали-

зации свободы совести. Сама же модификация допускается рекомендательным рамочным характером международных нормативно-правовых актов, в соответствии с которыми, в частности, Европейский союз обязуется уважать статус церквей, религиозных организаций в странах-участницах согласно их правовым актам и не нарушать их (см., например, Заключительный акт Амстердамской конференции, ст. 11).

В зависимости от социокультурных и социально-политических предпосылок регулятивная деятельность государств может как обуславливаться, так и иллюстрироваться той или иной моделью государственно-конфессиональных отношений. Закрепляя уже сложившиеся в процессе исторического развития общества социальные отношения, модель государственно-конфессиональных отношений лишь иллюстрирует, отражает данные отношения. При отсутствии необходимого социально-исторического опыта регулятивная деятельность конкретного государства строится, как правило, по возможным «сценариям» (моделям государственно-конфессиональных отношений). Корректирующими факторами могут выступать национальное законодательство, социокультурные традиции, управленческая практика. Социальная структура и социальные отношения в обществе при «сценарном варианте» не закрепляются, а формируются правовыми нормами.

Соответственно можно выделить два типа взаимодействия социальных субъектов в сфере реализации свободы совести, исторически сложившихся в обществе (Рисунок 2.1). Первый тип характеризуется строгой управленческой «вертикалью»: иерархичной структурой и жесткой подчиненностью государству социальных субъектов. Мировоззренческо-религиозные установки индивида и социальной группы, их социальные статусы и роли определяет государство, ограничивая тем самым возможность мировоззренческо-религиозного выбора и императивно формируя социальную структуру общества.

«Вертикальная» управленческая структура, обуславливая локальность и закрытость регулируемых социальных отношений, в том числе в сфере реализации свободы совести, затрудняет их саморегуляцию и самовоспроизводство, делая уязвимыми под воздействием внешних факторов. Это может быть присуще в равной степени как религиозному государству, так и атеистическому. Примером может служить Российская империя до 1917 г. с государственной религией (правосла-

вие) и СССР с официальной атеистической идеологией. Для адаптации к различным изменениям в каждом случае необходимо принятие государством управленческих решений, задействование социально-управленческого механизма их реализации через специальные государственные органы, что искусственно снижает либо, напротив, повышает динамику социальных процессов.

При втором типе государством задаются основные принципы и характер взаимодействия социальных субъектов. Социальные субъекты (индивид, социальная группа, государство), вступая во взаимодействие друг с другом, самостоятельно определяют свой статусный и ролевой наборы, и, соответственно, степень и форму участия в социальных отношениях. Социальная структура общества складывается при этом постепенно, в процессе взаимодействия социальных субъектов. Динамика изменений её состояний, основных количественных и качественных показателей обусловлена степенью и формой включенности социальных субъектов в социальные процессы. Такой тип взаимодействия наиболее адекватен современным условиям динамически развивающегося общества. Государство, регулируя тот или иной тип взаимодействия, определяет не только порядок и условия деятельности индивидуальных и коллективных социальных субъектов, но и выступает равноценным социальным субъектом самоорганизующейся и самоуправляемой системы социальных отношений в сфере реализации свободы совести.

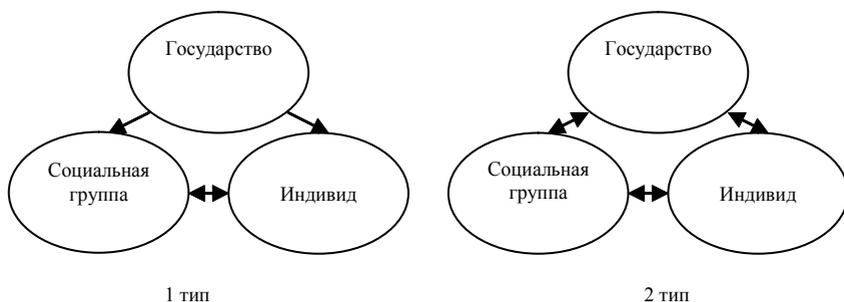

Рисунок 2.1 – Типы взаимодействия социальных субъектов в сфере реализации свободы совести

Историческая практика свидетельствует, что в обществе может внедряться любая модель государственно-конфессиональных отношений. Однако в случае несоответствия конкретным социокультурным и историческим традициям это внедрение превращается в принудительный акт и чревато социальными потрясениями. Учет управляющим властным социальным субъектом объективных условий обеспечивает лучшую «приживаемость» той или иной модели государственно-конфессиональных отношений, поскольку в данном случае государство принимает решение в соответствии с ожидаемостью членов общества как субъектов управления.

Государственное регулирование социальных отношений в сфере реализации свободы совести в трансформирующемся белорусском обществе

В развитии современной белорусской системы государственного регулирования социальных отношений в сфере реализации свободы совести можно выделить два основных этапа.

Началом первого этапа явилось провозглашение в 1991 г. государственного суверенитета и образование Республики Беларусь. Принятие в 1992 г. Закона Республики Беларусь «О свободе вероисповеданий и религиозных организациях» создало нормативно-правовую базу для реального обеспечения права на свободу совести в соответствии с международными демократическими стандартами, приверженность которым была провозглашена в Конституции Республики Беларусь (1994 г.). Это означало, что в Республике Беларусь реализуется «сценарный вариант» государственного регулирования, основу которого составляет сепарационная модель государственно-конфессиональных отношений.

В Законе Республики Беларусь «О свободе вероисповеданий и религиозных организациях» закреплялись основные международные демократические стандарты в сфере реализации свободы совести (равенство перед законом всех религий и вероисповеданий, равенство всех независимо от религиозных убеждений, свобода мировоззренческо-религиозного выбора, отсутствие ограничений при регистрации религиозных организаций и др.). Воплощая позитивный принцип либерализма

– создание общества равных возможностей – в первое десятилетие государственного суверенитета данный закон явился реальным инструментом практической реализации и функционирования института свободы совести в Республике Беларусь [32, с. 24].

Последующее десятилетие выявило ряд противоречий и недостатков в действующем законодательстве, управленческой и правоприменительной практике. Право не могло не отражать изменений ценностных приоритетов постсоветского общества. Закон носил ярко выраженный либеральный характер, уравнивания все конфессии независимо от их социального статуса (роли в формировании национальной культуры и традиций, численности адептов и т.д.), закреплял полное отмежевание государства от религиозных организаций. Как показала практика, это не в полной мере соответствовало историческим традициям и реальным потребностям социально-культурного развития белорусского общества [82, с. 162–164; 142 и др.]. Динамичность социальных изменений в Республике Беларусь обусловила необходимость разработки нового закона, который был принят в 2002 г. – в новой редакции – Закон Республики Беларусь «О свободе совести и религиозных организациях» (далее – Закон).

Второй этап, начавшийся в 2002 г. с принятием в новой редакции Закона Республики Беларусь «О свободе совести и религиозных организациях», характеризовался отражением в законодательстве традиций, культурных норм, ценностей и идеалов белорусского народа.

В научной литературе новый Закон был оценён как демократический, соответствующий международным демократическим стандартам, и в то же время учитывающий специфику исторически сложившейся религиозной ситуации в современном белорусском обществе [40; 55 и др.]. Основными целями регулятивной деятельности государства в сфере реализации свободы совести, как и в Законе редакции 1992 г., является социальная стабильность, равенство всех социальных субъектов независимо от их отношения к религии и конфессиональных предпочтений.

Анализ Конституции и Закона свидетельствует, что социально-правовой основой государственного регулирования социальных отношений в сфере реализации свободы совести в Республике Беларусь является сепарационная модель государственно-конфессиональных отношений. Согласно Конституции Республики Беларусь все гражда-

не без какой-либо дискриминации признаются равными перед законом (ст. 22) и, согласно Закону, все религиозные организации после государственной регистрации приобретают статус юридического лица и действуют на общих основаниях в соответствии с гражданским законодательством. Ни одна из религиозных идеологий не может устанавливаться в качестве обязательной для граждан и соответственно все религии и вероисповедания признаются равными перед законом (ст.ст. 4, 14 и 16 Конституции, ст. 6 Закона). Это равенство распространяется как на права, так и на ответственность религиозных организаций, на все направления их деятельности, начиная от создания и до ликвидации (ст. ст. 8–9, 13–15, 20, 23–35, 38 Закона), а также на одинаковую по отношению к ним политику государственных органов (ст.ст.10, 11, 16–19, 21, 22 Закона). Равенство религий означает равенство перед законом всех членов общества независимо от вероисповедания и отсутствие дискриминации на религиозной почве (ст. 22 Конституции, ст. 7 Закона), свободу выбора без принуждения своего отношения к религии и связанную с этим форму поведения (ст. 31 Конституции, ст.ст. 4 и 5 Закона), право на светское образование (ст. 9 Конституции). Принцип равенства распространяется на запретительные ограничения в религиозной деятельности как отдельных членов общества, так и религиозные организации (ст.ст. 16 и 31 Конституции).

К настоящему времени в Республике Беларусь сформировалось общество, для которого характерно:

во-первых, равенство правовых статусов индивидуальных субъектов независимо от отношения к религии;

во-вторых, равенство правовых статусов коллективных субъектов независимо от их светской или религиозной принадлежности.

В то же время равенство юридических статусов конфессий не равнозначно равенству их социальных статусов. Специфической чертой белорусского варианта сепарационной модели государственно-конфессиональных отношений является законодательное признание особого социального статуса отдельных конфессий в истории белорусского народа. В Законе закреплено положение о том, что регулирование социальных отношений в сфере реализации свободы совести строится исходя из «признания определяющей роли Православной церкви в историческом становлении и развитии духовных, культурных и государственных традиций белорусского народа; духовной, культурной

и исторической роли Католической церкви и неотделимости от общей истории народа Беларуси Евангелическо-лютеранской церкви, иудаизма и ислама» (преамбула Закона).

Положение о признании особого социального статуса отдельных конфессий является исторически обусловленным, поскольку отражает социокультурные традиции белорусского народа относительно приверженности традиционным конфессиям, которая прослеживается и в наши дни. В последние годы удельный вес общин традиционных религий в общей численности религиозных общин был относительно устойчивым (70,8% в 1989 г. и 60,2% на 1 января 2006 г.). Незначительно изменилась и их структура: если в 1989 г. на долю православной церкви приходилось 52% общей численности религиозных общин, то на 1 января 2006 г. – 46,7%, католической церкви соответственно 15,8% и 15,2%, иудейской – 0,1% и 0,8%, ислама – 0,1% и 0,9% [56, с. 42; 142, с. 256–257].

Аналогичная ситуация характерна и для России: в 1990-м г. 57% общей численности религиозных объединений составляли православные объединения, 14% – мусульманские, 0,5% – католические. К 1998 г. при общем увеличении религиозных объединений больше чем в 2 раза, конфессиональная структура российского общества практически не изменилась: 57% составляли православные объединения, 19% – мусульманские, около 1% – католические [86, с. 8–9].

Таким образом, современная система государственного регулирования социальных отношений в сфере реализации свободы совести складывалась в ходе исторического развития белорусского общества. В настоящее время регулятивная деятельность Республики Беларусь основывается на трех компонентах:

- демократической природе общественного строя;
- сепарационной модели государственно-конфессиональных отношений;
- учёте присущих белорусскому народу социокультурных особенностей и традиций.

В процессе государственного регулирования конкретизируются принципы, выработанные международным демократическим сообществом в сфере реализации свободы совести, управленческая практика корректируется применительно к социокультурным традициям и реалиям современного белорусского общества. Управленческая, право-

применительная и судебная практика выявила ряд дискуссионных вопросов, вызывающих различную – как позитивную, так и негативную – оценку.

I. Внимание государства к обеспечению свободы совести именно через регулирование государственно-конфессиональных отношений дало повод некоторым авторам критиковать «религиозный крен» регулятивной деятельности и говорить о создании «специального религиозного» законодательства в ущерб атеистическим убеждениям значительной части населения [29; 59]. Нельзя не признать правомерность такого замечания, однако при этом не следует оставлять без внимания объективные исторические предпосылки, состоящие в следующем.

Регулятивная деятельность современных светских государств в сфере реализации свободы совести – это регулирование двух подсистем общества – светской и религиозной. Поскольку в таких государствах все регулятивные функции по своему содержанию носят светский характер, применительно к свободе совести нет необходимости в дополнительной защите её светской (нерелигиозной) составляющей.

В государстве, длительный период существующем в рамках официальной атеистической идеологии, детальная разработка религиозного законодательства объективно необходима, поскольку заполняет недостающие звенья в регулировании взаимодействия социальных субъектов, различающихся по мировоззренческо-религиозным убеждениям. Поэтому принятие специальных нормативно-правовых актов о взаимоотношениях государства с религиозными организациями, правовом статусе данных организаций и индивидуальных социальных субъектов представляется обоснованным.

Вопрос заслуживает постановки в ином плане, а именно: в плане взаимодействия светских и религиозных прав в современном демократическом обществе, точнее – вопрос о взаимодействии права на свободу совести с другими (политическими и социально-экономическими) конституционными правами и свободами граждан. Связано это с тем, что регулятивная деятельность государства в сфере реализации свободы совести осуществляется в едином социальном пространстве с деятельностью по обеспечению других прав и свобод, что обусловлено многогранностью социальной сферы. В правовом плане эта многогранность исходит из неделимости, взаимозависимости и взаимосвязи всех прав человека, что зафиксировано Всемирной конференцией

по правам человека (1993 г.) [102, с. 81]. Это означает, что все права воспринимаются как их совокупность, которая может быть как однородной, когда объединяются права одной направленности (например, группа политических прав), так и разнородной, при которой реализация одних прав может вступать в противоречие с реализацией других (группы политических и социально-экономических прав). В таких ситуациях возможны два варианта взаимодействия, противоположных по своим последствиям.

При первом варианте на свободу совести оказывается опосредованное влияние через реализацию группы гражданских и политических прав и свобод, без которых свобода совести не может быть осуществлена в полном объёме. Это право на неприкосновенность личной жизни, свободу слова, свободу выражения мнений, убеждений, свободу объединений, ассоциаций и др. [102, с. 40–42; 136, с. 14–15].

При втором варианте в процессе реализации группы социально-экономических прав (право на бездискриминационное образование, труд, медицинское обслуживание, равный доступ к государственной службе и др.) нередко возникают правовые коллизии с нормами, регулирующими реализацию свободы совести. Так, под влиянием религиозных побуждений совершаются светские действия, противоречащие официальной государственной политике; возникают конфликты по поводу, необходимости соблюдения верующими режима труда или подчинения на службе светским нормам, не соответствующим религиозным установкам. В отдельных случаях верующие при исполнении светских обязанностей пытаются исполнять религиозные ритуалы. В сфере образования возникают споры по поводу распространения религиозной литературы и религиозных встреч в школах. Нередки случаи уклонения по религиозным соображениям от воинской службы и т.д. [135; 159; 166; 172].

Возникающие коллизии становятся источником социальных конфликтов, о чем свидетельствует судебная практика всех уровней: как в странах развитой демократии, так и в постсоциалистических странах.

Периодически возникающие социальные конфликты и правовые коллизии, вовлекающие в орбиту споров свободу совести, свидетельствуют о наличии разнородной совокупности прав и свобод, в которой по одну сторону оказываются религиозные права, по другую

– светские, имеющие в своей основе разную природу. Религиозные права отражают сложившиеся социокультурные традиции каждой конфессии. Светские права выражают социальный динамизм, возрастающее воплощение демократических идей, отражают уровень социальной организованности общества. В силу усредненного характера правовых норм законодательство не может учитывать индивидуальные особенности отдельных религиозных течений, нормы и традиции которых идут в разрез с общепринятыми светскими стандартами.

Поэтому как в светском, так и в религиозном государстве регулятивная деятельность неизбежно будет распространяться и на светскую, и на религиозную сторону. Об этом свидетельствует зарубежный опыт разрешения социальных и правовых конфликтов при столкновении светских и религиозных интересов. В случае возникновения подобных конфликтах применяются принципы, выработанные странами развитой демократии и широко практикуемые Европейским Судом по правам человека. Эти принципы можно сформулировать следующим образом:

если действие признается религиозным убеждением и рассматривается как исповедание веры, приоритет отдается религиозному праву и в светских нормативах поведения возможны коррективы;

если действия, мотивированные религиозными убеждениями, не являются их исповеданием, приоритет отдается светским нормам;

обязательно выполнение светских требований, противоречащих религиозным убеждениям, прямое или косвенное принуждение к их выполнению не оправдывается.

Одним из направлений учета данных принципов можно считать положительное решение Конституционным Судом Республики Беларусь вопроса об альтернативной гражданской службе (несмотря на отсутствие до сих пор в республике подобного закона), исходя из ст. 57 Конституции Республики Беларусь, которая не рассматривает воинскую службу как единственную и безусловную. Образцом разрешения конфликтов в данной сфере может служить практика тех государств, в которых наряду со всеобщей воинской повинностью признается право граждан на отказ от военной службы по религиозным соображениям и приняты соответствующие законы. Например, в п. 3 ст. 4 Конституции Германии записано: «Никто не может быть принужден против своей совести к военной службе с оружием» и далее в п. 2 ст. 12 - а2 сказано

об обязательной заменяющей службе в соответствии с законом, который не может нарушать свободу совести и который введен в действие.

Как показывает управленческая и судебная практика, лишь в исключительных случаях приоритет отдается религиозным интересам. Это касается тех ситуаций, когда действие индивида признается религиозным убеждением и рассматривается как исповедание веры и если осуществление такого действия не вносит недопустимых корректив в исполняемые светские обязанности. В подавляющем же большинстве ситуаций решающими признаются светские интересы, и, чтобы не нарушать светские нормы, представителям религиозных конфессий предоставляется право оставить должность, сменить место обучения детей и т.д. Не оправдываются действия, мотивированные религиозными убеждениями, но не являющиеся их исповеданием, как, например, в случае с пацифистским поведением, если оно противоречит официальной государственной политике. Не подлежит оправданию непосредственное или косвенное принуждение к выполнению светских требований, противоречащих религиозным убеждениям. В разрешении данных и подобных им ситуаций право на свободу вероисповеданий не ущемляется.

Из сказанного можно заключить, что религиозная сторона в подавляющем большинстве случаев претерпевает определенные ограничения, которые не затрагивают светскую сторону. Даже если принять позицию отдельных авторов и выявить обстоятельства, при которых свобода вероисповедания должна безоговорочно освободиться от действия норм других нормативно-правовых актов, то в таком случае будут ущемлены светские права. К тому же наличие у одного человека прав не означает автоматического возложения на другого человека обязанностей, связанных с их реализацией [62]. Это свидетельствует о том, что современное государство, несмотря на обширную нормативную базу, гарантирующую равенство прав и свобод, фактически не свободно от правовых коллизий и потенциальных конфликтов при их реализации.

Таким образом, в обществе могут возникать конфликтные ситуации, сторонами которых выступают взаимодействующие социальные субъекты, разделенные по самому укрупненному признаку: религиозность/ нерелигиозность. Та или иная модель (кооперационная или сепарационная) государственно-конфессиональных отношений сама по

себе не устраняет этот дестабилизирующий фактор, возникающий при взаимодействии права на свободу совести с другими конституционными правами и обязанностями. В этой связи регулятивная деятельность государства, как показывает практика, является эффективной, если в ней предусматриваются возможности консенсусных (альтернативных) вариантов реализации светских прав и обязанностей. Пример тому – наличие в гражданском законодательстве права на альтернативную гражданскую службу для военнообязанных граждан, что зафиксировано в конституциях ряда стран (Германии – ст. 12-а²(2), России – ст. 59, Украины – ст. 35).

II. До настоящего времени в Республике Беларусь на законодательном уровне не разрешен вопрос, типичный для всего постсоветского пространства, – государственной правопреемственности и реституции собственности. Необходимость возврата государством верующим культового имущества, отчужденного в советское время, была признана еще в конце 80-х гг. С 1988 г. в Беларуси религиозным организациям государство передало 1120 зданий, в т.ч. 709 – БПЦ, 292 – Римско-католической церкви, 29 – Старообрядческой церкви, 12 – еврейским общинам, 7 – протестантам, 3 – мусульманам [173]. Однако до настоящего времени не выработаны принципы и направления социальной политики белорусского государства в этой сфере, отсутствует законодательное закрепление вопросов возврата культового имущества, ограничивается реституция собственности, которая используется для культурных или образовательных целей. На необходимость решения этой проблемы обращают внимание как многие белорусские авторы [46, с. 282; 82, с. 188–190; 83, с. 11], так и международные документы [174]. Отмеченный правовой пробел имеет ярко выраженные социальные последствия, поскольку препятствует созданию оптимальных условий для реализации права индивидуальных субъектов на свободу вероисповедания в той его части, которая носит коллективный, храмовый характер.

III. В научной литературе в последнее десятилетие развернулась активная дискуссия по поводу целесообразности влияния государства на социальные отношения в сфере реализации свободы совести. Разногласия обусловлены разным пониманием роли религии в развитии общества и соответственно позиции государства.

Авторы, придерживающиеся классической либеральной концепции прав человека, традиционно критически относятся к стремлению

государства в той или иной степени влиять на процессы, формирующие мировоззрение, ценностные ориентиры, общественное сознание. Религия представляется как частный интерес и мировоззрение отдельного индивида.

При таком подходе религия в качестве объекта социологического исследования может рассматриваться главным образом на микросоциологическом уровне. Тем самым нивелируется роль религии как социокультурного института и остается вне внимания одна из её важнейших функций – мировоззренческо-идеологическая, анализ которой возможен на макросоциологическом уровне. Как следствие, в ряде научных работ обосновывается необходимость соответствующих радикальных преобразований государственно-конфессиональных отношений. Аргументируется эта необходимость процессами глобализации, заменой узкого национального сознания общепланетарным [25, с. 29], стереотипами противопоставления «своих» «чужим» [12, с. 93; 26, с. 27], возможным использованием конфессий в экономических и политических интересах, ангажированностью светских и духовных должностных лиц и пр. [28, с. 89, 90; 37, с. 15 и др.].

Регулятивная деятельность белорусского государства в сфере реализации свободы совести строится с учетом того, что религия как важнейший социальный институт любого демократического государства выполняет в обществе социально-управленческие функции. Религия, выступая в качестве мировоззрения и мироощущения индивидуальных субъектов, объединяет их в социальные общности. Единые ценностные и мировоззренческие установки больших социальных групп, трансформируясь в современном государстве в социальные и правовые нормы, приобретают новое качество регуляторов общественных отношений и одного из элементов, определяющих стратегические цели государства, его идеологию, внутреннюю и внешнюю политику, то есть одной из форм социального управления [19, с. 14, 16; 46].

В этой связи следует учитывать следующие факторы, определяющие социальную целесообразность государственного воздействия на религиозные процессы:

а) Белорусское государство, признавая особую роль традиционных религий в историко-культурном и государственном развитии нации, заинтересовано в сохранении именно данных религий, поскольку

историческая принадлежность индивида к традиционным конфессиям в современном белорусском обществе выступает одним из средств выражения и сохранения социокультурной идентичности народа. В настоящее время большинство населения соотносит себя не столько с конкретной религиозной, сколько с социокультурной традицией. Это объясняется тем, что, как показали социологические исследования^{*}, для Беларуси (как и для всего постсоветского пространства в целом) в последнее десятилетие была характерна противоречивая ситуация. С одной стороны, фиксировался рост религиозности населения (число людей, декларирующих себя верующими, с 1994 г. возросло с 32,8% до 55–60% в 2006 г. [18, с. 73–74]; по другим данным – 58,9% [109, с. 245]), 74,8% [149, с. 276]; с другой – набирал силу процесс секуляризации. В совокупности эти процессы сформировали объективные предпосылки возникновения в современном обществе так называемого «секулярного верующего»: человека, соотносящего себя с определенной конфессией (80%–85,7% опрошенных), но не имеющего религиозного типа мировоззрения (свыше 72%) и практически не участвующего в церковной жизни (не воцерковленного). Данный тип мировоззрения называют квази-религиозным, т.е. характеризующимся верой не в бога, а в какие-либо другие высшие силы (природа, космос и т.п.) [109, с. 245; 117, с. 96–97], а также «социально-ориентированной», «ситуативной» религиозностью [137, с. 3].

Религиозный же тип мировоззрения связывают обычно с воцерковленностью человека, т.е. со степенью его практической реализации. В среднем количество людей с сугубо религиозным мировоззрением не превышает 5–7%. Следует отметить, что эта цифра практически не изменилась за последние 10–15 лет. В этой связи некоторые авторы стали рассматривать воцерковленность не как состояние (статус), а как процесс. Соответственно выдвигается точка

• Институт социологии и социальных технологий Национальной академии наук Беларуси (1993–1995, 1998 и 2000–2001, 2004 гг.);

Центр социальных и политических исследований Белорусского государственного университета (1994, 1997–1998, 2006 гг.);

Центр социологических исследований Института социальных и политических исследований при Администрации Президента Республики Беларусь (2002 г.)

зрения о некорректности подхода к воцерковленности как одному из универсальных показателей типа религиозности [Н-3]. В этой связи можно также констатировать, что вопросы непосредственно мотивации религиозного /нерелигиозного поведения в научной литературе до настоящего времени изучены недостаточно.

Западными социологами высказывается точка зрения о политической природе феномена «секулярной религиозности»: массовая декларация религиозных убеждений в советском и постсоветском обществе могла являться просто одним из способов выражения инакомыслия, противопоставления личности государству [113, с. 116].

Некоторые российские авторы подходят к осмыслению этого явления в качественно иной – философской – плоскости, и, констатируя становление квазирелигиозности, говорят о деконструкции религии во всем современном мире и эпохе религиозного постмодернизма. Религия приобретает качество массовой культуры, которая по типу и функциям складывается вокруг других институтов и подсистем модернизирующегося общества [10; 50, с. 43].

Для белорусских исследователей характерно объяснение возникновения «секулярного верующего» влиянием конкретных социальных факторов: трансформациями социальных связей, «маятниковостью» религиозных процессов на постсоветском пространстве, влиянием моды, – то есть сменой «аксиологического фундамента», но, применительно к религии, не изменившимся в целом мировоззрением. Это подтверждают приведенные выше данные относительно приверженности белорусского населения традиционным конфессиям.

Многоплановость приведенных точек зрения вполне объяснима, учитывая сложную и противоречивую природу свободы совести.

б) Наряду с социокультурной идентичностью религиозные предпочтения индивида традиционно выступают одним из факторов, обуславливающих его этно-национальную и геополитическую позиции. Так, православная этноконфессиональная идентификация у большинства россиян приобретает черты государственной принадлежности, становясь своего рода субститутом гражданства и механизмом присоединения к большинству. Для исповедующих православие характерно традиционное отождествление себя с восточнославянской культурой, ориентация на укрепление связей с Россией.

Приверженцы католицизма сохраняют отчетливо выраженную западную направленность [11, с. 45]. Такая ситуация подтверждается и национальным составом верующих: среди приверженцев православия и протестантизма преобладают белорусы (83,3% и 73,8%), среди католиков – поляки (около 40%) [18, с. 76]. Очевидна и обратная связь: 78,2% белорусов и 85,7% русских идентифицируют себя с православием; 80,1% поляков, 25,6% белорусов и 4,8% русских – с католицизмом [148, с. 122].

в) Предшествующие десятилетия показали, что бесконтрольное распространение новых религиозных верований и культов, некоторые из которых носили деструктивный характер, приводили к тяжелым социальным последствиям, ставя под угрозу не только здоровье людей, их социальные права и свободы, но и целостность базовых норм отечественной культуры [17, с. 66; 86, с. 102–139]. Само возникновение этого не столько религиозного, сколько социокультурного явления закономерно, так как в его основе лежат сложные социальные процессы изменения материального базиса и информатизации общества, секуляризации и рационализации сознания, смены ценностных парадигм [13, с. 103; 115, с. 54, 107; 134, с. 113;].

Угроза национальной безопасности государства и социальной стабильности общества возникает тогда, когда новые религиозные идеи искусственно вытесняют или противостоят базовым ценностям, заполняя образовавшийся «духовный вакуум» [43, с. 33, 61–62]. В данном случае можно говорить об инфологемах – информационной модели, создаваемой для замещения базовых ценностей и формирующей устойчивые стереотипы индивидуального и социального поведения, ценностные ориентации целых поколений [112; 139, с. 39]. В результате возникают противоречия между традиционными для данного общества нормами и мотивацией социального субъекта, на взаимосвязь которых указывал еще М. Вебер [33, с.638–680]. Такие противоречия порождают различные формы социальной девиации и в итоге могут привести к вырождению национальной идентичности или ассимиляции с другой национальной общностью [103, с. 61].

Национальная безопасность государства обеспечивается, с одной стороны, интериоризацией базовых ценностей через систему государственной идеологии; с другой стороны, усилением контролирующих и регулирующих функций государства.

В настоящее время принцип приоритета базовых ценностей отечественной культуры закреплен на законодательном уровне – в Конституции и законах Республики Беларусь. Однако для того, чтобы система ценностей являлась ориентиром для социального действия и создавала мотивационно-ориентационную основу поведения субъектов, недостаточно декларирования данного принципа. Для осуществления его нормообразующей функции необходима разработка социальных механизмов их интериоризации через образование, средства массовой информации и другие социальные институты с учетом особенностей восприятия базовых ценностей различными социальными субъектами.

При этом, помимо религиозного, необходимо учитывать влияние на формирование мировоззрения и второго – нерелигиозного – компонента свободы совести. Свободомыслие и атеизм как система идей и ценностей являлся одним из основных факторов, формирующих мировоззрение и сознание как отдельных социальных субъектов, так и совокупного субъекта социальной системы в целом.

IV. Важной формой регулятивной деятельности белорусского государства выступает контроль за развитием религиозных процессов. Закон предусматривает усиление контролирующих функций государства, что обеспечивается, в первую очередь, такими мерами, как:

- предоставление при регистрации религиозной общиной дополнительных сведений об основах вероучения, ранее неизвестного в Республике Беларусь (ст. 17 Закона);

- создание специального органа государственного управления по делам религий (ст. 10, 11);

- проведение в случаях, предусмотренных законодательством, государственной религиоведческой экспертизы (ст. 22);

- более подробное регулирование вопросов ликвидации религиозных объединений (ст. 23), и др.

Усиление контроля со стороны государства также вызывало неоднозначную оценку. В частности, принятие аналогичных норм в законодательстве Российской Федерации формулировалось как введение института ограничения и запрета деятельности «нетрадиционных» религиозных организаций, противопоставление индивидуальным правам коллективных и даже «ограничение мировоззренческой сферы» [23, с.12–13].

По этому поводу анализ содержания Закона позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, принцип возможного ограничения реализации прав человека заложен в нормативных актах международного права и конституциях всех демократических государств. Это запрет любой деятельности, направленной на подрыв конституционных основ государства: насильственное изменение конституционного строя, пропаганда войны, социальной, национальной, религиозной и расовой вражды, нарушение общественного порядка, ущемления прав и свобод граждан и т.д. Поэтому мотивированный отказ в регистрации, приостановление либо запрет деятельности религиозной организации, устав или основы вероучения которой содержат потенциальную угрозу национальной безопасности государства, нельзя назвать репрессивным или дискриминационным.

Во-вторых, поскольку регистрация означает закрепление за религиозной организацией определенного правового статуса (права юридического лица), отказ в регистрации не является препятствием для осуществления индивидуального права на свободу вероисповедания, а также создания религиозных объединений, предусмотренных законодательством. Религиозные организации в Республике Беларусь имеют статус юридического лица, и их деятельность в этом качестве регламентируется гражданским законодательством на общих основаниях. Включение в Закон общих норм, регулирующих деятельность религиозной организации как юридического лица, привело бы к дублированию Гражданского кодекса Республики Беларусь.

В-третьих, в Законе, признающем особый социальный статус определенных конфессий, последовательно закрепляется принцип юридического равенства всех зарегистрированных религиозных организаций. Это неоднократно отмечалось в выступлениях Президента Республики Беларусь: «Закон... отдает должное каждой конфессии. Оценивает... место и роль, в том числе и Православной Церкви... – расставляет все на свои места, никого не притесняя» [35, с. 169; 43, с. 124; 57, с. 231; 82, с. 168; 94 и др.]. Следовательно, проблема заключена не в содержании преамбулы Закона, а в возможных формах реализации её положений.

Республика Беларусь как равноправный субъект гражданско-правовых отношений вправе самостоятельно выбирать направле-

ния сотрудничества в гражданско-правовой сфере, чем она и воспользовалась, заключив ряд соглашений и программ с Белорусской православной церковью в области воспитания и образования, культуры, здравоохранения, социальной защиты. Активное сотрудничество с государством и других конфессий как субъектов отношений будет подтверждать их фактическое равенство, и, следовательно, способствовать укреплению социальной стабильности в обществе. Практика свидетельствует о постепенных позитивных сдвигах в данном направлении. К примеру, иудейская религиозная община активно занимается внедрением различных социальных программ, проведением благотворительных акций: организуется питание для нуждающихся; силами волонтеров оказывается социальная и моральная помощь престарелым; существует проект создания дома престарелых; при синагогах реализуются различные образовательные программы и т.д.

V. Признание роли религии и, в первую очередь, её ценностно-мировоззренческой функции, неизбежно ставит вопрос о форме и степени осуществления этим социальным институтом регулятивных функций, относительно которых в последние годы в научной литературе развертываются теоретические дискуссии.

В силу того, что в целом в Республике Беларусь к христианам относят себя около 97% верующих, христианские ценности представляются как единственный источник морали и нравственности, и, соответственно, единственный легитимный социальный регулятор. Это приводит к противоречивости социальной роли религии, проявляющейся в двух тенденциях: авторитарной и гуманистической. Две составляющих единой социальной сферы – светская и духовная – противопоставляются друг другу. Государство отождествляется исключительно с политикой и правом, посредством которых оно осуществляет свои властные полномочия; религия/церковь оказывает воздействие на духовную жизнь общества и мировоззренческую сферу индивида, приобретая роль «духовного монополиста» [9, с. 400; 46, с. 277; 127, с. 8; 138, с.183].

Подобная постановка вопроса позволяет говорить если не о своеобразном противопоставлении религии государству, то о возможном делегировании религии/церкви части социальных функций государства. Понимание войн, террористических актов, других не-

гативных социальных явлений как явлений, порождаемых исключительно религиозной верой, влечет за собой соответствующие предложения реформирования даже таких светских институтов, как образование и армия. Например, в систему образования предлагается включить в обязательном порядке изучение религиозных христианских представлений, а в военной системе – возродить институт войсковых священников, привести армейские уставы в соответствие «с принципами христоролюбивого воинства». Обосновывается целесообразность активного участия церкви на международной арене в политике и дипломатии и т.д. [78, с. 73, 127, с. 7]. Оформившиеся в последние годы притязания церкви на идеологическую если не монополию, то «руководящую и направляющую роль» в науке и образовании, требуют серьезной разработки церковью новых доктрин как в области философского и богословского «фундамента» нового социокультурного проектирования, так и пересмотра и доработки социальных и правовых программ. Пока же этому препятствует полемика внутри самой Церкви, а также отсутствие современной формы выражения православного учения [Н2].

Думается, что чрезмерная оценка роли церкви чревата негативными явлениями, прежде всего, для самой церкви, поскольку ставит церковь в зависимость от влияния политических и экономических факторов и может привести к конфронтации между верующими и неверующими, а среди верующих – между представителями различных конфессий. В этой связи следует принимать во внимание, что любая религия претендует на исключительность и стремится к наиболее полному и широкому участию в социальном процессе. Поэтому, каких бы демократических взглядов не придерживалась та или иная конфессия, её позиция в какой-то мере будет изоляционистской. Следствием этого может явиться не консолидация общества, а его раскол по мировоззренческо-религиозному признаку. Примером могут служить выступления Белорусской православной церкви (далее – БПЦ) против католического прозелитизма, декларации атеистов за свободу совести, «письмо академиков» и пр.

Наиболее обоснованной представляется позиция, которая сводится к безусловному признанию за религией и церковью их исторической роли в формировании духовных, нравственных и государственных традиций Республики Беларусь. На этой основе должны

строиться партнерские отношения между государством и церковью с возможным расширением социальных функций церкви, но без делегирования последней каких-либо государственных функций. Оптимизация таких отношений возможна при выработке адекватных социально-управленческих механизмов, способствующих реализации функционального потенциала государственных и религиозных структур [20, с. 48; 81, с. 178–179; 82; 146 и др.]. Следует обратить внимание на тот факт, что данной позиции придерживается и сама БПЦ. Указывая на то, что следование религии возможно «только в результате свободного выбора человека», глава БПЦ Митрополит Филарет отмечает, что «обращение к христианству с помощью государственного механизма является для Церкви невозможным и неприемлемым. В условиях современного секулярного общества Церковь призвана выполнять иные, отличные от государства задачи» [154, с. 126].

VI. Возникающие проблемы в сфере реализации свободы совести зачастую связаны с различным пониманием границ и характера взаимодействия государства и религиозных организаций. Одним из источников этих различий является возможность некоторых различий в Законе.

В национальном законодательстве закрепляется принцип взаимоотношения государства и религиозных организаций с учетом влияния последних на формирование духовных, культурных и государственных традиций белорусского народа (ч.1 ст. 8 Закона и ч. 2 ст. 16 Конституции), то можно допустить возможность нормативного закрепления конфессиональных предпочтений государства, неравного правового статуса различных конфессий. Закон же фиксирует принцип их юридического равенства. Следовательно, как предоставление каких-либо привилегий, так и введение запретов относительно традиционных/нетрадиционных конфессий вступило бы в противоречие с международными нормативно-правовыми актами и с национальным законодательством Республики Беларусь, и могло бы повлечь внутренние социальные конфликты.

Если исходить из предпосылки, что государство оставляет за собой право оказывать предпочтение той или иной конфессии, то в Законе было бы целесообразно более четко определить перечень и порядок этих предпочтений. Если основываться на закреплённом

в законодательстве принципе юридического равенства всех конфессий, то «размывается» смысл статьи 16 Конституции, преамбулы и статьи 8 Закона. Нечеткость формулировки двух основных принципов регулятивной деятельности государства по отношению к религиозным организациям – их юридическое равенство при признании различий социальных статусов – дает повод высказывать опасения в связи с их реализацией, так как не исключается влияние субъективных факторов при принятии управленческих решений, в судебной и правоприменительной практике. В частности, если анализировать правовой статус БПЦ, то можно отметить следующее.

Закон устанавливает, что государство не возлагает на религиозные организации выполнения каких-либо государственных функций, не вмешивается в их деятельность, если она не противоречит законодательству Республики Беларусь (ч.8 ст. 8 Закона). Однако в некоторых соглашениях, заключенных между государственными органами Республики Беларусь и БПЦ, обращает на себя внимание некорректность отдельных положений. Например, в соответствии с Соглашением между Комитетом исполнения наказаний МВД и Белорусским Экзархатом, на БПЦ возлагаются обязанности координировать взаимодействие с представителями других конфессий, а также содействовать созданию необходимых условий для осуществления религиозных прав граждан (ч.3). Аналогичные нормы содержатся в Программе сотрудничества Министерства по чрезвычайным ситуациям Республики Беларусь и БПЦ (ч.2 гл. 2). Некорректность указанных положений заключается в том, что церковь, беря на себя подобные обязательства, наделяется, по существу, функциями, которые находятся в компетенции государственных органов, в частности, Республиканского органа государственного управления по делам религий, Комитета по делам религий и национальностей.

Противоречия по этому поводу содержатся и в Основах социальной концепции Русской православной церкви – документе, который, не имеет юридической силы, но является руководящим для православной церкви. В нем предусматривается запрет на участие клира в делах государственного управления (III; V; VI). Церковь не должна брать на себя функции, принадлежащие государству: *противостояние* греху путем насилия, использование мирских властных полномочий, *принятие на себя функций* государственной власти,

предполагающих принуждение или ограничение (III.3) (Курсив А.С.). Приведенная формулировка теоретически не исключает осуществления церковью государственных функций, поскольку ограничивает не столько само участие в них церкви, сколько методы их реализации.

Однако некорректность формулировок, содержащихся в указанных документах, можно считать результатом их юридической недоработки именно со стороны государственных органов, поскольку трудно требовать от теократической структуры, которой является церковь, формулировки юридически совершенных положений.

В целом направление, в котором развиваются отношения государства и церкви в Республике Беларусь, дает основание полагать, что конфессиональные предпочтения государства затрагивают только духовную, социально-культурную сферу социальных отношений и, следовательно, не нарушают принципов сепарационной модели государственно-конфессиональных отношений. Однако безошибочность вывода может исходить только из четких и непротиворечивых положений Закона.

Таким образом, спецификой регулятивной деятельности государства в сфере реализации свободы совести является то, что она может как отражать, закрепляя в социально-правовых нормах уже сложившуюся в обществе социальную структуру и систему социальных отношений, так и формировать их, осуществляя свою регулятивную деятельность по возможным «сценарным вариантам». Законодательно-правовым оформлением государственно-конфессиональных отношений выступают модели государственно-конфессиональных отношений (кооперационная – наличие государственной религии/церкви, и сепарационная – отделение/нейтрализация церкви от государства и законодательно закрепенное равенство всех конфессий).

Соответственно основными факторами, оказывающими влияние на формирование системы государственного регулирования, выступают:

- социокультурные и социально-политические предпосылки конкретного государства;
- подчиненность регулятивной деятельности государства международным демократическим стандартам, зафиксированным в международных нормативно-правовых актах;

– общие стратегические цели (единая целевая направленность) социальной политики государства;

– управленческая и судебная практика.

Становление современной белорусской системы государственно-го регулирования социальных отношений в сфере реализации свободы совести обусловлено, во-первых, выходом Беларуси из советского общества официальной атеистической идеологии. Во-вторых, «сценарным вариантом» государственного регулирования, в основу которого положена сепарационная модель государственно-конфессиональных отношений.

Корректирующими факторами, оказывающими влияние на управленческую и судебную практику и сформировавшими современную белорусскую систему государственного регулирования, явились:

- критический пересмотр исторических и советских тенденций в сфере реализации свободы совести;

- преемственность социокультурных традиций, закреплённых в менталитете белорусского народа;

- признание особого социального статуса отдельных конфессий при законодательном закреплении равенства их правовых статусов;

- консолидация государства и традиционных конфессий в использовании общих ценностных ориентиров различных социальных субъектов как системообразующего фактора обеспечения социальной стабильности трансформирующегося белорусского общества.

3. СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ РЕАЛИЗАЦИИ СВОБОДЫ СОВЕСТИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Теоретико-методологические основы социологического обеспечения государственного регулирувания социальных отношений в сфере реализации свободы совести

Проведенный анализ отдельных противоречий и дискуссионных вопросов в сфере реализации свободы совести выявил их общую природу: различное понимание границ и характера взаимодействия индивидуальных и коллективных социальных субъектов (индивид – государство; индивид – религиозные организации; религиозные организации – государство и т.п.). Выявление конкретных причин возникающих противоречий возможно через определение целевых функций системы государственного регулирования социальных отношений в сфере реализации свободы совести в Республике Беларусь при последующем сравнении с фактически сложившейся практикой государственного регулирования.

В условиях активно меняющейся социальной реальности социологическое познание основывается на принципе интересубъектности и выступает в ка-

честве «теоретико-методологических конструкторов», трансформируя социологию изучающую в социологию конструирующую [101, с. 144; 114, с. 26; 161, с. 56]. Выявление целевых функций системы государственного регулирования позволит установить возможные степень и границы взаимодействия социальных субъектов в сфере реализации свободы совести, или, иными словами, определить меру их должного поведения [89, с. 150–163; 151, с. 69; 158, с. 9–10]. Это предполагает её теоретическое осмысление как системы субъект-субъектных социальных отношений, включающей как статические, так и динамические элементы.

Методологической основой исследования является системный подход, принцип и метод моделирования, теоретические принципы социологического познания и конкретные методы социологического исследования: анализ документов и нормативно-правовых актов, факторный анализ с использованием метода корреляционных плеяд, метод экспертных оценок.

На основе количественного и качественного анализа научной литературы, нормативных документов, вторичной социологической информации на данном этапе исследования осуществляется эмпирическая интерпретация ключевых понятий, выявляется адекватность системы государственного регулирования ее целевым функциям. Результатом теоретических и эмпирических исследований выступит обоснование существующей в Республике Беларусь системы государственного регулирования социальных отношений в сфере реализации свободы совести, что позволит выявить качественное состояние и основные характеристики государственного регулирования в данной сфере.

Основоплагающие направления и задачи деятельности государства отражены в Основном Законе Республики Беларусь. Преамбула Конституции закрепляет общие положения о том, что национальная нормативно-правовая система исходит из «приверженности общечеловеческим ценностям», опирается «на многовековую историю развития белорусской государственности», преследует цель «обеспечения гражданского согласия». Статьи 15 и 16 Конституции развивают данные положения: «Государство ответственно за сохранение историко-культурного и духовного наследия. Взаимоотношения государства и религиозных организаций регулируются законом с учетом их влияния на формирование духовных, культурных и государственных традиций белорусского народа».

В Законе формулировка задач государственного регулирования в изучаемой сфере реализации определена уже более точно и детализировано. В их число входит «обеспечение и гарантирование права каждого на свободу совести и свободу вероисповедания, на социальную справедливость, равенство, защиту прав и интересов независимо от отношения к религии и религиозной принадлежности, на свободу объединения в религиозные организации» (ст. 1).

Реализация указанных направлений тесно связана с деятельностью по обеспечению национальной безопасности белорусского государства. К числу факторов, препятствующих достижению поставленных задач и создающих угрозу девальвации традиционных ценностей, относят распространение недостоверной или умышленно искажённой информации, направленное на разрушение духовных и нравственных ценностей общества, возбуждение национальной и религиозной вражды, проявление национального и религиозного экстремизма. Возможность такой угрозы связывается с активизацией деятельности по монополизации духовной жизни общества со стороны иностранных религиозных организаций и миссионеров, неомистических и псевдорелигиозных групп.

В качестве мер по её предотвращению предлагаются: сохранение духовного и культурного наследия, укрепление традиционных ценностей общества; обеспечение реализации прав граждан на свободу совести; противодействие негативному влиянию иностранных религиозных организаций и миссионеров и др. [5, с. 45–49].

Важным фактором в решении задач духовно-нравственного совершенствования общества, социальной стабильности, гражданского единства и межконфессионального мира становится более тесное взаимодействие государства с традиционными конфессиями, в том числе с БПЦ.

Многими белорусскими учеными неоднократно обращалось внимание на приоритет национальных интересов, сохранение социокультурной идентичности народа, учет исторических особенностей и, следовательно, на необходимость создания своей национальной системы государственного регулирования социальных отношений в сфере реализации свободы совести, а не заимствовании чужой [42; 124; 142; 148; 150 и др.]

В ряде научных работ представлена теоретическая разработка государственно-конфессиональной политики Республики Беларусь как совокупности нескольких взаимосвязанных компонентов: ценностно-целевого, нормативного, инструментального. В идеале государственно-конфессиональная политика «должна сочетать принципы обеспечения свободы совести с белорусскими историческими и национальными традициями, а также учитывать специфические особенности различных религий и конфессий» [41, с. 143–144; 56, с. 41]. Ее практическая реализация призвана способствовать «поддержанию сложного баланса межконфессиональных отношений и разнородных политических сил во имя сохранения внутренней стабильности и достижения устойчивого экономического роста» [51, с. 21]. Присутствует и другой вариант государственно-конфессиональной политики как совокупности трех смысловых блоков: мировоззренческого, стратегического и доктринального [15; 16, с. 57].

Вопрос включённости государственно-конфессиональной политики в систему национальной идеологии и идеологические процессы государства выявляет необходимость создания «модели вписывания религии в современное белорусское государство и культуру». Для этого государство должно «вывести религию из области «частного интереса граждан в область самосохранения нации, культуры и государства» [17, с. 67, 68; 18, с. 78]. В числе основных задач называются «сохранение гражданского мира и территориальной целостности государства; а также максимально возможном обеспечении сохранения и приумножения материального, человеческого, научного и тому подобного потенциала страны» [75, с. 57]. В этой связи религии придается большое значение как одному из факторов, способствующих обеспечению национальной безопасности страны в информационной и гуманитарной сферах, вводится понятие «религиозной безопасности», которое видится в гарантированном законодательством «состоянии защищенности жизненно важных интересов населения в сфере духовных отношений, обеспечении независимости религиозных интересов от возможных внешних и внутренних угроз и воздействий» [17; 75, с. 58].

Проблемы национальной безопасности рассматриваются в контексте взаимосвязи религиозных и этнических процессов. В этой связи актуализируется проблема «этноконфессиональной безопасности»,

под которой понимается «такое качество религиозных и национальных отношений, при котором любой член общества мог бы пребывать вне угрозы экономической, социальной и физической деградации вследствие его религиозной и национальной принадлежности, неудовлетворения религиозных и национальных интересов и потребностей, невозможности с пользой для себя и общества реализовать свой потенциал религиозной и национальной активности» [148, с. 109]. Присутствует также и более широкая трактовка государственных интересов в сфере национальной безопасности – «защита духовной безопасности» страны [122, с.177].

Отдельно можно выделить авторов, рассматривающих цели и задачи регулятивной деятельности государства в сфере реализации свободы совести с позиций религиозной стороны. Они подчёркивают духовную роль традиционных религий в становлении национальной культуры, и, несмотря на некоторую идеализацию религиозного сознания, вносят ценный вклад в создание национальной модели государственного регулирования социальных отношений в сфере реализации свободы совести. Большое влияние на разработку данной проблемы оказали социологические исследования динамики религиозных процессов и специфики религиозного сознания в современном белорусском обществе.

Понимание важной роли и места свободы совести в решении локальных и глобальных целей белорусского государства через призму ценностных ориентаций и духовных традиций рассматривается белорусскими учеными как своеобразный ответ вызовам глобализации, хаотизации, межрелигиозным и этнонациональным конфликтам, а также один из способов сохранения социокультурной идентичности народа. Это позволяет говорить о новом осмыслении и дальнейшей теоретической разработке целевой компоненты (целевых функций) системы государственного регулирования.

Выявление задач государственного регулирования социальных отношений в сфере реализации свободы совести и упорядочение их по степени важности позволяет построить «дерево целей», а также уточнить содержание объекта государственного регулирования. Всё многообразие целей и задач на основе проведенного анализа документов, национальных нормативно-правовых актов и научной литературы можно условно разбить на два больших блока.

Первый блок – задачи, направленные на реализацию демократического права на свободу совести:

обеспечение и гарантирование права каждого на свободу совести и свободу вероисповедания (преамбула Закона);

обеспечение и гарантирование равенства и защиту перед законом независимо от отношения к религии и религиозной принадлежности (преамбула Закона);

обеспечение и гарантирование равенства религий перед законом (преамбула Закона);

гарантирование свободы объединений в религиозные организации (ст. 1 Закона).

Второй блок – задачи, направленные на сохранение социокультурной идентичности и защиту традиционных ценностей белорусского народа:

обеспечение национальной безопасности в информационной и гуманитарной сферах [5; 17; 75, с. 58; 148 и др.];

духовно-нравственное совершенствование общества (Конкордат, преамбула Закона) ;

обеспечение социальной стабильности, гражданского единства и межконфессионального мира (Конкордат);

содействие достижению взаимопонимания, терпимости и уважения в вопросах свободы совести (преамбула Закона);

сохранение историко-культурного и духовного наследия (ст. 15 Конституции Республики Беларусь) [18 и др.];

укрепление и защита традиционных цивилизационных ценностей белорусского народа (выступления Президента Республики Беларусь; научные работы);

содействие достижению национального единства [168 и др.].

Содержание указанных задач (реализация права на свободу совести и сохранение социокультурной идентичности белорусского народа) представляет собой определенную программу действий и предполагает воздействие государства на объект регулирования. Поэтому оба этих блока можно обозначить как цели-задания.

Если анализировать динамику развития социальных отношений в данной сфере, то, очевидно, что формирование выделенных блоков осуществлялось поэтапно. Первый блок задач был определен в начале

90-х гг. после провозглашения Республикой Беларусь государственного суверенитета. Первый блок задач, локальных по своему характеру, представляет довольно узкую сферу интересов государства в части обеспечения непосредственно права на свободу совести.

Формулирование задач глобального характера второго блока происходило постепенно в течение последнего десятилетия в процессе становления государственности. На проблемы сохранения и защиты социокультурной идентичности белорусского народа неоднократно обращалось внимание Президентом Республики Беларусь, многими белорусскими учеными. К настоящему времени эти задачи получили закрепление и на законодательном уровне, в частности, в Конституции Республики Беларусь, Законе, Концепции Национальной безопасности Республики Беларусь, ряде других нормативно-правовых актов.

Если рассматривать цели-задания как некоторое идеальное конечное состояние, то ожидаемым социальным результатом их реализации можно представить соответственно:

1) Обеспечение социальной справедливости в сфере реализации свободы совести. Это обусловлено содержанием задач первого блока. В совокупности указанные задачи являются выражением идей свободы и равенства, определяющих положение личности в обществе, т.е. представляют собой отдельные характеристики её социально-правового статуса.

2) Создание условий для формирования наиболее общих ценностно-мировоззренческих установок, интегрирующих различных социальных субъектов. Это связано с тем, что содержание задач второго блока выражает качественные характеристики личности (терпимость, взаимопонимание, духовно-нравственное совершенствование и т.д.).

Следствием реализации данных задач видится достижение одной из стратегических целей социальной политики белорусского государства – обеспечение социальной стабильности общества – в том числе через реализацию свободы совести. Эта цель является выражением общих интересов и устремлений всех социальных субъектов, поэтому её можно определить как цель-ориентацию. Сложная система целевых функций реализуется в обществе посредством деятельности социальных субъектов, являющихся элементами социальной среды. Социальным механизмом достижения указанной цели призвано слу-

жить наличие устойчивого взаимодействия социальных субъектов по поводу реализации ими свободы совести. Схематично «дерево целей» государственного регулирования свободы совести в Республике Беларусь представлено в таблице 3.1.

Таблица 3.1 – «Дерево целей» государственного регулирования социальных отношений в сфере реализации свободы совести в Республике Беларусь

<p><i>Цель-ориентация</i> Обеспечение социальной стабильности</p>	
<p><i>Ожидаемый социальный результат</i> Оптимальный тип взаимодействия социальных субъектов в сфере реализации свободы совести</p>	
<p><i>Цель-задание 1</i> Реализация права на свободу совести</p>	<p><i>Цель-задание 2</i> Сохранение социокультурной идентичности белорусского народа</p>
<p><i>Ожидаемый социальный результат</i> Социальная справедливость</p>	<p><i>Ожидаемый социальный результат</i> Формирование интегрирующих ценностно-мировоззренческих установок</p>
Право каждого на свободу совести и свободу вероисповедания	Обеспечение национальной безопасности в информационной и гуманитарной сферах
Равенство религий перед законом	Укрепление и защита традиционных цивилизационных ценностей белорусского народа
Равенство перед законом независимо от отношения к религии/принадлежности к религиозным организациям	Сохранение историко-культурного и духовного наследия
Свобода объединений в религиозные организации	Обеспечение социальной стабильности, гражданского единства и межконфессионального мира
Содействие достижению взаимопонимания, терпимости и уважения в вопросах свободы совести	Духовно-нравственное совершенствование общества

В реальной практической деятельности существующую в Республике Беларусь систему государственного регулирования социальных отношений в сфере реализации свободы совести формируют наиболее общие положения и принципы, провозглашенные на высшем государственном уровне, и отражающие интересы всего общества в целом. Она строится на основе теоретического осмысления культурных традиций и исторического опыта белорусского народа и призвана отвечать стратегическим целям государства: реализации свободы совести, сохранению социокультурной идентичности белорусского народа (цели-задания) и обеспечению социальной стабильности общества (цель-ориентация). Общество выступает в данном случае в качестве интегративного социального субъекта со стороны государства.

Долгосрочный характер поставленных целей определяет основные требования к структурным особенностям системы государственного регулирования, которая призвана обеспечивать:

- бесконфликтный тип взаимодействия различающихся по мировоззренческо-религиозному признаку социальных групп (верующие, неверующие и т.д.);

- устойчивое развитие социальных отношений в данной сфере;

- самоуправляемый и саморегулируемый характер системы социальных отношений;

- способность к воспроизводству и межпоколенной трансляции базовых принципов системы.

Создание и функционирование оптимального типа взаимодействия социальных субъектов гарантирует такое поведение субъекта, которое отвечало бы поставленным целям и в то же время не препятствовало деятельности и не нарушало права других социальных субъектов, т.е. не порождало бы системных противоречий. Поведение субъекта, осуществляемое в соответствии с ожиданиями государства, определяется мотивационно-ориентационной основой его поведения, согласно которой деятельность социальных субъектов осуществляется в пределах, установленных законодательством, в соответствии с поставленными целями на основе общих ценностно-мировоззренческих установок. Такая основа сочетает в себе два подхода: деятельностный и побудительный, которые могут быть реализованы через две структурные составляющие.

1) Организационно-деятельностную (правовую) подсистему, содержащую четкие правовые границы возможных деятельностных форм реализации социального субъекта в данной сфере (должное поведение субъектов). Описание этого поведения содержится в Законе и предусматривает свободу выбора атеистических или религиозных убеждений (право самостоятельно определять свое отношение к религии, единолично или совместно с другими исповедовать любую религию или не исповедовать никакой). Кроме этого, каждый имеет право свободно выбирать, иметь, менять, выражать и распространять религиозные и нерелигиозные убеждения и действовать в соответствии с ними, участвовать в отправлении религиозных культов, ритуалов, обрядов (ст. ст. 4 и 5 Закона). По своему содержанию описанное поведение представляет собой право на свободу совести.

К данной подсистеме можно отнести ряд обязывающих и запрещающих правовых норм, которые непосредственно не описывают должное поведение субъекта, а предусматривают возможные санкции в случае отступления от границ такого поведения (административные, гражданско-правовые, уголовные).

Закон регламентирует порядок деятельности социальных групп (религиозных организаций), определяя характер их взаимоотношений и взаимосвязей между собой, индивидом и государством. Регулятивное воздействие на индивидуальных и коллективных социальных субъектов составляет комплекс мер организационно-правового характера, позволяющих государству императивно определять их изначальный социальный и правовой статусы и границы возможной деятельности.

При этом детализируется характеристика социального субъекта, в качестве которого выступает уже не общество в целом, а отдельные социальные группы (религиозные организации, верующие, атеисты и т.д.), т.е. объём и содержание государственного регулирования дифференцируются по коллективному социальному субъекту.

Организационно-деятельностная подсистема, таким образом, включает в себя два составных элемента: описание должного поведения и гарантии его реализации. В целом функционирование данной подсистемы направлено на создание и обеспечение условий реализации права на свободу совести, и, следовательно, охватывает правовой аспект государственного регулирования.

В этой связи, поскольку содержание организационно-деятельностной подсистемы описывается и формируется правом, она выступает, с одной стороны, как эталон (образец) поведения, с другой стороны, как гарант его реализации взаимодействующими социальными субъектами. Поэтому в данном случае можно говорить о том, что реализация права на свободу совести является как целью, так и одним из средств его обеспечения и носит императивный характер.

Создание устойчивого, общего для всех социальных субъектов образца поведения возможно при соотношении ценностно-мировоззренческих установок различных социальных групп с социокультурными характеристиками общества в целом. При таком условии право на свободу совести выступает в качестве фактора, объединяющего людей, различающихся по религиозному либо нерелигиозному восприятию мира, а не разъединяющего их по этому признаку. Реализация консолидирующего потенциала идей свободы совести становится в настоящее время одним из приоритетных направлений регулятивной деятельности белорусского государства, а также обеспечения национальной безопасности страны [56, с. 46; 71, с. 26; 168].

2) Ценностные ориентации и мировоззренческие установки индивида определяют его мотивацию и детерминируют социальное поведение. Следовательно, второй структурной составляющей призвана выступать мотивационно-ориентационная (аксиологическая) подсистема, где объектом государственного регулирования выступают общие, объединяющие различные социальные группы, общности, слои, ценностно-мировоззренческие установки. Данная подсистема отражает внутренний мир человека и формируется в процессе социализации. Соответственно её содержанием будут выступать факторы, формирующие мотивацию. Мотивационно-ориентационная (аксиологическая) подсистема призвана обеспечивать должное поведение социальных субъектов через воспроизводство и межпоколенную трансляцию её базовых принципов посредством интериоризации ценностно-мировоззренческих установок индивида. Следовательно, в данном случае правомерно говорить об индивидуальном социальном субъекте, поскольку адресатом регулятивной деятельности государства выступает личность человека.

Однако, если образующим элементом организационно-деятельностной подсистемы является право, то относительно

мотивационно-ориентационной подсистемы воздействие права, как правило, осуществляется опосредованно, главным образом через ограничения, противодействующие возможному негативному влиянию на систему отношений извне. Это нормы, направленные на сохранение и охрану историко-культурного наследия, обеспечение национальной безопасности белорусского государства в информационной и гуманитарной сферах.

Если же процесс формирования ценностно-мировоззренческих установок осуществляется посредством права, он неизбежно опирается на принудительную силу государства. Императивная природа права, оперирующего усредненными категориями, не позволяет этому социальному институту в полном объёме обеспечивать функционирование системы отношений в данной сфере, поскольку свобода мировоззренческого выбора при таком условии будет осуществляться в рамках, обусловленных государственной регламентацией, а возможный выход за эти рамки повлек бы за собой правовую ответственность.

При схеме регулятивной деятельности «государство–индивидуальный социальный субъект» это означает воздействие государства главным образом через иные неправовые социальные институты: средства массовой информации, образование, систему государственной идеологии и др. Следовательно, если правовая подсистема описывает и регулирует должное поведение социальных субъектов, то аксиологическая подсистема его формирует. Это выводит объект государственного регулирования за рамки узкой правовой регламентации, поскольку в его формировании участвуют как правовые, так и не правовые социальные институты.

Исходя из вышеизложенного, автор полагает, что постепенный отказ белорусского общества от либеральной концепции свободы совести был связан с тем, что в данной концепции право на свободу совести отождествляется с понятием свободы совести и несет, помимо правовой, определенную ценностную нагрузку. Локальной цели государства – реализации права на свободы совести – соответствовала организационно-деятельностная подсистема, обеспечивая своим элементарным составом самодостаточность системы государственного регулирования социальных отношений в сфере реализации свободы совести. Когда же на государственном уровне были поставлены задачи и сформулированы цели глобально характера по сохранению социокультурной идентич-

ности белорусского народа, действовавшего правового механизма для достижения данных целей оказалось недостаточно.

Следствием этого явилось то, что либеральная концепция стала оцениваться как несоответствующая традициям белорусского государства вплоть до угрозы традиционным ценностям и социальной стабильности общества, а права человека – как вызов глобализации локальным культурным системам. Свобода в таком понимании рассматривается некоторыми авторами как плюрализм мнений, при котором возникает тенденция нивелирования понятий морали, добра и зла, что создает условия потери общего основания ценностей [73, с. 14–15; 100, с. 183; 144, с. 153; 153, с. 23 и др.]. На эту тенденцию и раньше обращалось внимание отечественными мыслителями, в частности, русским философом и правоведом Н.Н. Алексеевым [8, с. 136–137]. В настоящее время осмысление указанной тенденции приобретает особую актуальность.

В то же время, если обратиться к истории, то, очевидно, что культурные традиции прав человека и христианства тесно взаимосвязаны, несмотря на то что права человека подчеркнуто формировались как светская ценность, которая могла бы быть понята всеми людьми, независимо от мировоззренческой позиции. Концепция прав человека с ее идеалом личной свободы формировалась на основе протестантских идей. Позже католицизм использовал эту концепцию уже получившую правовое выражение как основу своего социального учения. Православие также во многом отталкивается от данной концепции, только уже противопоставляя себя ей. Можно сказать, что в современном обществе права человека становятся своеобразным эталоном или, точнее, лакмусовой бумажкой истинности и ложности тех или иных идей и ценностей.

Если для католического мира права человека – бесспорная ценность, а право на свободу совести основано на «онтологическом достоинстве личности», то для православия права человека – объективно существующее зло, с которым, тем не менее, приходится мириться. По существу доктрина социальной концепции Русской Православной церкви строится на противостоянии либерализму и идеям прав человека, выступая в роли альтернативной социальной доктрины. Происходит противопоставление православия идеологии прав человека с ее «двойными стандартами», в которой нивелируется само понятие добра и зла,

а человек рассматривается как самодостаточный, а значит, с позиций Церкви – падший субъект.

В то же время подчеркнутое противопоставление и противостояние одной идеологии и системы ценностей другой (права человека–религия) политизирует деятельность Церкви, создавая предпосылки для нивелирования одной из ее главных функций – интегрирующей. Следствием такого противостояния явилось также то, что великая западная культура стала зачастую негативно оцениваться: как несоответствующая и даже противоречащая традициям восточнославянских стран вплоть до угрозы традиционным ценностям и социальной стабильности общества, порождая в некоторых случаях агрессивное неприятие новых западно-европейских и американских ценностно-мировоззренческих установок. Это связано с тем, что действие новых, чуждых данной культуре норм рождает активное противодействие по отношению к ним со стороны приверженцев традиционных норм и имеет своим следствием стремление к их защите. Такая «маятниковость» социокультурных и религиозных процессов является одной из основных причин обострения межкультурных и религиозных конфликтов.

Между тем, права человека в целом и право на свободу совести в частности – это выработанный на протяжении тысячелетий свод универсальных правил поведения. Права человека формировались как светская ценность, которая была бы приемлема для всех социальных субъектов, независимо от их мировоззренческих позиций. Право на свободу совести предстает в современном мире, отличающемся многообразием культурных систем, усреднённым образцом поведения, соблюдение которого является признанной необходимостью международного демократического сообщества. Понимание универсальности демократического права на свободу совести в первую очередь как образца поведения, а не ценностной категории, будет способствовать его бесконфликтной реализации, а также сохранению социокультурной идентичности белорусского народа, поскольку государство в этом случае не вторгается в сферу мировоззрения социальных субъектов, а общество не подвергается принудительной ломке традиционных ценностей. Поэтому жесткое противопоставление религии и прав человека вряд ли оправдано, тем более, что обе системы имеют много общего. В обеих идеологиях можно найти «двойные стандарты». Так, основной принцип христианской этики характеризуется двойствен-

ностью внутренней и внешней морали и направлен на то, что личные обязательства по отношению к другим человек не вправе применять к себе самому (М. Вебер). В свою очередь, для прав человека бесспорен безусловный приоритет личной свободы и интересов человека перед интересами коллектива/общества.

Любая религия претендует на исключительность, хотя порой признает, что в иных вероучениях «присутствуют элементы истины и добра», и старается привлечь на свою сторону как можно больше адептов. История знает случаи насильственного обращения в веру (крестовые походы, колонизация, преследование инакомыслия и т.д.). Трудно спорить с тем, что, например, «богопреисполненная» эпоха европейского средневековья привела, по словам Ф. Энгельса, «к полному озверению человека». Идеология прав человека, провозглашая плюрализм мнений, культур и идеологий, также претендует на место универсальной, и, значит, обязательной для всего мира, истины. К тому же культурная традиция, адаптированная к «идеологическому потребительскому стандарту», более конкурентоспособна «на рынке идеологий». Вполне предсказуемо идеология в последнее время все чаще связывается с религией, а религия – с идеологией. Не ставя под сомнение ценность идей прав человека, следует, однако, отметить, что методы их внедрения мало чем отличаются от приведенных выше. Достаточно привести пример американско-европейского «одемокративания» Ближнего Востока.

Существенным позитивом, объединяющим обе идеологии, является их нравственно-мировоззренческая функция, хотя относительно религии по этому поводу можно встретить противоположные мнения. Если русский философ Н.Н. Алексеев назвал нравственнообразующую функцию в числе основных функций религии, то, согласно З. Фрейду, «безнравственность во все времена находила в религии не меньшую опору, чем нравственность». Промежуточную, примиренческую позицию занимал русский марксист Г.В. Плеханов: «Религия не создает нравственности. Она только освящает ее правила». Однако бесспорно, что традиционное христианское представление о добре и зле формировало и продолжает формировать нравственные основы поведения его сторонников. Идеология прав человека, используя особые, правоограничительные методы, также формирует определенные нравственные стереотипы поведения. В частности, Всеобщая декларация прав человека (1948 г.) предусматривает такие ограничения при их осуществле-

нии, «какие установлены законом исключительно с целью обеспечения должного признания и уважения прав и свобод других и удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе» (ст. 29).

Одной из кардинальных идей, присущих обеим идеологиям, является провозглашение человека свободным и наделенным свободой выбора. Как в правах человека, так и в христианстве в основе лежит свобода выбора человека: веры или неверия, добродетели или греха, добра или зла и т.д.

Согласно христианству, человек обладает свободой, и благодаря этой свободе имеет выбор следовать добру или злу. Всеобщая декларация прав человека и другие международные правовые акты также исходят из данной идеи и содержат обширный перечень статей относительно возможностей реализации личной свободы и свободы выбора. При этом, однако, существуют различия в понимании, выборе добра и зла. Если религия исходит из свода нравственных правил, заповедей, данных Богом, то в идеологии права человек может действовать по принципу: что не запрещено, то разрешено.

Наряду с этим правовые акты зачастую ограничивают линию поведения, как видно из приведенной выше цитаты, нравственными соображениями. Именно здесь религия видит точки соприкосновения со светскими правами – в таком общественном устройстве, которое обеспечивало бы личную свободу при одновременном следовании нравственным нормам.

Подобные примеры можно было бы продолжить, но суть при этом остается неизменной: обе идеологии имеют много точек соприкосновения, и отсюда – диалог светского государства с религией как социальным институтом представляет основу сохранения традиционнo-мировоззренческих ценностей народа, его социокультурной идентичности. Такой диалог соответствует социальным процессам, происходящим в белорусском обществе.

Позиционирование, таким образом, осуществлялось в белорусском обществе относительно ценностного содержания свободы совести как одного из элементов мировоззренческой сферы, т.е. мотивационно-ориентационной подсистемы, которая в различных регионах мира характеризуется специфическими чертами, обусловленными особенностями социокультурного развития каждого конкретного региона.

В настоящее время в Республике Беларусь существующие проблемы в сфере реализации свободы совести видятся в недостаточном институциональном обеспечении именно мотивационно-ориентационной подсистемы.

В целом, обобщая сказанное, можно выявить два основных требования к белорусской системе государственного регулирования социальных отношений в сфере реализации свободы совести: она должна соответствовать международным правовым стандартам и быть обращенной к личности конкретного человека, который провозглашен высшей ценностью белорусского государства. Поэтому в ней, в зависимости от объекта воздействия, сочетаются как усредненный (правовой), так и индивидуально-ориентированный подходы. Единство и равноценность этих подходов выступают одним из важнейших принципов системы государственного регулирования социальных отношений в сфере реализации свободы совести в Республике Беларусь.

Анализ особенностей системы и, в первую очередь, её целевых функций, позволяет сделать вывод, что объектом государственного регулирования становится сфера реализации свободы совести. Право на свободу совести в данной системе является определяющим условием реализации свободы совести, представляя собой описание должного поведения социального субъекта, и выступает как целью, так и средством государственного регулирования (см. рисунок 3.1).

Управляемым социальным субъектом государственного регулирования, в зависимости от поставленных задач, могут выступать:

- общество (интегративный социальный субъект);
- социальные группы (коллективный социальный субъект);
- личность (индивидуальный социальный субъект).

Выбор управляемого социального субъекта (интегративного, коллективного, индивидуального), наряду с выявлением целевых функций системы, во многом определяет объём и содержание государственного регулирования, а также возможную вариативность управленческих решений в данной сфере.

Таким образом, реализация свободы совести в полном объёме возможна при сочетании двух структурных составляющих:

- организационно-деятельностной (правовой) подсистемы – условий права на свободу совести: норм социального поведения (должное поведение), предписанных правом в соответствии с международными

правовыми стандартами и рассчитанных на среднего индивида (деятельностный, правовой подход);

- мотивационно-ориентационной (аксиологической) подсистемы – факторов, формирующих ценности, идеалы, мировоззренческие установки личности и побуждающих её к должному поведению в соответствии с поставленными целями (побудительный, индивидуально-ориентированный подход).

Рисунок 3.1 – Структура государственного регулирования социальных отношений в сфере реализации свободы совести в Республике Беларусь

Только при функционировании обеих подсистем сфера реализации свободы совести становится объектом государственного регулирования в полном объёме: как через формирование, так и через реализацию.

При сопоставлении этих структурных составляющих с целями-заданиями и ожидаемым социальным результатом между ними можно выявить как прямые, так и обратные связи. При прямой связи реализация права на свободу совести означает формирование должного по-

ведения. При обратной связи должное поведение выступает одним из средств реализации данного права.

Соответственно реализация цели по сохранению социокультурной идентичности белорусского народа способствует формированию мотивационно-ориентационной подсистемы, которая, в свою очередь, обеспечивает достижение данной цели. Поскольку её воздействие осуществляется через интериоризацию ценностно-мировоззренческих установок личности, побуждая её к действию, мотивационно-ориентационная подсистема обеспечивает воспроизводство и межпоколенную трансляцию базовых принципов социальной политики государства, что способствует устойчивому развитию отношений в данной сфере. Она оказывает опосредованное влияние на реализацию права на свободу совести, и как следствие, на формирование должного поведения. Следовательно, эту структурную составляющую можно назвать системообразующей.

Аналогичным образом формируются связи между генеральной целью (целью-ориентацией) и соответствующей системой государственного регулирования социальных отношений в сфере реализации свободы совести. Все перечисленные элементы в совокупности образуют систему субъект-субъектных отношений, регулируемых государством, которая схематично представлена на рисунке 3.2.

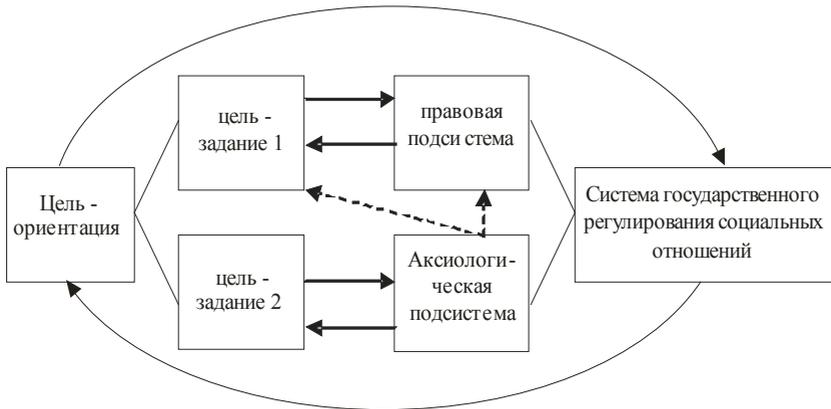

Рисунок 3.2 - Система государственного регулирования социальных отношений в сфере реализации свободы совести в Республике Беларусь

Практическая реализация управленческих решений в сфере реализации свободы совести в Республике Беларусь

Эффективность функционирования системы государственного регулирования социальных отношений в сфере реализации свободы совести в Республике Беларусь во многом определяется: а) характером фактически складывающихся взаимосвязей между соответствующими подсистемами; б) уровнем взаимодействия между социальными субъектами.

Для выявления фактического соответствия системы её целевым функциям и объекту регулирования и получения эмпирических данных в диссертационном исследовании использован метод экспертных оценок. Данный метод предполагает индивидуальную работу эксперта, в результате которой дается качественная оценка заданных объектов, и применяется в диссертационном исследовании, поскольку объекту изучения не свойственна четкая внутренняя структура. Он содержит неопределенности, связанные не только с измерением, но и самим характером исследуемых целей, средств их достижения и внешних условий.

Экспертами выступили государственные служащие – специалисты в сфере государственного управления, профессорско-преподавательский состав ведущих вузов г. Минска, а также представители религиозной стороны – профессорско-преподавательский состав и магистранты теологического факультета Белорусского государственного университета. Целевая выборка составлялась, исходя из поставленных целей исследования. Критерием отбора являлся индекс уровня компетентности на основе самооценки эксперта к исследуемому вопросу (уровень теоретических знаний и практический опыт экспертов в данной сфере). Обработка и анализ данных осуществлялся с помощью контент-анализа, методов математической статистики (см. приложения А, Б, В).

В качестве основных параметров государственного регулирования социальных отношений в сфере реализации свободы совести представлены: особенности свободы совести как объекта государственного регулирования; адекватность задач государственного регулирования объекту регулирования; факторы, формирующие свободу совести; степень институционального обеспечения свободы совести; включенность

свободы совести в иерархию ценностей индивида и белорусского государства.

Ответы экспертов на открытый вопрос о том, что является главной составляющей свободы совести, характеризуют её мировоззренческо-демократическую природу и особенности отношения к свободе совести, которые сложились в современном белорусском обществе. В результате названные составляющие можно разделить на две группы, равновесные по количественному упоминанию, но различающиеся по качественной характеристике объекта.

К первой группе относятся составляющие, отражающие в своем содержании правовой аспект свободы совести, поскольку имеют свой эквивалент в нормативно-правовых актах и представляют собой конкретные характеристики сепарационной модели государственно-конфессиональных отношений, реализуемой в Республике Беларусь. Это: равенство конфессий и свобода личности, которая выражается в свободе выбора мировоззренческих убеждений и равенстве возможностей различающихся мировоззренческими позициями индивидуальных социальных субъектов.

Вторую группу формирует прежде всего такая не регулируемая правом составляющая, как воспитание развитой личности, наделяющее её соответствующими мировоззренческими и нравственными установками, определяющими социальное поведение, что соответствует мировоззренческому аспекту свободы совести. В числе главных составляющих данной группы, образующих «духовно-нравственный стержень», также названы толерантность, осознание ответственности, социальная зрелость индивида.

Двойственное восприятие экспертами свободы совести и односторонненность выдвинутых теоретических положений и полученных в результате экспертных оценок эмпирических социологических данных могут служить подтверждением обоснованности предложенной автором диссертации системы государственного регулирования социальных отношений в сфере реализации свободы совести. В данной системе объектом изучения выступает свобода совести в её традиционной концептуализации, а сама система включает в себя две подсистемы: организационно-деятельностную и мотивационно-ориентационную.

В то же время, подтверждая двойственную природу свободы совести, полученные данные не дают полного представления о том, в

какой степени эта двойственность учитывается в регулятивной деятельности белорусского государства. Поэтому дополнительным показателем адекватности существующей системы государственного регулирования природе свободы совести выступают экспертные оценки задач деятельности государства в сфере реализации свободы совести. Приоритетность тех или иных задач определялась по частоте выбора (модальности), что позволило проранжировать их по степени социальной значимости для белорусского общества.

В большей степени способствуют, по мнению экспертов, восемь из десяти предложенных позиций (задач). Лидерами по количеству упоминаний выступают: обеспечение права на свободу совести и свободу вероисповедания (83,3%), гарантии равенства перед законом независимо от отношения к религии (74,2%) и обеспечение равенства религий перед законом (66,7%). На первый взгляд, результаты ранжирования дают основания полагать, что ожидания экспертов связаны преимущественно с регулятивной деятельностью государства, направленной на реализацию задач первого блока.

Однако отсутствие явных предпочтений свидетельствует о высокой социальной значимости большинства предложенных задач и подтверждает, что для белорусского общества не характерно одностороннее представление о государственном регулировании социальных отношений в сфере реализации свободы совести исключительно нормативным методом. При отсутствии явных предпочтений можно говорить об очевидных «аутсайдерах», в качестве которых выступают некоторые задачи второго блока. Так, по мнению экспертов, в меньшей степени способствуют реализации свободы совести либо не способствуют вовсе задачи укрепления и защиты традиционных ценностей белорусского народа (38,7%), обеспечения национальной безопасности в информационной и гуманитарной сферах (29%). В этой связи обоснованным представляется вопрос о возможном несовпадении заявленных задач государственного регулирования фактически существующим в белорусском обществе ценностям. Низкий уровень модальности указанных позиций выявил необходимость дополнительного факторного анализа с целью выявления возможных латентных, но объективно существующих переменных (факторов) и связей, не поддающихся непосредственному измерению, но влияющих на оценку экспертами государственного регулирования социальных отношений в сфере реализации свободы совести.

Полученные данные легли в основу факторного анализа с использованием метода корреляционных плеяд. На основе рассчитанных коэффициентов Пирсона были построены соответствующие матрицы, в которых построчно находились наивысшие коэффициенты корреляции, связывавшие ряд признаков-переменных в корреляционную цепь на основе максимального корреляционного пути (МКП). Расчет коэффициентов корреляции показал, что две первые цепи МКП выглядят следующим образом.

Первая:

- 1) *обеспечение социальной стабильности, гражданского единства и межконфессионального мира;*
- 2) *сохранение историко-культурного и духовного наследия;*
- 3) *обеспечение национальной безопасности в информационной и гуманитарной сферах.*

Вторая:

- 1) *обеспечение права на свободу совести и свободу вероисповедания;*
- 2) *гарантии равенства перед законом независимо от отношения к религии;*
- 3) *обеспечение равенства религий перед законом.*

Сопоставляя представленные цепи МКП с результатами ранжирования, можно отметить следующее.

Самое высокое значение оказалось у такого признака-переменной, как «обеспечение социальной стабильности, гражданского единства и межконфессионального мира». Этот признак соответствует сформулированной ранее в диссертационном исследовании цели-ориентации в «дереве целей» государственного регулирования социальных отношений в сфере реализации свободы совести.

Присутствие в первой цепи МКП фактора с самым низким уровнем модальности – обеспечение национальной безопасности в информационной и гуманитарной сферах – может свидетельствовать, во-первых, о том, что эксперты, выбирая предложенные позиции, исходили в первую очередь из реальной оценки («по факту») регулятивной деятельности государства по указанным направлениям. Во-вторых, что объём государственного регулирования пока не в полной мере соответствует продекларированным задачам второго блока (сохранение социокультурной идентичности белорусского народа – цель-задание 2).

Что касается второй цепи МКП, то она подтвердила устоявшийся и в целом непротиворечивый характер социально-правовых отношений, складывающихся по поводу реализации задач первого блока – обеспечения права на свободу совести и социальной справедливости. Как видно, важнейшим условием его обеспечения выступает равенство, которое приобретает конкретную характеристику: равенство перед законом всех социальных субъектов – как индивидов, так и социальных групп (религиозных организаций и объединений).

Одним из основных параметров, характеризующих соответствие существующей системы государственного регулирования социальных отношений в сфере реализации свободы совести поставленным задачам, является отражение в этой системе факторов, формирующих данную свободу. С целью выявления такого соответствия, во-первых, изучались сами факторы, и, во-вторых, степень их отражения в регулятивной деятельности. Для получения целостной и непротиворечивой оценки их выявление осуществлялось по двум направлениям: факторы, способствующие, и факторы, препятствующие права на свободу совести в Республике Беларусь.

Анализ полученных данных показал, что основными факторами, способствующими реализации свободы совести в Республике Беларусь, выступают такие личные качества индивида, как толерантность и терпимость (24%). Поскольку автор диссертации не ставит своей целью уточнение их семантических сходств и различий, в данном контексте эти два фактора приводятся в единой связке. Отсутствие обычного разброса в оценках послужило основанием поставить именно эту группу факторов на первую позицию.

Далее можно выделить группу факторов, непосредственно формирующих данные качества и установки (49,8%). К ним относятся: образование и воспитание, регулятивное воздействие на которые осуществляется через социальную политику белорусского государства, предусматривающую разработку и совершенствование системы государственной идеологии, создание необходимых экономических предпосылок. Важная роль в данном процессе отводится деятельности средств массовой информации.

Третью позицию занимают конкретные условия реализации свободы совести организационного характера (9,9%), имеющие непосредственное отношение к нормативно-правовой деятельности го-

сударства. Среди данных условий – гарантии прав человека в данной сфере, характеризующиеся обеспечением равенства перед законом, свободой вероисповеданий, отделением церкви от государства и др. (см. рисунок 3.3).

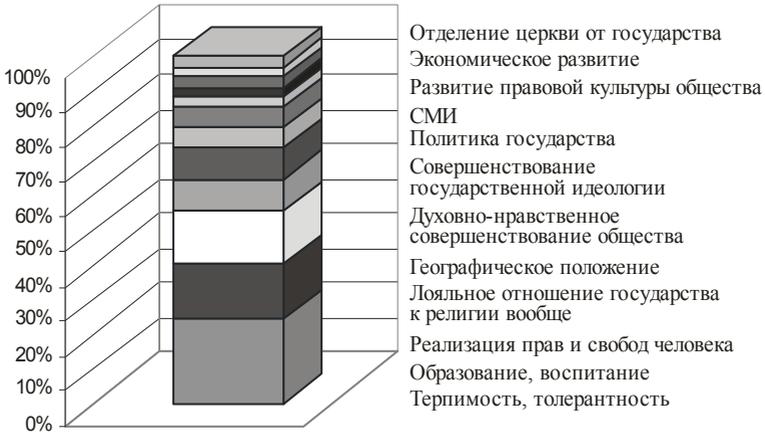

Рисунок 3.3 - Факторы, способствующие реализации свободы совести в Республике Беларусь, %

Уточняющим параметром явилась оценка экспертами факторов, препятствующих, на их взгляд, реализации свободы совести, относительно которых предстала обратная картина (рисунок 3.4). О негативной роли индивида нет ни единого упоминания. Лишь один раз упоминается «низкий морально-нравственный уровень современного общества» – общества, – но не индивида. Все остальные факторы, препятствующие реализации свободы совести, так или иначе связываются с нормативно-правовой деятельностью государства, в которой можно выделить два негативных аспекта: несовершенство нормативно-правовой базы и давление государства на мировоззренческую сферу индивида.

Следует отметить, если для первого аспекта характерны «конструктивные недостатки», относящиеся к конкретным направлениям регулятивной деятельности государства (отсутствие четкого механизма действия местных и исполнительных органов власти, деструктив-

ная деятельность сект и т.д.), то относительно второго аспекта перечисленные негативные факторы носят скорее абстрактный, обобщенный характер. Это: доминирующая роль одной из конфессий, приоритет государственных средств массовой информации и неравный доступ к ним представителей разных конфессий, неразработанность системы государственной идеологии.

Как видно, формирование личных качеств индивида выступает главным фактором, способствующим реализации свободы совести, что свидетельствует об очевидной необходимости государственного воздействия на процессы формирования мировоззренческих установок и ценностных ориентаций личности, обуславливая, во-первых, адресность и, во-вторых, ненормативный характер такого воздействия. В то же время именно этот вектор регулятивной деятельности государства негативно оценен экспертами.

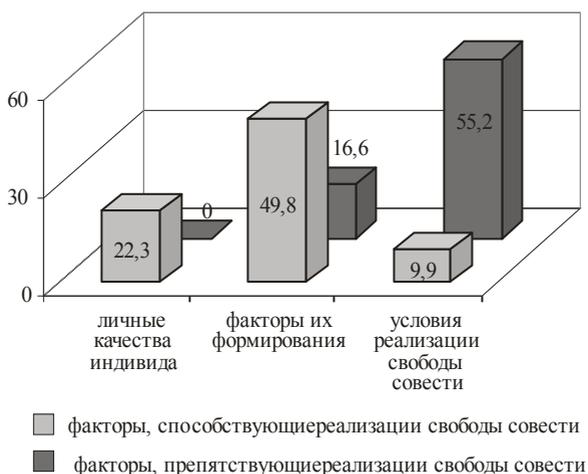

Рисунок 3.4 - Факторы, способствующие/препятствующие реализации свободы совести в Республике Беларусь, %

Причина такого расхождения видится в том, что в настоящее время в Республике Беларусь наблюдается некоторое смещение основного вектора государственного регулирования в область нормативно-правовой регламентации. Естественным следствием такого смещения

становится возрастание роли регламентирующих, предписывающих норм и механизмов. В результате процессы нормативно-правовой регламентации в сфере реализации свободы совести опережают процессы её формирования, что во многом и сказывается на негативной оценке данного вектора государственного регулирования.

В целом существующую систему государственного регулирования отношений в сфере реализации свободы совести характеризует достаточно высокая оценка роли регулятивной деятельности белорусского государства в данной сфере. Две трети экспертов назвали эту роль «положительной», «основополагающей» и «значительной». В то же время присутствовало мнение о её минимальной роли. Однако вызвана такая оценка не объёмом и качеством регулятивной деятельности государства, а социокультурной природой регулируемого явления, поскольку, по мнению экспертов, в толерантном белорусском обществе никогда не возникало острых проблем и противоречий в данной сфере, в связи с чем не было необходимости активного вмешательства государства. Обращалось также внимание на то, что «реализует право на свободу совести народ и его представления о добре и зле, а не государство». Негативные характеристики содержались всего в двух ответах экспертов.

Позитивную роль регулятивной деятельности государства подтверждают ответы на открытый вопрос о месте права на свободу совести в иерархии ценностей белорусского государства. Несмотря на некоторый разброс оценок, как «ведущее» и «высокое» место данной ценности определили около половины экспертов.

Характеристика «не доминирует» (36,6%) оказалась самой распространённой при выявлении места права на свободу совести в иерархии ценностей индивида. Это может объясняться как эклектичностью «постсоветского» сознания индивида, в котором одновременно сочетаются элементы и язычества, и различных религиозных верований, и научного мировоззрения, и атеистические взгляды, так и одной из основных отличительных черт собирательного образа белоруса – толерантностью. Сохранение и воспроизводство этой черты и является, как отмечалось выше, одним из важнейших направлений государственного регулирования в данной сфере.

Таким образом, очевидно, что главным фактором, способствующим реализации свободы совести, по мнению экспертов, выступает конкретный человек, его личностные качества. Поэтому государствен-

ное регулирование в данной сфере призвано обеспечивать не только реализацию права на свободу совести, но и формирование мотивации поведения индивида. Социологический анализ, выявивший высокую социальную значимость сформулированных на государственном и доктринальном уровне задач регулятивной деятельности в данной сфере, подтвердил тот факт, что реализация свободы совести в Республике Беларусь перемещается из сферы частных интересов индивида в сферу интересов государственных.

Исходя из изложенного на основе экспертных оценок процесс государственного регулирования социальных отношений в сфере реализации свободы совести в Республике Беларусь можно разбить на два этапа.

Первый этап заключается в признании государством на законодательном уровне возможностей альтернативы в мировоззрении и поведении социальных субъектов.

В силу того, что свобода совести, являясь элементом мировоззренческой сферы, в процессе реализации приобретает праворегулируемую форму, государственное регулирование на данном этапе имеет некоторые особенности.

1) Двойственная целевая направленность государственного регулирования.

С одной стороны, у индивида осуществляется формирование общих представлений непосредственно о свободе совести и деятельностных аспектах её реализации.

С другой стороны, государство заинтересовано в воздействии на мировоззренческую сферу индивида посредством формирования таких его личных качеств, которые, во-первых, способствовали бы реализации им права на свободу совести, и, во-вторых, не препятствовали бы осуществлению данного права другими социальными субъектами (терпимость, толерантность, высокая правовая культура, и т.д.).

2) Формируя свободу совести как элемент мировоззренческой сферы индивида, государство тогда будет отражать её демократическую природу, когда создаст возможность для выбора социальным субъектом альтернативы как в мировоззренческих позициях, так и в основанном на этих позициях социальном поведении, в том числе его статусного и ролевого наборов. Формирование свободы совести, таким образом, связано с формированием определенных личных качеств индивида.

Обладея равными возможностями и общими представлениями в сфере реализации свободы совести, социальные субъекты всегда различны в деятельностных формах её реализации. Если в мировоззренческом выборе индивид свободен и может придерживаться любых позиций, то в выборе социального действия он ограничен социальными нормами (этическими, моральными, религиозными, культурными и т.д.) и более жестко – нормами правовыми. Вариативность поведения индивида зависит от его мировоззренческих позиций, но социально приемлемым оно будет являться тогда, когда осуществляется в рамках, определенных правовыми нормами, выработанных современным обществом в процессе развития демократических тенденций. Следовательно, теоретический конструкт «возможность – мотивация – действие» выступает основной управленческой схемой в государственном регулировании.

Государственное регулирование социальных отношений в сфере реализации свободы совести посредством формирования мировоззренческой сферы индивида и создания альтернатив позволяет нивелировать социальные противоречия не только на стадии проявления, когда противоречие перерастает в конфликт и становится уже частью социальной реальности, но и на стадии его возможного возникновения. Это минимизирует деятельность принудительных механизмов государственного регулирования, смещая вектор их действия в сферу контролирующих и побудительных функций. Признавая альтернативу в мировоззренческой сфере, государство в меньшей степени регламентирует, ограничивает и запрещает, и в большей степени предоставляет, т.е. государственное регулирование приобретает не императивный, а диспозитивный характер. В этой связи можно сделать вывод, что белорусское государство косвенно формирует общую мировоззренческую сферу индивида, его представления об образе государства.

На данном этапе возникает необходимость уточнения смыслов, вкладываемых в содержание регулируемого явления, и на основе научных, в первую очередь социологических исследований, выработки единого, аккумулирующего в себе все аспекты, подхода к свободе совести как на уровне теоретического осмысления, так и практической реализации. Как уже отмечалось ранее, в настоящее время научные исследования в данной сфере характеризуются конкретной направленностью (особенности религиозности населения, вопросы правового обеспече-

ния свободы совести, специфика государственно-конфессиональных отношений и т.д.).

С позиции интегрированного научного подхода представляется возможным:

- формирование у социальных субъектов адекватных представлений о свободе совести как демократическом праве, обеспечивающем свободу мировоззренческого выбора относительно религиозного либо нерелигиозного восприятия действительности;

- создание условий для формирования определенных личностных качеств и ценностных ориентаций индивида;

- создание альтернативы мировоззренческого выбора и основанного на нем социального поведения индивида.

Реализация указанных положений позволяет, во-первых, заложить такую мотивационно-ориентационную основу должного поведения социальных субъектов, которая объединяла бы их на основе общих, интегрирующих мировоззренческих установок и ценностных ориентаций и не противоречила бы государственным интересам в данной сфере.

Во-вторых, дает возможность минимизировать субъективный фактор в управленческой, правоприменительной и судебной практике ввиду постепенного устранения оснований для различного толкования правовых норм.

В-третьих, позволяет нивелировать социальные противоречия, возникающие на основе различий в мировоззрении индивидов и возможном пересечении их интересов в части практической реализации свободы совести.

На первом этапе государственное регулирование социальных отношений в сфере реализации свободы совести в Республике Беларусь осуществляется главным образом через неправовые социальные институты. Право может оказывать лишь косвенное влияние, провозглашая отдельные принципы и цели государственного регулирования, либо закрепляя и регламентируя уже созданные формы альтернативного поведения, как, например, в случае с альтернативной гражданской службой или специальным религиозным образованием. Поэтому юридическое закрепление содержания и свойств объекта регулирования и правовая регламентация механизмов и средств реализации свободы совести осуществляются уже на последующем этапе, после создания определенной теоретической матрицы (уточнения и согласования формулировок

объекта регулирования, целевых функций системы государственного регулирования, возможных альтернатив и т.п.) и выявления основных параметров регулирования в данной сфере.

Указанная очередность этапов делает затруднительным само возникновение «двойных стандартов», обусловленных в некоторых случаях внутренней противоречивостью законодательства и возможностью субъективного толкования правовых норм, которые, имея общеобязательную силу, являются основой правоприменительной и судебной практики. Таким образом, участие права как социального института в регулятивном процессе в полном объеме возможно только на втором этапе.

Второй этап заключается в создании и обеспечении условий для свободного выбора и беспрепятственной реализации предоставленной альтернативы (направления и условия реализации свободы совести).

Если на первом этапе происходит формирование социальных отношений, в том числе через разработку концептуальных основ самой возможности альтернатив, то на данном этапе государственное регулирование проявляется в создании конкретных социальных условий и организационных форм реализации свободы совести по двум параметрам:

- создание условий для реализации альтернативы в мировоззрении (придерживаться религиозного/нерелигиозного восприятия мира, менять религиозную принадлежность и т.д.), т.е. выбора индивидом своего социального статуса;

- создание направлений реализации альтернативы в социальном действии (пропагандировать научное, атеистическое либо религиозное мировоззрение; исповедовать религию единолично/сообща с другими; отправлять религиозные культы, ритуалы, обряды; выражать и распространять свои убеждения и т.д.), т.е. выбора и осуществления индивидом своих социальных ролей.

Оба параметра призваны обеспечиваться регулятивной деятельностью государства в полном объеме, так как в противном случае возможен конфликт между социальным статусом и социальной ролью индивида. Именно с такими конфликтами, как показывает практика, связано подавляющее большинство возникающих в данной сфере судебных прецедентов во многих демократических странах.

Как правило, процесс формирования мировоззрения, особенно на стадии первичной социализации, осуществляется преимущественно в рамках узкой социальной группы. Однако, как показали экспертные оценки, именно на государство, а не на социальную группу, индивидом возлагается ответственность за формирование своих мировоззренческих установок, и, соответственно, за свое же возможное социальное поведение. Это подтверждает тот факт, что, например, семья как условие формирования соответствующих мировоззренческих установок упоминается экспертами всего один раз.

Такая ситуация связана с тем, социальная группа (семья, религиозная община и т.д.) не всегда может в полной мере обеспечивать возможности выбора (а в некоторых случаях даже появления) альтернативного мировоззрения или поведения индивида. Социальная группа не свободна от влияния субъективных факторов: главным образом, традиций и стереотипов, сложившихся в той или иной социальной среде. Однако государственное регулирование в Республике Беларусь не направлено на преодоление этих стереотипов – это привело бы только к обострению социальных противоречий и дифференциации общества по мировоззренческому признаку. Задача белорусского государства – в создании условий для появления и реализации таких альтернатив.

Разбивая процесс государственного регулирования на этапы, следует учитывать свойства многолинейности отношений в сфере реализации свободы совести, а также открытости регулируемой системы социальных отношений к различным воздействиям извне. Это обуславливает специфику управленческого процесса, которая заключается в обеспечении государственного регулирования на протяжении всего управленческого цикла, представляющего целостную систему целенаправленных и непрерывных действий государства.

Для классической либеральной концепции свободы совести, на которой основывалась регулятивная деятельность белорусского государства в период с 1992 по 2002 гг., характерен дискретный принцип регулирования, который подразумевает разрешение главным образом правовыми средствами отдельных, локальных конфликтов и противоречий в регулируемой системе по мере их проявления. Такой «точечный» принцип регулирования эффективен в странах с англо-саксонской системой права, где судебный прецедент является источником права, что обуславливает его динамичность и способность «подстроиться»

под каждый конкретный случай. К тому же при таком принципе устраняется следствие возникшего конфликта, а не его причина.

В Республике Беларусь (как и других странах романо-германской системы права) право закрепляет уже сложившиеся в обществе отношения, выступая, наравне с другими социальными институтами, одним из средств достижения поставленных целей (но не самоцелью). Иными словами, если в первом случае право создает социальную реальность, то во втором – её закрепляет. В этой связи основными принципами государственного регулирования социальных отношений в сфере реализации свободы совести можно назвать системность и непрерывность. Для их осуществления в полном объёме оптимальной представляется функциональная трехуровневая система государственного регулирования с дифференциацией сфер социального влияния, инструментов и методов государственного воздействия.

Соответственно государственное регулирование социальных отношений в сфере реализации свободы совести на различных уровнях может осуществляться в следующих формах.

На *доктринальном (долгосрочном)* уровне выявляются и разрабатываются основные направления, принципы, методы, цели и задачи регулятивной деятельности государства, отвечающие его стратегическим целям как во внутренней, так и внешней политике, а именно:

- Доктринальное изучение особенностей регулируемой системы социальных отношений, складывающихся в сфере реализации свободы совести.

- Выявление прогнозных показателей функционирования данной системы.

- Разработка нормативно-правовой базы, соответствующей международным демократическим стандартам и учитывающей особенности социокультурного развития белорусского государства.

На *программном (среднесрочном)* уровне происходит децентрализация управления и дифференциация сфер компетенции различных социальных институтов на основе общих положений, выработанных на доктринальном уровне. Это:

- Обеспечение гарантий реализации свободы совести, создание условий равенства правовых статусов социальных субъектов.

- Разработка и применение превентивных мер в целях предупреждения возможных форм социальной девиации в данной сфере.

- Формирование оптимального типа взаимодействия социальных субъектов по поводу реализации свободы совести.

- Проведение систематических научных исследований результатов судебной и правоприменительной практики.

- Анализ и выработка стратегии для предотвращения возможных негативных воздействий на регулируемую систему социальных отношений извне.

- Периодическая корректировка нормативно-правовой базы, учитывающая динамику развития трансформирующегося белорусского общества.

На *прикладном (краткосрочном)* уровне осуществляется практическая реализация различными социальными институтами своих функций:

- Проведение научных исследований по выявлению общих ценностных ориентаций и мировоззренческих установок индивидов, которые легли бы в основу теоретической разработки и практического применения таких форм социального управления, как государственная идеология, образование, система массовых коммуникаций.

- Реализация единой программы деятельности соответствующих социальных институтов с дифференциацией сфер социального влияния, но взаимообусловленным и взаимодополняющим характером их регулятивных функций.

- Выявление негативных воздействий на систему отношений извне.

- Информационная поддержка и трансляция основных идей регулятивной деятельности государства через систему массовых коммуникаций.

Таким образом, осуществление принципов системности и непрерывности государственного регулирования обеспечивает не только деятельностные формы её реализации (социальное поведение), но и мотивационную сферу индивида. Данные принципы призваны выступить основополагающими для всей системы государственного регулирования социальных отношений в сфере реализации свободы совести, функционирование которой направлено на обеспечение:

а) непрерывности государственного регулирования;

б) единства процесса государственного регулирования на всех его этапах;

в) оптимизации взаимодействия и взаимосвязей организационно-деятельностной и мотивационно-ориентационной подсистем.

Схематично функционирующая в настоящее время в Республике Беларусь система государственного регулирования отношений в сфере реализации свободы совести представлена на рисунке 3.5.

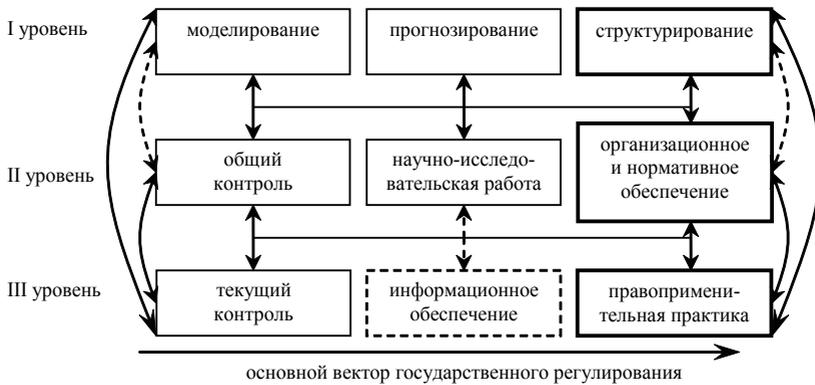

Рисунок 3.5 – Функциональная система государственного регулирования социальных отношений в сфере реализации свободы совести в Республике Беларусь

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о разграничении в процессе государственного регулирования сфер социального влияния государства, проявляющемся в дифференциации инструментов и методов регулирования, осуществляемого через совокупность соответствующих социальных институтов. Подтверждением существования такого разграничения выступают экспертные оценки роли социальных институтов в реализации свободы совести в Республике Беларусь.

Из десяти предложенных позиций наибольшую оценку получили воспитание (71%), право (65%) и религиозные организации (58,1%). Далее с небольшой разбежкой в результатах располагается несколько социальных институтов, в числе которых образование. Последние места занимают наука и органы исполнительной власти (25,8 и 16,1% соответственно).

Расчет коэффициентов корреляции выявил наибольшие значения у таких признаков-переменных, как образование и государственная идеология, которые вошли в первую цепь МКП:

образование;
наука;
государственная идеология;
воспитание.

Вторая цепь МКП:

право;
СМИ;
органы исполнительной власти.

Следует обратить внимание, что если простое ранжирование указанных параметров позволяет выявить приоритеты в экспертных оценках, то корреляционные цепи образуют своеобразные смысловые матрицы. На их основе в практической деятельности могут строиться алгоритмы управленческих решений, логически дополняющие соответствующие этапы государственного регулирования социальных отношений в сфере реализации свободы совести (см. таблицу 3.2).

Таблица 3.2 – Институциональное обеспечение свободы совести в Республике Беларусь

I этап Формирование свободы совести				II этап Условия реализации свободы совести		
образо- вание	наука	государ- ственная идеология	воспи- тание	право	СМИ	органы исполнитель- ной власти
I цепь МКП				II цепь МКП		

Сопоставляя представленные цепи МКП с результатами ранжирования, следует отметить, что, как и при оценке задач регулятивной деятельности белорусского государства, в первых двух цепях МКП присутствуют факторы с самым низким уровнем модальности (наука и органы

исполнительной власти соответственно). Это выявляет возможные направления оптимизации как системы государственного регулирования, так и складывающихся отношений между взаимодействующими субъектами в данной сфере. Отдельно можно выделить смысловую связку первой цепи МКП «наука–государственная идеология». Подчеркивая долгосрочный характер поставленных целей, она подтверждает необходимость и приоритетность научной основы в государственном регулировании.

Представленные данные свидетельствуют о том, что институциональное обеспечение свободы совести в Республике Беларусь осуществляется в настоящее время не в оптимальном объёме, на основании чего можно сделать вывод о неполном соответствии функционирующей системы государственного регулирования её целевым функциям. Как видно из результатов анализа экспертных оценок, это относится главным образом к информационному обеспечению на прикладном уровне: деятельности средств массовой информации и коммуникации и совершенствованию системы государственной идеологии.

Доктринальный и программный уровни в целом соответствуют целевым функциям системы государственного регулирования социальных отношений в сфере реализации свободы совести, однако между ними, по мнению автора диссертации, в настоящее время наблюдается некоторый разрыв, который обозначен на рисунке 3.5 пунктиром. Указанный разрыв достаточно четко прослеживается при сопоставлении результатов ранжирования признаков-переменных с их значениями в корреляционных матрицах и заключается в следующем. Доктринальный уровень в настоящее время в большей степени связан с организационно-нормативным обеспечением социальных отношений в сфере реализации свободы совести и в меньшей степени – с научными исследованиями, аналитическими данными контролирующих и правоприменительных органов. Следствием этого и выступает, как отмечалось выше, смещение вектора государственного регулирования в область нормативно-правовой регламентации, выделенного на рисунке 3.5, что на практике означает непропорциональность социального механизма обеспечения свободы совести и целевых функций системы.

Поэтому сформулированные на доктринальном уровне цели и задачи регулятивной деятельности белорусского государства в сфере реализации свободы совести требуют своего программного обеспечения,

т.е. согласования (синхронизации) для их реализации деятельности социальных институтов, различающихся компетенцией и инструментарием. В этой связи актуальной задачей видится выработка единой программы действий (концепции), которая на основе общей системы идей, принципов и ценностей объединила бы эти, пока еще несколько разрозненные, социальные институты в достижении поставленных задач в данной сфере.

Функционирующая на основе единой концепции система государственного регулирования социальных отношений в сфере реализации свободы совести наиболее эффективна в достижении стратегической цели Республики Беларусь по обеспечению социальной стабильности и устойчивого развития белорусского трансформирующегося общества.

Выводы по главе 3:

1. Государственное регулирование социальных отношений в сфере реализации свободы совести в Республике Беларусь наряду с международными демократическими принципами исходит из тех ценностных ориентиров, которые способствуют консолидации всех взаимодействующих социальных субъектов, вследствие чего обеспечивается реализация основной цели (цели-ориентации) социальной политики государства – обеспечение социальной стабильности общества.

2. Анализ нормативно-правовых актов, научной литературы, а также полученных эмпирических данных подтверждает системный характер государственного регулирования социальных отношений в сфере реализации свободы совести и позволяет представить её в виде двух подсистем:

– организационно-деятельностной (правовой), закрепляющей юридический статус и соответствующий тип взаимодействия социальных субъектов: нормы социального поведения (должное поведение), предписанные правом в соответствии с международными правовыми стандартами и рассчитанные на среднего индивида (деятельностный, правовой подход);

– мотивационно-ориентационной (аксиологической), формирующей такой тип взаимодействия, который обеспечивает бесконфликтную реализацию свободы совести: ценности, идеалы, мировоззренческие установки, побуждающие индивида к должному поведению в соответствии с поставленными целями (побудительный, индивидуально-ориентированный подход).

3. В процессе государственного регулирования социальных отношений в сфере реализации свободы совести выявлена необходимость четкого разграничения сфер социального влияния государства, проявляющегося в дифференциации инструментов и методов государственного регулирования на основе единой концепции развития отношений в данной сфере.

4. Оптимальной выступает трехуровневая функциональная система (доктринальный, программный, прикладной уровни) государственного регулирования с дифференциацией сфер социального влияния, методов и механизмов воздействия различных социальных институтов на объект регулирования.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Регулятивная деятельность государства в сфере реализации свободы совести, являясь одним из направлений его социальной политики, призвано способствовать реализации его стратегических целей. Обеспечение социальной стабильности и устойчивого развития белорусского общества обуславливает необходимость использования системного подхода в области государственного регулирования в данной сфере, учитывающего дифференциацию общества по мировоззренческо-религиозному признаку и предусматривающего реализацию международных демократических норм и стандартов в данной сфере. В этой связи на основе проведенного исследования можно сделать следующие выводы.

1. Свобода совести как социальный феномен имеет амбивалентный характер, отражающую ее двойственную – нормативно-правовую и мировоззренческую природу. Свобода совести в контексте государственного регулирования рассматривается как свобода мировоззренческого выбора относительно религиозного либо нерелигиозного восприятия реаль-

ности. Отношение индивида к религии, его идентификация с той или иной конфессией формируются, с одной стороны, в процессе социализации под воздействием множества исторически сложившихся социокультурных факторов: традиций, норм, ценностей и т.д. С другой стороны, закрепление идей свободы совести в нормативно-правовых актах означает приобретение данным социальным феноменом правового статуса.

Устойчивые связи, возникающие между социальными субъектами в процессе реализации свободы совести, формируют соответствующую систему социальных отношений, специфической особенностью которых является бесконфликтный характер взаимодействия в данной сфере. Сохранение социальной стабильности и устойчивого развития белорусского общества требует учета в процессе государственного регулирования особенностей свободы совести как демократического права, с одной стороны, и, с другой стороны, социокультурную и мировоззренческую специфику этого феномена в социальной динамике белорусской и региональных культур.

Это обуславливает необходимость социологического обеспечения и теоретико-методологического обоснования направлений, условий и факторов государственного регулирования социальных отношений в сфере реализации свободы совести.

2. Современная система государственного регулирования социальных отношений в сфере реализации свободы совести в Республике Беларусь характеризуется следующими направлениями:

а) нормативно-правовым обеспечением равенства всех социальных субъектов (как индивидов, так и социальных групп, общностей, организаций) независимо от их отношения к религии. Нормативно-правовое обеспечение государственного регулирования социальных отношений в сфере реализации свободы совести в соответствии с кооперационной (наличие государственной религии/церкви) либо сепарационной (отделение церкви от государства и законодательно закрепленное равенство всех конфессий) моделями государственно-конфессиональных отношений, исторически сложившимися в обществе;

б) официальным признанием особой традиционных конфессий в историческом становлении и развитии духовных, культурных и государственных традиций белорусского государства, что соответствует

традициям белорусского народа. Законодательное закрепление равенства правовых статусов религиозных организаций выражает нетождественность правового и социального статусов различных конфессий.

Белорусский вариант сепарационной модели государственно-конфессиональных отношений, реализуя демократические международные принципы свободы совести и отражая социокультурные традиции белорусского народа, обеспечивает сохранение социальной стабильности в условиях поликонфессионального общества.

3. При возрастающей динамике социальных процессов позитивное развитие социальных отношений в сфере реализации свободы совести требует своего перспективного закрепления на государственном уровне. Содержание и объем государственного регулирования определяются долгосрочными целями и задачами белорусского государства в данной сфере. Основным условием обеспечения оптимального типа социального взаимодействия выступает взаимосвязанное функционирование двух подсистем:

- организационно-деятельностной (правовой), закрепляющей правовой статус и соответствующий тип взаимодействия социальных субъектов. Подсистему формируют нормы социального поведения, предписанные правом в соответствии с международными правовыми стандартами (деятельностный, правовой подход);

- мотивационно-ориентационной (аксиологической), формирующей такой тип взаимодействия, который обеспечивает устойчивое развитие социальных отношений и бесконфликтную реализацию свободы совести. Подсистему формируют ценности, идеалы, мировоззренческие установки, а также система знаний о той или иной сфере общественной жизни, в совокупности побуждающие индивида к должному поведению (побудительный, индивидуально-ориентированный подход).

Взаимосвязанное функционирование указанных подсистем обеспечивает оптимальный тип взаимодействия социальных субъектов, осуществляющих свою деятельность в пределах, установленных законодательством, на основе общих ценностно-мировоззренческих установок в соответствии с единой целевой направленностью социальной политики государства.

4. Функционирующую в настоящее время в Республике Беларусь систему государственного регулирования социальных отношений в

сфере реализации свободы совести формируют наиболее общие положения и принципы, провозглашенные на высшем государственном уровне и отражающие интересы всего общества. Основными социальными факторами, оказывающими влияние на формирование системы государственного регулирования в белорусском обществе, выступают:

- соответствие государственного регулирования международным демократическим стандартам, на основе которых строится национальное законодательство в данной сфере;

- учет социокультурных, социально-исторических и социально-политических особенностей развития белорусского государства;

- единая целевая направленность его социальной политики, выражающаяся в общих стратегических целях белорусского государства, обеспечивающих реализацию интересов всех социальных групп и отдельных граждан;

- консолидация государства и традиционных конфессий (в первую очередь – православия) в использовании общих ценностных ориентиров как одно из условий обеспечения социальной стабильности и устойчивого развития трансформирующегося белорусского общества.

Знание и применение этих принципов и факторов позволяет государству адекватно ориентироваться в дифференциации общества по религиозно-мировоззренческому признаку, сложившемуся в процессе исторического развития. Многообразие социальных ролей и статусов взаимодействующих социальных субъектов, возможное рассогласование их интересов обуславливают необходимость учета в государственном регулировании социально-конфессиональных различий и выявления общих ценностно-мировоззренческих установок, объединяющих различных социальных субъектов.

Социологическое обеспечение управленческих решений, законодательной деятельности и правоприменительной практики является одним из важнейших условий единой теоретической интерпретации и практической реализации свободы совести как демократического права.

5. Полученные в результате экспертных оценок и факторного анализа социологические эмпирические данные позволяют сделать вывод, что факторы, на учете которых строится долгосрочное государственное регулирование социальных отношений в сфере реализации свободы совести в современном белорусском обществе, отображаются в системе следующих эмпирических социологических параметров:

а) характер доминирующих ценностей в структуре мировоззрения различных категорий;

б) уровень стратегического ценностно-мировоззренческого единства в мировоззренческой структуре и ценностных ориентациях различных социальных групп, общностей, индивидов, различающихся по их мировоззренческой и социально-конфессиональной принадлежности;

в) оценка содержания образовательных стандартов, реализуемых в деятельности учреждений образования, обеспечивающих формирование знаний, необходимых для появления возможности мировоззренческого выбора;

г) оценка возможностей реализации мировоззренческого выбора (придерживаться определенного религиозного/нерелигиозного восприятия мира; менять религиозную принадлежность и т.д.), то есть возможности выбора индивидом и осуществления своего социального статуса;

д) оценка возможностей реализации социального действия (исповедовать религию единолично/сообща с другими; пропагандировать научное, атеистическое и религиозное мировоззрение; отправлять религиозные культы, ритуалы, обряды; выражать и распространять свои убеждения и т.д.), то есть возможности выбора и осуществления индивидом своих социальных ролей.

Государственное регулирование социальных отношений в сфере реализации свободы совести в Республике Беларусь строится на основе тех общих ценностных ориентиров, которые способствуют консолидации всех социальных групп и общностей. Единство целей, общность интересов и ценностей всего многообразия взаимодействующих социальных субъектов является основой обеспечения социальной стабильности и устойчивого развития белорусского общества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Список использованных источников

Нормативные правовые акты:

1. Конституция Республики Беларусь: с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г. – Минск: Право и экономика, 2006. – 56 с.
2. Конституция Российской Федерации: Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. – М.: ЦИК Российской Федерации: Известия, 1993. – 59 С.
3. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик 1977: Введен в действие с 7 октября 1977 года Декларацией ВС СССР от 07.10.1977 №6365-IX // Консультант Плюс: Версия Проф. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – М., 2007.
4. Конституция Украины: Принята на пятой сессии Верховной Рады Украины 28 июня 1996 г. – Харьков: НПКФ «Консум», 1996. – 47 с.
5. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь: утв. Указом Президента Респ. Беларусь, 17.07.2001 № 390 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2007.
6. О свободе совести и религиозных организациях: Закон Респ. Беларусь, 17 декабря 1992 года № 2054-XII: в ред. Закона Респ. Беларусь от 31 октября 2002, № 137-3 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2006.
7. О свободе совести и религиозных организациях: федер. Закон Рос. Федерации от 24 сентября 1997, №125-ФЗ: в ред. Закона Рос. Федерации от 06.07.2006 №104-ФЗ // Консультант Плюс: Версия Проф. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – М., 2006.

Литература:

8. Алексеев, Н.Н. Религия, нравственность и право / Н.Н. Алексеев // Человек. – 2006. – №6. – С. 132–148.
9. Алпеева, Т.М. Философия культуры / Т.М. Алпеева. – Минск: ЗАО «Веды», 2004. – 452 с.
10. Андреева, Л.А. Процесс дехристианизации в России и возникновение квазирелигиозности в XX веке / Л.А. Андреева // Общественные науки и современность. – 2003. – №1. – С. 90–100.
11. Бабосов, Е.М. Динамика религиозности в независимой Беларуси / Е.М. Бабосов. – Минск: НАН Беларуси. Ин-т социологии, 1995. – 65 с.
12. Балагушкин, Е.Г. Новые религии как социокультурный и идеологический феномен / Е.Г. Балагушкин // Общественные науки и современность. – 1996. – №5. – С. 90–100.

13. Баранников, В.П. Динамика религиозности в информационном обществе / В.П. Баранников, Л.Ф. Матронева // Социологические исследования. – 2004. – №9. – С. 102–107.
14. Бендин, А. Религиозная толерантность в Российской империи как этнообразующий и консолидирующий фактор (вторая половина XIX – начало XX вв.) / А. Бендин // Кафоликия: Сб. науч. статей / под ред. А.С. Данилова. – Минск: Тесей, 2003. – С. 96–108.
15. Безнюк, Д.К. Государственно-конфессиональные отношения в Республике Беларусь (социологический анализ) / Д.К. Безнюк. – Минск: РИВШ, 2006. – 216 с.
16. Безнюк, Д.К. Национальная и религиозная безопасность Беларуси: социологический аспект / Д.К. Безнюк // Социология. – 2006. – №1. – С. 57–64.
17. Безнюк, Д.К. Особенности государственно-конфессиональных отношений в современной Беларуси: социологический аспект / Д.К. Безнюк // Социология. – 2005. – №1. – С. 63–69.
18. Безнюк, Д.К. Религиозная ситуация в Беларуси (опыт комплексного описания) / Д.К. Безнюк // Социология. – 2003. – №2. – С. 72–78.
19. Безнюк, Д.К. Социодинамика отношений государства и церкви в Республике Беларусь: социологический анализ: автореф. дис. ... докт. соц. наук: 22.00.01 / Д.К. Безнюк; Бел. гос. ун-т. – Минск, 2006. – 24 с.
20. Безнюк, Д.К. Теоретико-методологические аспекты анализа взаимодействия государства и религии / Д.К. Безнюк // Гуманитарно-экономический вестник. – 2006. – №2. – С. 39–49.
21. Білоус, О.М. Державно-церковні відносини як об'єкт політологічного аналізу: автореф. дис. ... канд. політ. наук: 23.00.02 / О.М. Білоус; Нац. акад. наук України. – Київ, 2004. – 23 с.
22. Борщев, В. Возвращение дыхания / В. Борщев // Перестройка: гласность, демократия, социализм. На пути к свободе совести; сост. и общ. ред. Д.Е. Фурмана и О. Марка (Смирнова). – М.: Прогресс, 1989. – С. 207–238.
23. Бурьянов, С.А. Новая парадигма права на свободу совести / С.А. Бурьянов // Современное право. – 2003. – №5. – С. 11–15.
24. Бурьянов, С.А. Правовые основания, сущностное содержание и гарантии свободы совести / С.А. Бурьянов // Государство и право. – 2001. – №2. – С. 21–26.
25. Бурьянов, С.А. Проблемы совершенствования нормативно-правовой базы реализации свободы совести в контексте глобализации / С.А. Бурьянов // Государство и право. – 2002. – №10. – С. 26–31.
26. Бурьянов, С.А. Свобода совести в российской науке, законотворчестве и правоприменении / С.А. Бурьянов // Право и политика. – 2001. – №7. – С. 26–37.
27. Бур'янаў, С. Характар і межы рэгулявання свабоды сумлення ў дэмакратычнай дзяржаве / С. Бур'янаў // Чалавек. – 2002. – №1(11). – С. 13–16.
28. Бурьянов, С.А. В России создается концепция отношений государства с религиозными объединениями / С.А. Бурьянов, С.А. Мозговой // Право и политика. – 2002. – №8. – С. 89–96.

29. Василевич, Г.А. Конституция. Человек. Государство / Г.А. Василевич. – Минск: Право и экономика, 2000. – 312 с.

30. Ваторопин, А.С. Религиозный модернизм и постмодернизм / А.С. Ваторопин // Социологические исследования. – 2001. – №11. – С. 84–92.

31. Ваторопин, А.С. Перспективы секуляризма и религии в эпоху постмодерна / А.С. Ваторопин, К.М. Ольховиков // Общественные науки и современность. – 2002. – №2. – С. 136–145.

32. Вашкевич, А. Правовое регулирование отношений между государством и конфессиями в Республике Беларусь (1919–2005) / А. Вашкевич // Сравнительное конституционное обозрение. – 2005. – №1(50). – С. 23–30.

33. Вебер, М. Избранные произведения: Пер. с нем. М.И. Левина, А.Ф. Филиппов, П.П. Гайденко / Сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; Предисл. П.П. Гайденко. – М.: Прогресс, – 1990. – 808 с.

34. Верашчагіна, А.У. Гісторыя кафесій на Беларусі ў другой палове ХХ ст. / А.У. Верашчагіна, А.В. Гурко. – Мінск: ІСПД, 1999. – 135 с.

35. Вилейко, С.Л. Республика Беларусь и Белорусская православная церковь: перспективы сотрудничества / С.Л. Вилейко, И.А. Попов // Религия и общество: актуальные проблемы современного религиоведения: сб. науч. тр. / МГУ им. А.А. Кулешова; под общ. ред. В.В. Старостенко. – Могилев, 2006. – С. 169–171.

36. Вишнякова, И.Н. Конституционно-правовое регулирование свободы вероисповедания: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / И.Н. Вишнякова; Моск. гос. ун-т. – М., 2000. – 25 с.

37. Володина, Н.В. Свобода совести в Российской Федерации: современное состояние, тенденции, перспективы / Н.В. Володина // Конституционное и муниципальное право. – 2004. – №2. – С. 15–20.

38. Гараджа, В.И. Переосмысление / В.И. Гараджа // Перестройка: гласность, демократия, социализм. На пути к свободе совести; сост. и общ. ред. Д.Е. Фурмана и О. Марка (Смирнова). – М.: Прогресс, 1989. – С. 19–28.

39. Гегель, Г. Философия права / Гегель Г. – М.: Мысль, 1990. – С.

40. Головки, А.А. Взаимоотношения государства с церковью (новые подходы) / А.А. Головки // Проблемы конституционализма: Сб. науч.тр. – Минск.– 2002. – Вып. 10. – С. 36–43.

41. Готлиб, А.С. Смысл и ценность свободы в контексте социальной адаптации россиян к постсоветской действительности: попытка эмпирического анализа / А.С. Готлиб, С.Н. Касаткин // Вестник Самарского гос. ун-та. – Гуманитарный выпуск. – 2002. – № 1(23). – С. 17–26.

42. Гурко, А.В. Конфессиональная ситуация в Республике Беларусь: этнический и исторический аспекты / А.В. Гурко. – Минск: ИСПИ, 2001. – 104 с.

43. Гурко, А.В. Новые религии в Республике Беларусь: генезис, эволюция, последователи: монография / А.В. Гурко; Минский ин-т управления. – Минск: Изд-во МИУ, 2006. – 276 с.

44. Гурко, А.В. О современной конфессиональной ситуации в Республике Беларусь / А.В. Гурко // Динамика общественного мнения о социально-политической

ситуации в Беларуси (по материалам социологического мониторинга): сб. науч. тр. / ИСПИ; под общ. ред. М.Н. Хурса. – Минск, 2003. – С. 127–146.

45. Гусаева, К.Г. Свобода совести как правовая категория / К.Г. Гусаева // Право и политика. – 2004. – №7. – С. 34–37.

46. Давыденко, С.С. Проблемы государственного регулирования этносоциальных и конфессиональных процессов / С.С. Давыденко // Этносоциальные и конфессиональные процессы в современном обществе: Материалы междунар. научн. конф. 16-18 ноября 1999 г., Гродно, Республика / С.С. Давыденко / Отв. ред. проф. У.Д. Розенфельд. – Гродно: ГрГУ, 2000. – С. 277–283.

47. Давыденко, С.С. Политика государства в отношении религиозных организаций в Республике Беларусь: теоретико-методологический аспект: дис. канд. полит. наук: 23.00.01 / С.С. Давыденко. – Минск – 2005. – 129 л.

48. Данилов, А.В. Единство и многообразие религии. Аналитическое религиозоведение и теология диалога / А.В. Данилов. – Минск: Изд. центр БГУ, 2004. – 326 с.

49. Добрускин, М.Е. О социальных функциях церкви (на материалах Русской православной церкви) / М.Е. Добрускин // Социологические исследования. – 2002. – №4. – С. 76–86.

50. Дубин, Б. Массовая религиозная культура в России (тенденции и итоги 1990-х гг.) / Б. Дубин // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. – 2004. – №3(71). – С. 35–44.

51. Дубовик, С.В. Правовые основы государственно-конфессиональных отношений в Республике Беларусь / С.В. Дубовик, Л.Е. Земляков // Проблемы управления. – 2003. – №1. – С. 13–22.

52. Ерышев, А.А. Социология религии / А.А. Ерышев, Н.П. Лукашевич; Межрегиональная академия управления персоналом. – Киев: МАУП, 1999. – 117 с.

53. Звягинцева, О.В. Самосознание нетрадиционных религиозных сообществ в современной России: автореф. дис. ...канд. филос. наук: 09.00.13 / О.В. Звягинцева; Ставропольский гос. ун-т. – Ставрополь, – 2004. – 26 с.

54. Зеленкова, И.Л. Основы этики / И.Л. Зеленкова. – Минск: ТетраСистемс, 2001. – 496 с.

55. Земляков, Л.Е. Государственно-правовое регулирование религиозных процессов в Республике Беларусь / Л.Е. Земляков // Проблемы конституционализма: Сб. науч.тр. – Минск.– 2002. – Вып. 10. – С. 5–19.

56. Земляков, Л.Е. Некоторые аспекты трансформации современных религиозных верований в Республике Беларусь / Л.Е. Земляков // Проблемы управления. – 2006. – №1(18). – С. 41–47.

57. Землякоў, Л.Я. Рэлігійны фактар ідэалогіі беларускай дзяржавы / Л.Я. Землякоў, С.В. Дубовік // Сб. науч. трудов Академии управления при Президенте Республики Беларусь, – Минск, 2005. – Выпуск 4. – С. 213–249.

58. Землякоў, Л.Я. Рэспубліка Беларусь як свецкая дзяржава: палітыка-прававыя аспекты / Л.Я. Землякоў, І.А. Карпухіна // Проблемы управления. – 2006. – № 3(20). – С. 17–24.

59. Земляков, Л.Е. Политико-правовое обеспечение свободы совести в Республике Беларусь / Л.Е. Земляков, И.В. Котляров. – Минск: ИСПИ, 2004. – 64 с.

60. Земляков, Л.Е. Трансформация государственно-конфессиональных отношений и пути их оптимизации в современной Беларуси / Л.Е. Земляков // Свято-Михайловские чтения «Православие и современность». Доклады и тезисы. В трех частях. – Ч. 1. – Минск: Братство в честь Святого Архистратига Михаила в г. Минске Минской епархии Белорусской православной церкви, 2006. – С. 138–146.

61. Земляков, Л.Е. Религиозные процессы в Беларуси. Проблемы государственно-правового регулирования / Л.Е. Земляков. – Минск: РИВШ БГУ, 2001. – 208 с.

62. Иванова, Л.О. Религия и права человека / Л.О. Иванова // Социологические исследования. – 1998. – №6. – С. 102–106.

63. Идеология и молодежь Беларуси : Пособие / Л. С. Аверлин, Т. И. Абдуло, Н. Б. Антонова [и др.]; Под ред. Л. Е. Землякова, С. Д. Лаптенка; Академия управления при Президенте Республики Беларусь. – Минск: Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2005. – 387 с.

64. Иконникова, Н.К. Механизмы межкультурного восприятия / Н.К. Иконникова // Социологические исследования. – 1995. – №11. – С. 26–34.

65. Каган, М.С. Философская теория ценности / М.С. Каган. – СПб.: Петрополис, 1997. – 205 с.

66. Каневский, К. Угроза государственного клерикализма. Нужно ли России Министерство по делам вероисповеданий? / К. Каневский [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.atheism.ru>. Дата доступа: 12.02.2006.

67. Каргина, И.Г. Самоидентификация верующих: социальная мотивация / И.Г. Каргина // Социологические исследования. – 2004. – №1. – С. 45–53.

68. Каргина, И.Г. О динамике развития христианских конфессий / И.Г. Каргина // Социологические исследования. – 1998. – №6. – С. 111–117.

69. Карташев, А. Свобода научно-богословских исследований и церковный авторитет / А. Карташев // Живое предание. Православие в современности: Сб. статей. – Paris: UNCA-PRES, 1936. – С. 25–42.

70. Кирдина, С.Г. Институциональные матрицы и развитие России / В.Г. Кирдина. – Новосибирск: ИЭиОППСОРАН, 2001. – 308 с.

71. Кирдина, С.Г. Социокультурные и институциональные подходы как основа позитивной социологии в России / В.Г. Кирдина // Социологические исследования. – 2002. – №12. – С. 23–32.

72. Кириенко, В.В. Менталитет современных белорусов: монография / В.В. Кириенко. – Гомель: ГГТУ им. П.О. Сухого, 2004. – 225 с.

73. Кирилл, Митрополит Смоленский и Калининградский. Вера. Человек. Земля. Миссия России в XXI веке / Митрополит Кирилл // Проблемы управления, 2006. – №3(20). – С. 12–16.

74. Князев, С.Н. Управление: искусство, наука, практика: учеб. пособие / С.Н. Князев. – Минск: Армита–Маркетинг, Менеджмент, 2002. – 512 с.

75. Кольев, А.Н. Нация и государство. Теория консервативной реконструкции / А.Н. Кольев. – М.: Логос, 2003. – 800 с.
76. Конституции зарубежных государств: США, Великобритания, Франция, Германия, Италия, Япония, Канада: Учеб. пособие / Сост., авт. введ., вступ. ст. В.В.Маклаков. – М.: БЕК, 1996. – 432 с.
77. Конституции зарубежных стран: сборник. – М.: Юрлитинформ, 2001. – 446 с.
78. Корнилов, А.А. Концептуальные основы православной внешней политики в условиях глобализации / А. Корнилов // Свято-Михайловские чтения «Православие и современность». – Минск: Братство в честь Св. Архистратига Михаила в г. Минске и Минской епархии БПЦ, 2005. – С. 71–75.
79. Костюк, К.Н. Возникновение социальной доктрины Русской православной церкви / К.Н. Костюк // Общественные науки и современность. – 2001. – №6. – С. 114–131.
80. Котельников, Г.А. Концептуальные модели взаимодействия светской и религиозной культур / Г.А. Котельников, С.Д. Лебедев // Социологические исследования. – 2004. – №5. – С. 121–129.
81. Котляр, И.И. О реализации свободы совести в Республике Беларусь / И.И. Котляр // Религия и общество: актуальные проблемы современного религиозоведения: сб. науч. тр. / МГУ им. А.А. Кулешова; под общ. ред. В.В. Старостенко. – Могилев, 2006. – С. 177–179.
82. Котляров, И.В. Республика Беларусь в конфессиональном измерении / И.В. Котляров, Л.Е. Земляков. – Минск: Изд-во МИУ, 2004. – 231 с.
83. Котляров, И.В. Политико-конфессиональные процессы в современной Беларуси / И.В. Котляров. – Минск: Белинформпрогноз, 1996. – 11 с.
84. Кравченко, А.И. Социология: Учеб. пособие для студентов вузов / А.И. Кравченко. – М.: Академия, 1997. – 384 с.
85. Кравчук, В.В. Государственно-церковные отношения в странах Западной Европы: философско-правовой аспект: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.06 / В.В.Кравчук; Рос. акад. гос. службы. – М., 1999. – 22 с.
86. Кривельская, Н.В. Секта: угроза и поиск защиты / Н.В. Кривельская. – М.: «Благовест». – 268 с.
87. Круглов, А.А. Основы религиозоведения / А.А. Круглов. – Минск: ТетраСистемс, 2002. – 192 с.
88. Кузнецов, В.Г. Философия: учение о бытии, познании и ценностях человеческого существования: учебник: по экономическим специальностям и направлениям / В.Г. Кузнецов [и др.]. – М.: ИНФРА-М, 2001. – 517 с.
89. Лапина, С.В. Социологическое познание: Методологические проблемы исследования социальных явлений и процессов: Учеб. пособие / С.В. Лапина. – Минск: Беларуская навука, 1998. – 207 с.
90. Ленин, В.И. Социализм и религия / В.И. Ленин // Полн. собр. соч.: в 55 т. – М., 1974. – Т. 12. – С. 143–144.

91. Ленин, В.И. Проект программы РКП(б) / В.И. Ленин // Полн. собр. соч.: в 55 т. – М., 1974. – Т. 38. – С. 118.

92. Лихотыкин, А.А. Религиозное воспитание в войсках – путь к духовно-нравственному возрождению / А.А. Лихотыкин // Свято-Михайловские чтения «Православие и современность». – Минск. – Минск: Братство в честь Св. Архистратига Михаила в г. Минске и Минской епархии БПЦ, 2005. – С. 79–83.

93. Локосов, В.В. Влияет ли религиозность на политическую консолидацию общества? / В.В. Локосов // Социологические исследования. – 2006. – №11. – С. 82–89.

94. Лукашенко, А.Г. О состоянии идеологической работы и мерах по ее совершенствованию / А.Г. Лукашенко // О состоянии идеологической работы и мерах по ее совершенствованию: Материалы постоянно действующего семинара руководящих работников республиканских и местных государственных органов. – Минск. Администрация Президента Республики Беларусь, 2003. – 191 с.

95. Лукин, Н.М. Максимилиан Робеспьер / Н.М. Лукин // Избр. труды: в 3 т. – Т. 1. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1960. – 514 с.

96. Малколм, Э. Религиозная свобода и статья 9 Европейской Конвенции по правам человека / Э. Малколм // Проблемы конституционализма, 2002. – Выпуск 10. – С. 20–35.

97. Манхейм, К. Диагноз нашего времени / К. Манхейм: Сборник / Пер. М.И. Левина и др. – М.: Юрист, 1994. – 700 с.

98. Маркс, К. Ницета философии // К. Маркс, Ф. Энгельс // Полн. собр. соч. – 2-е издание. – М., 1955.– Т. 4. – С. 142.

99. Маркс, К. Передовица в №179 «Kölnische Zeitung» // К. Маркс, Ф. Энгельс // Полн. собр. соч. – 2-е издание. – М., 1955.– Т. 21. – С. 100–101.

100. Мартынов, И.И. Духовные основания белорусской культуры / И.И. Мартынов // Свято-Михайловские чтения «Православие и современность». – Минск: Братство в честь Св. Архистратига Михаила в г. Минске и Минской епархии БПЦ, 2006. – С. 180–183.

101. Медведев, В.А. Философские основания социологического познания / В.А. Медведев // Социология. – 2006. – № 1. – С. 142–163.

102. Международные акты о правах человека. Сборник документов. – М.: НОРМА-ИНФРА-М, 2000. – 784 с.

103. Мельник, В.А. Государственная идеология Республики Беларусь: концептуальные основы / В.А. Мельник. – Минск: Тесей, 2003. – 240 с.

104. Мень, А. Религия, культ личности и секулярное государство (заметки историка религии) / А. Мень // Перестройка: гласность, демократия, социализм. На пути к свободе совести; сост. и общ. ред. Д.Е. Фурмана и о. Марка (Смирнова). – М.: Прогресс, 1989. – С. 88–111.

105. Михеев, В.М. Идеология: размышления и выводы / В.М. Михеев. – Минск: Тонтик, 2004. – 316 с.

106. Мовсесян, С.Г. Коммуникативный аспект сотрудничества Белорусской православной церкви и государства / С.Г. Мовсесян // Проблемы управления. – 2006. – №3(20). – С. 39–43.

107. Мозговой, С.А. Светское как мировоззренчески нейтральное / С.А. Мозговой // Социология. – 2006. – №1. – С. 74–76.

108. Мозговой, С.А. Религиозная политика России: современные тенденции / Россия и современный мир: проблемы политического развития. Материалы III Международной межвузовской научной конференции. Москва, 12-13 апреля 2007 г.: В 2 ч. – Ч. 2. / Под ред. Д.В. Васильева. – М.: Ин-т бизнеса и политики, 2007. – С. 98–11.

109. Морозова, С.А. Некоторые аспекты социологического изучения религиозного сознания населения современной Беларуси / С.А. Морозова // Этносоциальные и конфессиональные процессы в современном обществе: материалы междунар. науч. конф., Гродно, 8-9 декабря 2006 г. / Гродн. гос. ун-т; редкол.: М.А. Можейко (отв. ред.), Н.Н. Беспамятных, С.В. Донских. – Гродно: Гр.ГУ, 2007. – С. 242–249.

110. Мчедлов, М.П. Взаимосвязь религиозного и национального / М.П. Мчедлов, А.А. Нуруллаев, Э.Г. Филимонов и др. // Национальное и религиозное. – М.: Рос. независ. ин-т социальных и национальных проблем, 1996. – С. 4–21.

111. Мчедлов, М.П. Религиозная идентичность. О новых проблемах в межкультурных контактах / М.П. Мчедлов // Социологические исследования. – 2006. – №10. – С. 33–40.

112. Назаров, М.В. Национальная безопасность Белоруссии как защита от нового мирового порядка / М.В. Назаров // Свято-Михайловские чтения «Православие и современность». Доклады и тезисы. – Ч.1. – Минск: – Минск: Братство в честь Св. Архистратига Михаила в г. Минске и Минской епархии БПЦ, 2005. – С. 44–53.

113. Нельсон, Л.Д. Секуляризация и социальная интеграция в сопоставительном аспекте / Л.Д. Нельсон // Социологические исследования. – 1992. – №7. – С. 111–125.

114. Немировский, В.Г. Неклассический и постнеклассический подходы современной российской социологии / В.Г. Немировский // Социология. – 2005. – №2. – С. 19–28.

115. Неокульты: идеология и практика / Е.С. Прокошина [и др.]; под ред. А.С. Майхровича, Т.С. Прокошиной. – Минск: «Изд-во «Четыре четверти», 2005. – 200 с.

116. Никольский, Н.М. Религия, как предмет науки / Н.М. Никольский. – Минск: Белтрестпечатъ, 1923. – 47 с.

117. Новикова, Л.Г. Основные характеристики динамики религиозности населения / Л.Г. Новикова // Социологические исследования. – 1998. – №9. – С. 93–98.

118. Новикова, Л.Г. О специфике религиозного поведения верующих основных христианских конфессий в современной Беларуси / Л.Г. Новикова // Социология. – 2007. – №4. – С. 140–151.

119. Нуруллаев, А.А. Цивилизованные межконфессиональные отношения – важное условие предупреждения и разрешения межнациональных конфликтов / А.А. Нуруллаев // Национальное и религиозное. – М.: Рос. независ. ин-т социальных и национальных проблем, 1996. – С. 123–140.

120. Одинцов, П.И. Путь длиною в семь десятилетий: от конфронтации к сотрудничеству (государственно-церковные отношения в истории советского общества

/ П.И. Одинцов // Перестройка: гласность, демократия, социализм. На пути к свободе совести; сост. и общ. ред. Д.Е. Фурмана и о. Марка (Смирнова). – М.: Прогресс, 1989. – С. 29–70.

121. Осипов, А.И. Тоталитарные секты: технология обмана / А.И. Осипов. – Минск: Белорусский Экзархат – Белорусская Православная церковь, 2004. – 192 с.

122. Основы идеологии белорусского государства : Учеб. пособие для вузов / Т. И. Адуло, В. В. Бушик, Г. А. Василевич [и др.]; Под общ. ред. С. Н. Князева, С. В. Решетникова; Академия управления при Президенте Республики Беларусь. – Минск: РИЦ Академии управления при Президенте Республики Беларусь, 2004. – 492 с.

123. Основы социологии и политологии: учебник / В.П. Сальников [и др.]; под общ. ред. В.П. Сальникова, Г.Д. Ковалева, Д.З. Мутагирова. – СПб.: Лань, 2002. – 416 с.

124. Перепелица, Е.В. Права человека и ценности восточнославянской цивилизации / Е.В. Перепелица. – Минск: Белорусская наука, 2006. – 230 с.

125. Политология / С. В. Решетников [др.]; под ред. С.В. Решетникова; Белорусская академия политических наук. – Минск: ТетраСистемс, 1999. – 432 с.

126. Политология: Курс лекций / А. А. Божанов, С. В. Решетников, В. Е. Астапковский [и др.]; под ред. В. А. Божанова; Академия управления при Президенте Республики Беларусь (Система открытого образования).. - Минск : [б. и.], 2002. – 316 с.

127. Половинкин, А.И. Концепция создания в учебном заведении действенной системы духовно-нравственного, патриотического воспитания учащихся / А.И. Половинкин // Свято-Михайловские чтения «Православие и современность». – Минск: Братство в честь Св. Архистратига Михаила в г. Минске и Минской епархии БПЦ, 2005. – С. 6–11.

128. Потанина, С.В. Некоторые аспекты взаимоотношений государства и религии за рубежом / С.В. Потанина // Журнал российского права. – 2001. – №4. – С. 105–112.

129. Права человека: учеб. пособие / А.Д. Гусев [и др.]; под общ. ред. А.Д. Гусева и Я.С. Яскевич. – Минск: ТетраСистемс, 2002. – 304 с.

130. Права человека: учебник для вуза / Т.А. Васильева [и др.]; отв. ред. Е.А. Лукашева. – М.: НОРМА, 2001. – 573 с.

131. Пчелинцев, А.В. Свобода религии и права верующих в современной России / А.В. Пчелинцев. – М.: ИД «Юриспруденция», 2007. – 392 с.

132. Религиоведение: Учеб. пособие для студентов вузов философских специальностей / М.Я. Ленсу и др.; Под ред. М.Я. Ленсу и др. – 2-е изд., исправленное. – Минск: Новое знание, 2004. – 420 с.

133. Румянцев, О.Г. Юридический энциклопедический словарь / О.Г.Румянцев, В.Н.Додонов. – М.: Изд. дом «ИНФРА-М», 1997. – 384 с.

134. Русанова, О.А. Этнорелигиозный экстремизм как социальное явление в российском обществе (на примере северокавказского региона) / О.А. Русанова // Вестник Московского ун-та. – Серия 18. – 2005. – №2. – С.108–124.

135. Саркисова, Э. Роль Конституционного Суда в обеспечении свободы вероисповеданий / Э. Саркисова // Проблемы Конституционализма: Сб. науч. тр. – Вып. 10. – Минск: Тисей, 2002. – С. 69–74.

136. Симорот, С.Ю. Правовое регулирование права на свободу совести в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / С.Ю. Симорот; Хабаровский гос. тех. ун-т. – Хабаровск, 2000. – 22 с.

137. Синелина, Ю.Ю. Изменение религиозности населения России: православные и мусульмане: суеверное поведение россиян / Ю.Ю. Синелина; [отв. ред. В.В. Локосов]; Ин-т соц.-полит. исслед. РАН. – М.: Наука, 2006. – 112 с.

138. Сметанина, Т.А. Вызовы глобализации и специфика социальной доктрины Русской православной церкви / Т.А. Сметанина // Социология. 2005. – №1. – С. 182–183.

139. Смолян, Н.Л. Политико-идеологическая составляющая информационно-психологической безопасности / Н.Л.Смолян, Г.М. Зараковский // Общественные науки и современность. – 1997. – №5. – С. 35–43.

140. Социология: Учеб. пособие для вузов / А.Н. Елсуков, Е.М. Бабосов, А.Н.Данилов и др.; Под ред. А.Н. Елсукова. – 2-е изд. – Минск: НТООО ТетраСистемс, 2000. – 544 с.

141. Социология: Учеб. пособие и практикум / Авт. и сост. С.В.Лапина; Под общ. ред. С.В.Лапиной. – 2-е изд. – Минск: ИООО Современное слово, 2002. – 352 с.

142. Старостенко, В.В. Свободомыслие и свобода совести в Беларуси: очерки истории: монография / В.В. Старостенко. – Могилев: МГУ им. А.А. Кулешова, 2004. – 266 с.

143. Старостенко, В.В. Модели государственно-конфессиональных отношений в зарубежной практике и Республике Беларусь / В.В. Старостенко // Религия и общество. – Могилев. – С. 204–206.

144. Стефанов, П.Г. Имеется ли у христианства будущее? / П.Г. Стефанов / Вызовы современности и философия: Материалы «Круглого стола», посвященного Дню философии ЮНЕСКО; Кыргызско-Российский Славянский ун-т / Под общ. ред. И.И. Ивановой. – Бишкек, 2004. – С. 151–164.

145. Таркан, И.И. Религиоведение: учеб.-методич. пособие / И.И. Таркан; Акад. управления при Президенте Республики Беларусь. – Минск, 2004. – 203 с.

146. Таркан, И.И. Христианское учение об обществе: идеологический аспект / И.И. Таркан, М.Н. Кустовский // Сб. науч. тр. Акад.управления при Президенте Республики Беларусь. – Выпуск 6, 2005. – С. 278–291.

147. Терлоев, З.С. Проблемы свободы совести в российском обществе (административно-правовой аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.14 / Терлоев З.С.; Всерос. гос. налоговая академия Минфина РФ. – М., – 2006. – 26 с.

148. Тиханский, А.И. Конфессиональные и этнические взаимодействия в контексте социально-экономической и политической стабильности общества / А.И. Тиханский // Динамика общественного мнения о социально-политической ситуации в Беларуси (по материалам социологического мониторинга): сб. науч. тр. / ИСПИ; под общ. ред. М.Н. Хурса. – Минск, 2003. – С. 108–125.

149. Тиханский, А.И. Социальная безопасность в контексте трансформации религиозного сознания / А.И. Тиханский // Этносоциальные и конфессиональные процессы в современном обществе: материалы междунар. науч. конф., 8-9 декабря 2006 г., Гродно, Республика Беларусь [Редкол.: М.А. Можейко (отв. ред.), Н.Н. Беспамятных, С.В. Донских]. – Гродно: Гр.ГУ, 2007. – С. 275–178.
150. Тиханский, А.И. Этноконфессиональные отношения в обществе и их влияние на национальную безопасность Республики Беларусь: монография / А.И. Тиханский. – Минск: ИНБ Республики Беларусь, 2003. – 114 с.
151. Толстова, Ю.Н. Роль моделирования в работе социолога: логический аспект / Ю.Н. Толстова // Социология. – 1996. – №7. – С. 62–80.
152. Тонконогов, А.В. Война сознаний или обеспечение национальной безопасности в сфере духовной жизни России / А.В. Тонконогов // Закон и право. – 2006. – №7. – С. 3–5.
153. Федотова, В.Г. Факторы ценностных изменений на Западе и в России / В.Г. Федотова // Социология. – 2006. – №1. – С. 12–31.
154. Филарет, Митрополит. Сплоченное общество сильно духом / Филарет // Беларуская думка. – 2006. – №10. – С. 122–126.
155. Филатов, С.Б. Нужна ли нам внутренняя граница? / С.Б. Филатов // Перестройка: гласность, демократия, социализм. На пути к свободе совести; сост. и общ. ред. Д.Е. Фурмана и о. Марка (Смирнова). – М.: Прогресс, 1989. – С. 264–273.
156. Философия: Учеб. пособие для высших учеб. завед. – (Издание 4-ое) – Ростов н/Д: Феникс, 2002. – 576 с.
157. Фролов, С.С. Основы социологии: учеб. пособие / С.С. Фролов. – Минск: Юристы, 1997. – 344 с.
158. Хиценко, В.Е. Несколько шагов к новой системной методологии / В.Е. Хиценко // Социологические исследования. – 2001. – № 3. – С. 8–15.
159. Холинер, Д.П. Границы права на свободу совести и религии в практике Европейского Суда по правам человека / Д.П. Холинер // Российская юстиция. – 2003. – №8. – С. 53–55.
160. Шавель, С.А. Социальная сфера общества и личность / С.А. Шавель. – Минск: Наука и техника, 1988. – 168 с.
161. Шарков, Ф.И. Истоки и парадигмы исследований социальной коммуникации / Ф.И. Шарков // Социологические исследования. – 2001. – №8. – С. 52–61.
162. Шелест, О.А. Становление новых типов религиозности в условиях социокультурных трансформаций: автореф. дис. ...канд. соц. наук: 22.00.06 / О.А. Шелест; Ин-т социологии НАН Беларуси. – Минск, – 2006. – 20 с.
163. Шинкарев, В.В. Идеология государственности и общественного развития Республики Беларусь: монография / В.В. Шинкарев, Л.В. Вартанова. – Минск: Акад. управления при Президенте Республики Беларусь, 2002. – 235 с.
164. Шуба, О.В. Релігія в етнонаціональному розвитку України (політологічний аналіз): автореф. дис. ... канд. політ. наук: 23.00.02 / О.В. Шуба; Львівський держ. ун-т. – Львів, 1999. – 24 с.

165. Шубаро, О.В. Проблема сохранения ценностей духовной культуры в условиях глобализации / О.В. Шубаро // Свято-Михайловские чтения «Православие и современность». Доклады и тезисы. В трех частях. – Ч. 1. – Минск: Братство в честь Святого Архистратига Михаила в г. Минске Минской епархии Белорусской православной церкви, 2006. – С. 219–222.

166. Шуклин, В.З. Право граждан на свободу совести и свободу вероисповедания в судебной практике / В.З. Шуклин // Право Беларуси. – 2003. – №12. – С. 58–62.

167. Эдельштейн, Г. Из записок советского священника / Г. Эдельштейн // Перестройка: гласность, демократия, социализм. На пути к свободе совести; сост. и общ. ред. Д.Е. Фурмана и о. Марка (Смирнова). – М.: Прогресс, 1989. – С. 240–263.

168. Этноконфессиональные процессы в Беларуси и формирование патриотизма / А.С. Майхрович [и др.]; под общ. ред. А.С. Майхровича. – 2-е изд. – Минск: ИООО «Право и экономика», 2004. – 160 с.

169. Языкович, В.Р. Ценностные ориентации белорусской молодежи (по материалам социологических исследований студентов минских вузов) // XI Международные Кирилло-Мефодиевские чтения, посвященные Дням славянской письменности и культуры. – Минск: Ковчег, 2006. – С. 221–227.

170. Яскевич, Я.С. Основы идеологии белорусского государства: мировоззренческие ценности и стратегические приоритеты: Учеб.-метод. пособие для вузов / Я.С.Яскевич. – Минск: РИВШ БГУ, 2003. – 360 с.

Источники на иностранных языках:

171. Arzt, Donna E. Religious Human Rights in Muslim States of the Middle East and North Africa / Donna E. Arzt // excerpted from Religious human rights in global perspective: religious perspectives [John Witte, Jr. and Johan D. van der Vyver eds., Martinus Nijhoff Publishers], 1996. – P. 387–454.

172. Edge, Peter W. Religious rights and choice under the European Convention on Human Rights / Peter W. Edge // Web Journal of Current Legal Issues [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.webjcli.ncl.ac.uk/2000/issue3/edge3.h>. – Date of access: – 12.11.2005.

173. The International Religious Freedom Report for 2010 / U.S. Department of State [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.state.gov/g/drl/rls/hrppt/2006>. – Date of access: – 04.03.2011.

Приложения

Приложение А

Уважаемый эксперт!

Просим Вас принять участие в исследовании проблем государственного регулирования свободы совести, проводимом аспирантами кафедры государственного управления социальной сферой Академии управления при Президенте Республики Беларусь, и высказать Ваше мнение по ряду предлагаемых вопросов.

1. Оцените, пожалуйста, Ваш научный потенциал в сфере государственного регулирования отношений, складывающихся между различными социальными субъектами по поводу права на свободу совести.

	Высокий уровень	Средний уровень	Низкий уровень
Ваши теоретические знания по данной проблеме			
Ваш практический опыт в данной сфере			

2. Что, на Ваш взгляд, является главной составляющей свободы совести?

3. Какие из представленных задач деятельности белорусского государства по регулированию социальных отношений в сфере реализации свободы совести, на Ваш взгляд, способствуют ее реализации?

	В большей степени	В меньшей степени	Не способствуют
Обеспечение права на свободу совести и свободу вероисповедания			
Сохранение историко-культурного и духовного наследия			

	В большей степени	В меньшей степени	Не способны
Гарантии равенства перед законом независимо от отношения к религии			
Укрепление и защита традиционных ценностей белорусского народа			
Обеспечение равенства религий перед законом			
Обеспечение свободы объединений в религиозные организации			
Духовно-нравственное совершенствование общества			
Обеспечение национальной безопасности в информационной и гуманитарной сферах			
Содействие достижению взаимопонимания, терпимости и уважения в вопросах свободы совести			
Обеспечение социальной стабильности, гражданского единства и межконфессионального мира			
Другое			

4. Через какие социальные институты, по Вашему мнению, осуществляется реализация свободы совести в Республике Беларусь?

	В большей степени	В меньшей степени	Не осуществляется
Право			
Образование			
Наука			
Органы исполнительной власти			
Религиозные организации			
Искусство			
Воспитание			
Средства массовой информации			
Государственная идеология			
Другое			

5. Укажите, пожалуйста, факторы, способствующие/препятствующие, на Ваш взгляд, реализации свободы совести в Республике Беларусь.

6. Оцените, пожалуйста, место свободы совести в иерархии ценностей гражданина Республики Беларусь/белорусского государства.

7. Оцените, пожалуйста, роль регулятивной деятельности белорусского государства в обеспечении права на свободу совести.

Благодарим Вас за помощь в настоящем исследовании!

Приложение Б

Экспертами выступили (всего 124 человека):

1) Государственные служащие – специалисты в сфере государственного управления:

- *Институт социально-политических исследований при Администрации Президента Республики Беларусь;*

- *Государственный комитет по делам религий и национальностей при Совете Министров Республики Беларусь;*

- *Национальная Академия наук Беларуси.*

2) Профессорско-преподавательский состав ведущих вузов г. Минска:

- *Белорусский государственный университет;*

- *Академия управления при Президенте Республики Беларусь;*

- *Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники;*

- *Белорусский государственный университет культуры.*

3) Представители религиозной стороны:

- *профессорско-преподавательский состав и магистранты теологического факультета Белорусского государственного университета.*

Результаты экспертных оценок

1. Что, на Ваш взгляд, является главной составляющей свободы совести?

1	Равенство религий	- 11
2	Соответствующее воспитание развитой личности	- 9
3	Толерантность граждан, гражданское единство	- 7
4	Осознание не только и не столько своих прав, но и своей ответственности	- 5
5	Права и свободы человека	- 5
6	Свобода выбора верить/не верить и во что именно верить	- 5
7	Равенство возможностей у людей с разными мировоззренческими позициями	- 3
8	Представления о свободе как осознанной необходимости	- 3
9	Свобода личности	- 3
10	Духовно-нравственный стержень	
11	Создание государством условий реализации свободы совести	
12	Социальная зрелость	
13	Свободное проведение богослужений	
14	Возможность проводить демонстрации в центре столицы	

2. Какие из представленных задач деятельности белорусского государства по регулированию социальных отношений в реализации свободы совести, на Ваш взгляд, способствуют ее реализации?

	В большей степени	В меньшей степени	Не способствуют
Обеспечение права на свободу совести и свободу вероисповедания	83,3	13,3	3,3
Гарантии равенства перед законом независимо от отношения к религии	74,2	19,4	6,5
Обеспечение равенства религий перед законом	66,7	30,0	3,3
Обеспечение социальной стабильности, гражданского единства и межконфессионального мира	58,1	38,7	3,2
Духовно-нравственное совершенствование общества	56,7	33,3	10,0
Содействие достижению взаимопонимания, терпимости и уважения в вопросах свободы совести	54,8	38,7	6,5
Сохранение историко-культурного и духовного наследия	51,6	41,9	6,5
Обеспечение свободы объединений в религиозные организации	51,6	29,0	19,4
Укрепление и защита традиционных ценностей белорусского народа	38,7	48,4	12,9
Обеспечение национальной безопасности в информационной и гуманитарной сферах	29,0	61,3	9,7

3. Через какие социальные институты, по Вашему мнению, осуществляется реализация свободы совести в Республике Беларусь?

	В большей степени	В меньшей степени	Не осуществляется
Воспитание	71,0	29,0	-
Право	64,5	32,3	3,2
Религиозные организации	58,1	35,5	6,5
Образование	48,4	38,7	12,9
Искусство	45,2	41,9	12,9
Государственная идеология	43,4	33,3	23,3
Средства массовой информации	41,9	54,8	3,2
Органы исполнительной власти	25,8	58,1	16,1
Наука	16,1	58,1	25,8

4. Укажите, пожалуйста, факторы, способствующие/препятствующие, на Ваш взгляд, реализации свободы совести в Республике Беларусь.

Терпимость, толерантность населения – 9	Законодательство – 5
Образование, воспитание – 7	Зависимость СМИ от государства, отсутствие равного доступа к СМИ представителей разных религий – 3
Реализация прав и свобод человека – 5	Деструктивная роль сект – 4
СМИ – 3	Поддержка РПЦ и прессинг ее конкурентов – 3
Политика государства – 3	Агрессивная политика РПЦ – 2
Совершенствование государственной идеологии – 2	Односторонний подход
Духовно-нравственное совершенствование общества – 2	Подавление личности учреждениями образования

Географическое положение	Отсутствие четкого механизма действия местных и исполнительных органов власти
Лояльное отношение государства к религии вообще	Коррупция, диктатура, тоталитарный режим
Развитие правовой культуры общества	Однополярная государственная идеология
Равенство перед законом	Не проводятся богослужения на национальном языке
Свобода вероисповедания	Вмешательство в свободу действий религиозных организаций
Экономическое развитие	Низкий морально-нравственный уровень современного общества
Отделение церкви от государства	Явная агитация как за, так и против религии
Семейное воспитание	

5. Оцените, пожалуйста, место свободы совести в иерархии ценностей гражданина Республики Беларусь/белорусского государства.

Высокое – 8	Не в числе первых – 7
В конце первого десятка – 7	Ведущее – 6
Не доминирует, так как граждане РБ относятся к этому достаточно равнодушно – 6	Среднее – 5
Высшая духовная ценность – 4	Низкое
На третьем месте после удовлетворения инстинкта выживания и потребностей	Высокое
Пока не стало базовой ценностью, но роль этого фактора возрастает	Реально – на последнем, декларативно – среди прочих декларируемых свобод
Наравне с другими – первых нет, все равные	Наравне с другими – первых нет, все равные

6. Оцените, пожалуйста, роль регулятивной деятельности белорусского государства в обеспечении права на свободу совести.

- 1) Положительная – обеспечение свободы совести – 6.
- 2) основополагающая – 2.
- 3) На достаточном уровне – 2.
- 4) Значительная и постоянно растущая роль.
- 5) Высокая.
- 6) Минимальная.
- 7) Минимальная, потому что реализует свободу совести народ и его понятия о добре и зле.
- 8) Белорусское государство, блокируя свободу совести в политике, экономике и образовании, тормозит развитие свободы совести как коллективного бессознательного и ставит жесткие ограничения для развития осознанной позиции свободы совести.
- 9) В последнее время взялось за это дело, хотя остро этот вопрос в РБ никогда не стоял.
- 10) Не велика, но регламентирует некоторые вопросы путем издания нормативно-правовых актов.
- 11) Никакая.

Коэффициент Пирсона для дихотомических данных (критерий χ^2) применяется в настоящем исследовании в двух целях:

1) Для сопоставления эмпирического распределения признака с теоретическим равномерным, нормальным или каким-то иным.

2) Для сопоставления двух, трех или более эмпирических распределений одного и того же признака. Коэффициент Пирсона позволяет сопоставлять распределения признаков, представленных в любой шкале, и является результатом деления ковариации на стандартные отклонения обеих переменных:

$$r = \frac{s_{xy}}{s_x s_y} = \frac{\sum (x_i - \bar{x})(y_i - \bar{y})}{\sqrt{\sum (x_i - \bar{x})^2 \sum (y_i - \bar{y})^2}}$$

где s_{xy} - ковариация между переменными x и y ;

s_x, s_y - стандартные отклонения для переменных x и y ;

x_i, y_i - значения переменных x и y для объекта с номером i ;

\bar{x}, \bar{y} - средние арифметические для переменных x и y .

Порядок расположения корреляционных цепей определялся по значению первого в этой цепи признака-переменной.

КОРРЕЛЯЦИОННАЯ ТАБЛИЦА
Задачи деятельности белорусского государства в сфере реализации свободы совести, способствующие его реализации

Обеспечение права на свободу совести и свободу вероисповедания	Сохранение историко-культурного и духовного наследия	Гарантии равенства перед законом независимо от религии	Укрепление и защита традиционных ценностей белорусского народа	Обеспечение равенства религий перед законом	Обеспечение свободы объединений ИИ в религиозные организации	Духовно-нравственное воспитание молодежи	Обеспечение национальной безопасности в информационной сфере	Содействие достижениям. Взаимопонимания, терпимости и уважения в вопросах свободы	Обеспечение социальной стабильности, гражданского единства и международного мира
Обеспечение права на свободу совести и свободу вероисповедания	1	-0,64 ,488 120	172 ,081 120	,250** ,006 120	,127 ,166 120	-150 ,102 120	,010 ,915 120	-0,028 ,764 120	-0,04 ,965 120
Сохранение историко-культурного и духовного наследия	1	,148 ,096 124	,082 ,363 124	-,032 ,730 124	-,079 ,361 124	-,064 ,464 124	,372** ,000 124	,041 ,049 124	,521** ,000 124
Гарантии равенства перед законом независимо от религии	,441** ,098 124	1	-,022 ,811 124	,423** ,000 120	,086 ,341 120	-,111 ,226 120	-,191** ,034 124	-,103 ,254 124	-,145 ,107 124
Укрепление и защита традиционных ценностей белорусского народа	,172 ,061 120	-,022 ,363 124	1	-,012 ,869 120	,175 ,051 124	,153 ,094 120	,113 ,210 124	-,210** ,019 124	-,014 ,975 124
Обеспечение равенства религий перед законом	,250** ,006 120	-,032 ,730 120	1	1	,384** ,000 120	-,012 ,896 120	-,009 ,925 120	,318** ,000 120	-,176 ,064 120
Обеспечение свободы объединений ИИ в религиозные организации	,127 ,166 120	-,079 ,381 124	1	1	,384** ,000 120	,115 ,212 120	-,066 ,468 124	,482** ,000 124	-,187** ,038 124
Духовно-нравственное воспитание молодежи	-,150 ,102 120	-,064 ,464 124	1	1	,115 ,212 120	1	,057 ,537 120	-,080 ,383 120	,047 ,608 120
Обеспечение национальной безопасности в информационной сфере	,010 ,915 120	,372** ,000 124	1	1	,057 ,537 120	1	1	1	,362** ,000 124
Содействие достижениям. Взаимопонимания, терпимости и уважения в вопросах свободы	-,028 ,649 120	,041 ,096 124	1	1	-,086 ,468 124	1	,009 ,925 124	1	,354** ,000 124
Обеспечение социальной стабильности, гражданского единства и международного мира	-,004 ,965 120	,521** ,000 124	1	1	,362** ,064 120	,047 ,608 120	,362** ,000 124	,354** ,000 124	1 ,000 124

**Correlation is significant at the 0.01 level (2-tailed). * Correlation is significant at the 0.05 level (2-tailed).

КОРРЕЛЯЦИОННАЯ ТАБЛИЦА
Институциональное обеспечение права на свободу совести в Республике Беларусь

Correlations

	Право	Образование	Наука	Органы исполнительной власти	Религиозные организации	Искусство	Воспитание	Средства массовой информации	Государственная идеология
Право	Pearson Correlation	1	-.103	-.293**	.247**	-.005	-.179*	-.145	-.374**
	Sig. (2-tailed)		.255	.001	.006	.960	.047	.107	.000
	N	124	124	124	124	124	124	124	120
Образование	Pearson Correlation	-.103	1	.563**	-.036	-.579**	-.082	-.352**	.103
	Sig. (2-tailed)	.255	.000	.000	.689	.000	.367	.000	.255
	N	124	124	124	124	124	124	124	120
Наука	Pearson Correlation	-.293**	.563**	1	.180*	-.283**	-.070	.014	-.072
	Sig. (2-tailed)	.001	.000	.045	.001	.001	.441	.875	.426
	N	124	124	124	124	124	124	124	120
Органы исполнительной власти	Pearson Correlation	.247**	-.036	.180*	1	.119	-.229*	-.347**	.118
	Sig. (2-tailed)	.006	.689	.045	.000	.189	.011	.000	.193
	N	124	124	124	124	124	124	124	120
Религиозные организации	Pearson Correlation	-.005	-.579**	-.283**	.119	1	.181*	-.272**	.005
	Sig. (2-tailed)	.960	.000	.001	.189	.000	.045	.002	.960
	N	124	124	124	124	124	124	124	120
Искусство	Pearson Correlation	-.179*	-.082	-.070	-.229*	.181*	1	.126	-.081
	Sig. (2-tailed)	.047	.367	.441	.011	.045	.045	.164	.371
	N	124	124	124	124	124	124	124	120
Воспитание	Pearson Correlation	-.145	.352**	.014	-.347**	-.272**	.126	1	-.112
	Sig. (2-tailed)	.107	.000	.875	.000	.002	.164	.164	.215
	N	124	124	124	124	124	124	124	120
Средства массовой информации	Pearson Correlation	.374**	.103	-.072	.118	.005	-.081	.126	1
	Sig. (2-tailed)	.000	.255	.426	.193	.960	.371	.215	.000
	N	124	124	124	124	124	124	124	120
Государственная идеология	Pearson Correlation	.251**	.489**	.285**	.454**	-.223**	-.084	-.079	.454**
	Sig. (2-tailed)	.006	.001	.001	.000	.014	.395	.000	.000
	N	120	120	120	120	120	120	120	120

**Correlation is significant at the 0.01 level (2-tailed). * Correlation is significant at the 0.05 level (2-tailed).

Научно-практическое издание

АЛЕЙНИКОВА Светлана Михайловна

**РЕЛИГИОЗНО-МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЙ ВЫБОР:
ЛИЧНОСТЬ
ОБЩЕСТВО
ГОСУДАРСТВО**

Ответственный за выпуск

В авторской редакции

Оформление и верстка *Н.Г. Игнатьева*

Подписано в печать..2011 г.

Формат 60x84 1/16. Бумага 65 г/м2. Гарнитура Таймс.

Усл. -печ. листов.

Тираж 150 экз. Заказ №

Издатель и полиграфическое оформление: .

Лицензия: ЛИ № от

ЛП № 0 от 2.